

Рой Медведев, Дмитрий Ермаков

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ»

М. А. Суслов:
политический
портрет

Рой Медведев, Дмитрий Ермаков

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ»

М. А. Суслов:
политический
портрет

Москва
Издательство
«Республика»
1992

ББК 66.61(2)8
М42

М $\frac{0503020800-149}{079(02)-92}$

ISBN 5—250—01807—6 © Р. А. Медведев, Д. А. Ермаков, 1992
© В. А. Тогобицкий, художественное оформление, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце января 1982 года печать и радио СССР сообщили о смерти на восьмидесятом году жизни «после непродолжительной тяжелой болезни» члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического Труда Михаила Андреевича Суслова. Через четыре дня после смерти Суслов был похоронен с такими официальными почестями, каких с марта 1953 года не удостоивался в столице ни один из усопших руководителей партии и государства, высших военачальников.

А между тем Суслов, казалось бы, не принадлежал к тем политическим деятелям нашей страны, которые в последнее десятилетие привлекали внимание внешнего мира. О Суслове говорили и писали мало, да и сам он не стремился к «паблисити» и предпочитал держаться в тени. Он не пытался занимать видных государственных постов, никогда не был ни министром, ни заместителем Председателя Совета Министров СССР и лишь в Верховном Совете исполнял «скромную», незаметную должность председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Суслов слишком хорошо знал и природу, и механизм политической власти. Почти всю свою жизнь он трудился в аппарате партии. Он был, как и Маленков, прежде всего аппаратчиком, но, конечно, гораздо более искусственным и искусным. Суслов поднимался вверх по ступеням партийной иерархии медленнее и упорнее других.

При этом каждый его шаг к вершинам власти имел вполне определенную нравственную цену. 33-летний Молотов был уже одним из секретарей ЦК РКП(б), так же как и 33-летний Каганович. Микоян в свои 33 года был наркомом и кандидатом в члены Политбюро. Маленков в 33 года заведовал одним из самых важных отделов ЦК. 33-летний Суслов же служил лишь рядовым инспектором Комиссии советского контроля. Он был достаточно осторожен и избегал излишней персональной ответственности. Но прочность и основательность его постепенного продвижения обеспечивали аккуратность и исполнительность, ревностное «проведение» указов и постановлений, отсутствие самостоятельных и решительных шагов и действий. И свою почти 80-летнюю жизнь Суслов закончил не скромным пенсионером и не почетным членом ЦК, а человеком, облеченным огромной властью, занимающим, по существу, второе место в партийной иерархии. Поэтому смерть его вызвала многочисленные отклики, толкования и прогнозы.

В последние 17 лет своей жизни Суслов считался главным идеологом партии. В СССР в еще недавнем прошлом идеология была не только областью пропаганды и агитации или сферой общественных наук, но также и важнейшим инструментом власти. Никто не мог занять крупный пост ни в одной общественной или государственной организации, если он строго (пускай и формально) не придерживался партийной идеологии — марксизма-ленинизма. Основы марксизма-ленинизма «тщательно» изучались во всех общеобразовательных школах и всех высших учебных заведениях, независимо от их профиля. Присуждение любой научной степени, будь то по физике, математике или астрономии, литературоведению и юриспруденции, требовало предварительной сдачи экзаменов по марксистско-ленинской философии. До недавних пор человек, обви-

ненный в отходе от марксистской идеологии, а тем более «уличенный» в полемике и несогласии с ней, рисковал не только своей карьерой.

Как член Политбюро ЦК, отвечающий за вопросы идеологии, Суслов находился на вершине пирамиды, состоящей из множества идеологических учреждений. В ЦК КПСС он контролировал деятельность таких отделов, как Отдел культуры, Отдел агитации и пропаганды, Отдел науки и учебных заведений, два международных отдела. Суслову были подотчетны деятельность Политуправления Советской Армии, Отдел информации ЦК, выездная комиссия ЦК, Отдел молодежных и общественных организаций. Под его руководством и контролем работало Министерство культуры СССР, Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Госкино и Гостелерадио СССР. Вся печать, цензура, ТАСС, связь КПСС с другими коммунистическими партиями и внешняя политика государства — все это входило в сферу «влияния» Суслова. Ему приходилось, разумеется, работать в тесном контакте с КГБ и Прокуратурой СССР, особенно в той части проблем, которые объединялись не слишком ясным понятием «идеологическая диверсия». Немало забот доставляло Суслову и развившееся в 60—70-е годы движение диссидентов. Много внимания он уделял фактическому (или, как принято было говорить, «партийному») руководству деятельностью Союза писателей СССР. Он принимал участие во всех основных совещаниях писателей. Не менее бдительным слыл Суслов и по отношению к другим творческим организациям: он «вникал» в работу и Союза художников, и Союза журналистов, и Союза кинематографистов, в репертуарную политику театров и даже эстрады. Система партийного просвещения, общество «Знание», подготовка школьных учебников, система научных институтов по общественным наукам,

отношения Советского государства с различными религиями и церковными организациями — вот далеко не полный перечень проблем, которыми должен был заниматься Суслов.

Особой его заботой было проведение многочисленных юбилеев, 50- и 60-летия Советской власти, 50-летия образования СССР, 100- и 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, — всего не перечислишь.

В 1949 году Михаил Андреевич был одним из главных организаторов пышно-помпезных торжеств по случаю 70-летия И. В. Сталина; в 1964-м — юбилейной кампании к 70-летию Н. С. Хрущева, в 1976 и 1981 годах — главным организатором чествований «верного ленинца» Л. И. Брежнева, отмечавшего «вместе со всей страной» свое 70- и 75-летие.

Зам Суслов при этом был подчеркнуто скромен в личной и общественной жизни. Но он умел, если это было необходимо, потакать тщеславию других. Однако многие из указанных выше юбилейных кампаний проводились с такой вызывающей примитивностью и сопровождалась столь грубой ложью и лестью, что люди нередко задавались мыслью: чего же на самом деле добивается Суслов — поднять или уронить авторитет восхваляемых им лидеров партии?

Если многие секретари ЦК или другие высшие руководители нередко отличались (и отличаются) грубостью и высокомерным пренебрежением к подчиненным, то Суслов почти всегда был крайне вежлив и внимателен к рядовым служащим партийного аппарата и потому пользовался в его звеньях несомненной симпатией. Однако более наблюдательные сотрудники отмечали, что взгляд светлых, почти белесых глаз Сулова был неприятен; к нему трудно было подойти запросто; при всей внешней корректности и вежливости он не мог подчас скрыть присущей ему сухости и равнодушия к судьбам людей. Его длинные и тонкие паль-

цы напоминали больше руки пианиста, а не крестьянина, каким он был по своему происхождению.

Если сравнить портреты Суслова 50-х и конца 70-х годов, то можно с удивлением заметить, что особых изменений его внешность не претерпела. Наверное, время не коснулось ее? Уже в конце 40-х Михаил Андреевич производил впечатление «молодого старика» (или делал вид), хотя, скажем, в памятном юбилейном 1949-м ему исполнилось лишь 47 лет. Достаточно высокого роста, сутулый (может, сказывалась привычка, выработавшаяся у многих в окружении Сталина, — стараться казаться ниже ростом), худой, даже суховатый, с неярким, малозапоминающимся лицом. Подобную неизменность и «законсервированность» подчеркивала и манера Суслова одеваться. В конце тех же 40-х на смену мешковатому кителю и широченной кепке пришли костюмы, фасон которых оставался практически тем же, казенно-архаичным, на протяжении почти 20 лет. Суслов предпочитал двубортные пиджаки с широкими отворотами траурно-черного или безлико-серого цветов, смотревшиеся на его фигуре как-то неуклюже, словно на вырост, а также темные галстуки. Какого-либо раскрепощения или фривольности в своем внешнем виде Суслов не позволял. Неизменной деталью были небольшие очки в строгой, старомодной оправе. Несомненно, Суслов был натурой цельной — он не менял своих привычек и привязанностей не только в «вопросах большой политики», но и в мелочах.

Никто как будто не обвинял Михаила Андреевича в жадности к материальным благам и наградам, в стяжательстве, в каких-либо излишествах, дорогу к которым открывала власть. Кое-кто из людей «верхнего круга» советского общества даже подсмеивался порой над его чрезмерным аскетизмом. Но этот аскетизм был скорее отражением мудрой уверенности Суслова в том, что настоящая и подлинная власть «равнодушна»

к внешней мишуре (этому был и другой известный пример — И. Сталин). Кроме того, личный аскетизм отнюдь не сочетался у Суслова с непримиримостью к излишествам своих партийных соратников, если речь не шла о вопросах идеологии. Известно немало случаев, когда Суслов был крайне снисходителен к тем видным партийным и государственным чиновникам, которые нередко путали собственный карман с государственным, погрязли в коррупции, взятках и прочих материальных злоупотреблениях. Немало бумаг и докладных записок, которые должны были бы послужить поводом для немедленного судебного разбирательства и последующего сурового наказания отдельных министров, секретарей обкомов, руководителей целых республик, прекращали свое «движение» в многочисленных сейфах кабинета Суслова. Может быть, это и было одной из причин его власти и могущества?

Думается, что подобные скрытые «нити влияния» в те годы массовой коррупции были самыми надежными и прочными. Известна, например, роль М. А. Суслова в некогда нашумевшем деле «Океан». Свидетельствует старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР К. К. Майданюк: «Во-первых, начиналось оно (дело «Океан».— *Прим. авт.*) как обычное хозяйственное. То, что это мафиозный спрут, стало очевидным позже. И тут нельзя не отметить личную смелость Найденова... А, во-вторых, когда «засветились» высокие посты, Найденова грубо сбросили с занимаемой должности. Сделали это, как стало известно, Суслов и Кириленко, чтобы отвести угрозу от Медунова»*.

Более того, Суслов всегда очень ревниво относился к сохранению видимости внешней чистоты, нравственного благополучия и «подлинной близости» окружав-

* Известия. 1990. 23 марта.

шей его партийной элиты к «массам». Он нередко негодовал, если светлый, мифологизированный образ «слуги народа» кем-то подвергался сомнению, или — еще хуже и крамольнее — критиковался. Правда и реальное положение вещей в таких случаях Суслова мало интересовали. Характерный эпизод в своих воспоминаниях приводит журналист И. Шатуновский, в былые годы (опираясь на идею Л. И. Брежнева) опубликовавший в «Правде» фельетон об излишнем пристрастии жен и прочих многочисленных родственников функционеров к путешествиям в служебных автомобилях — по магазинам, ателье, баням и т. п. Публикация статьи с описанием подобных «нравов» вызвала недвусмысленную реакцию «главного идеолога»: «После обеда мне позвонил редактор «Крокодила» Мануил Семенов: «Я только что из «большого дома». Твой сегодняшний фельетон в пух и прах разделал Суслов. Кричал, что «Правда» натравливает народ на руководящий аппарат... Так что смотри!» Я усмехнулся. А чего мне смотреть. Суслов не в курсе дела. Узнает, кто подсказал тему, и умоется... Я принимал поздравления еще два дня. На третий грянул гром. Случилось это на редколлегии, которую вел... заместитель главного... «Так вот, товарищи, мы получили очень строгое замечание от Михаила Андреевича, — сказал он. — Фельетон «Теща на «Волге» признан ошибочным и вредным...» Мне показалось, что я ослышался. Что происходит? Брежнев против того, чтобы чьи-то тещи ездили на персональных машинах, а Суслов, выходит, «за»!.. Между тем в мою голову продолжали лететь кирпичи: «Натравливает народ на руководящий аппарат. Потрафляет обывательским вкусам... Пытается вбить клин в морально-политическое единство...»* И подобные случаи не единичны.

* Шатуновский И. Человек в футляре // Огонек. 1989. № 4. С. 27.

Путь к реальной, поистине всеохватной власти и могуществу Суслову открыл октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, проходивший под лозунгом «стабильности». Речь шла о стабильности в политике, руководстве, идеологии. И тем не менее 60-е и 70-е годы стали временем больших перемен и во внутренней, и во внешней политике, и в составе руководства. Из членов Президиума ЦК КПСС, которые обсуждали в октябре 64-го вопрос о смещении Хрущева, продолжали заседать в Политбюро только три человека: Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко и М. А. Суслов. Большая часть членов старого Президиума была смещена, меньшая похоронена у Кремлевской стены. Теперь рядом с ними покоится и прах Суслова.

В аппарате ЦК уже давно прозвали Суслова «серым кардиналом». Имелись в виду не только масштабы его власти, но и тщательно скрываемые источники влияния, а также стремление формировать и направлять политические события из-за кулис. Создание политического портрета Суслова — задача сложная. С одной стороны, сказывается пока невосполнимый дефицит архивных документов, способных нарисовать детальную объективную картину, с другой (думается, читатели ощутили это уже при «первом знакомстве» с биографией Суслова) — серьезным препятствием становится сам образ жизни и стиль поведения Михаила Андреевича, сознательно ориентированный на строгие, сугубо официальные формы: встречи, выступления, статьи и т. п. Естественно, с годами вокруг личности Суслова накопилось немало легенд и откровенной лжи. В 70-е годы многое из прежде содеянного и сказанного тщательно «отредактировал» М. А. Суслов самолично. Рождаются мифы и сегодня.

Восстановление исторической правды — главная цель этой книги. Мы попытаемся осветить основные этапы политической карьеры Суслова.

О ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЕ И ЭПОХЕ

Загадка политического долголетия Суслова

Прежде чем непосредственно приступить к истории Михаила Андреевича Суслова, необходимо предварительно кратко объясниться. Биография Суслова на первый взгляд может показаться заурядной, удручающе однообразной и даже скучной. Да и сам образ «главного идеолога» лишен ярких, резких красок — и не сравнится в этом с фигурами Берии, Сталина или Хрущева. Однако внешняя обыкновенность обманчива. Парадокс заключается в том, что в судьбе Суслова масса тайн и вопросов, за неприметностью и «стертостью» облика проступает хитрая, расчетливая, властолюбивая натура.

Поэтому, нарушая принятые законы жанра, мы начнем жизнеописание Суслова преднамеренно «с конца» — с попытки хоть частично разобраться в загадках его личной судьбы и отраженной в ней эпохи. Для того чтобы облегчить читательское восприятие, яснее почувствовать смысл происходивших событий, постараемся прислушаться к неровному пульсу времени и ощутить своеобразие течения истории. Попытаемся наметить главные ориентиры общественного сознания и поведения тех лет: безраздельное господство идеологии (приобретавшей порой откровенно мифологические черты), «огосударствление» жизни, в том числе и частной, регламентация и ритуализация форм поведения, формирование особого, «идеологизированного» языка (если воспользоваться сходным определением Д. Оруэлла — «новояза»).

Стремление авторов наметить вехи будущего маршрута продиктовано своеобразием предмета исследования — многолетним становлением политического деятеля авторитарной эпохи. Предварим первый (и наверное, главный) недоуменный вопрос читателей: как такой человек — безынициативный, осторожный и нерешительный — мог свыше сорока лет удерживаться у власти и, более того, оказывать влияние, формировать «идеологию» огромной страны? Что питало и укрепляло его могущество?

Очевидцы вспоминают, что в течение долгих лет одной из излюбленных присказок Михаила Андреевича была следующая: «Партии не нужны таланты, партии нужны преданные люди». Что ж, афоризм столь же неопровержимый в былые времена, сколь и характерный — здесь средоточие представлений Суслова, итог его политического развития.

Для появления фигуры, подобной Суслову, в высшем эшелоне власти, безусловно, должны были существовать определенные условия, почва и «стимулирующая» идеологическая среда. Начиналось все в конце 20-х... Именно тогда, на переломе эпох, в период резкой смены идеологических ориентиров, формировался и «воспитывался» М. А. Суслов. Нэп был искусственно прерван, и здоровое в своей основе развитие нового общества (его базиса и надстройки) стало постепенно тормозиться и деформироваться. Противостояние различных течений и групп внутри партии по вопросам политической и «генеральной» линии все более превращалось в беспринципный спор за их единоличное влияние на ход событий, а затем в жестокую непримиримую борьбу за личную власть конфликтующих между собой партийных вождей. Борьба против «правой» и «левой» оппозиции, о которой как о несомненной заслуге Михаила Андреевича упоминается в его биографиях, была уже открытой борьбой за власть, распра-

вой с инакомыслящими. Новому руководству были чужды выстраданный опыт Ленина или Бухарина, их гибкость, практическая мудрость, стремление найти компромисс в критической ситуации, постепенно (а не разом, с наскака) решать острые социальные и экономические проблемы. Все уже диктовала сила, а также взятые из наследия левого радикализма нетерпимость, нигилизм, презрение к объективным законам общества и элементарному здравому смыслу.

Одновременно развивался процесс духовно-нравственного перерождения части правящей партийно-государственной элиты, готовой удержаться на вершине управленческой пирамиды любыми средствами, с помощью любых доктрин. Таким образом, борьба за необходимое вначале сохранение власти стала содержанием, сутью самой этой власти, борьбой ради борьбы. Творчество и самобытность все активнее вытеснялись охранительным догматизмом. Человек идеи безнадежно уходил в прошлое, на смену ему все увереннее выдвигался слуга идеи. Впрочем, и сама идея неузнаваемо изменилась.

Остановимся подробнее на произошедших в идеологии изменениях, несомненно повлиявших на сознание и поступки М. А. Суслова. С конца 20-х годов политика все меньше опирается на научные разработки и все более утрачивает связи с действительностью. В результате негативных процессов в верхних эшелонах власти были отброшены разумные рекомендации и выводы общественнознания, экономической науки. В противоположность ленинской идее добровольности всех форм социалистической кооперации, искажая ее смысл, сталинское руководство варварскими методами провело насильственную кампанию «сплошной коллективизации». Деревню обобществили. На север и восток под лозунгом «ликвидации кулачества как класса» отправили на голодную смерть многомиллионное

зажиточное крестьянство. Страну охватил зерновой, продовольственный кризис. Такова была цена начатого идеологического эксперимента. Естественно, гонениям подверглись и объективно, беспристрастно мыслящие экономисты, поскольку они не соглашались обосновывать соответствующей «теорией» социализма порочную административно-политическую акцию. Их сопротивление подавлялось путем идеологических репрессий и физического уничтожения. Неудивительно, что теория социалистического хозяйства все дальше уходила от науки, поиска истины, реальной жизни. Она была вынуждена фальсифицировать научные данные, оправдывая ошибочную, порой просто преступную политику в деревне Сталина, Молотова и других руководителей, узурпировавших власть. Подобные метаморфозы потрясли все сферы идеологической жизни, все отрасли общественно-научного знания. Итог и апофеоз процесса — появление «Краткого курса истории ВКП(б)».

Результатом образования сталинской тоталитарной системы стало не просто замедление в развитии идеологической жизни, но ее жестокая деформация, превращение идеологии в то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли «ложным сознанием». Общественные науки превратились, по существу, в служанок светской религии. Им отводилась жалкая роль — комментировать откровения Сталина и его сподвижников. Всякое отступление от должного и дозволенного жестоко подавлялось. Реальные общественные процессы как бы втискивались в прокрустово ложе извращенной идеологии.

Сложившаяся и обслуживающая режим тоталитарная идеология требовала не мысли и рассуждений, а поклонения и слепой веры; не самостоятельности, а исполнительности; не таланта, а преданности. Личность нивелировалась в сложившейся системе до на-

бора необходимых государству качеств и ценна была не своей индивидуальной неповторимостью, а вульгарной и насильственно внедряемой социальностью — стремлением быть как все. И чем выше в строгой иерархической структуре государства находился человек, тем меньше он принадлежал самому себе, тем ограниченнее была у него возможность выбора (в том числе и нравственного) и тем больше он становился частью целого.

Вступая на тернистый путь партийной карьеры в начале 30-х годов, Суслов постепенно хорошо усвоил правила игры и поведения, диктуемые обстоятельствами. Более того, желание подчиняться и служить было ему близко внутренне, психологически. Поэтому не надо было преодолевать в себе никаких моральных барьеров, он все делал добровольно и сознательно. Время требовало безгласных и не раздумывающих. И посредственности было гораздо легче выжить и продвигаться «вверх». Как мы уже говорили, сутью власти стала борьба за власть — а здесь требовались хитрость, расчет, умение «плести интриги», такт и гибкость. И в этом Михаил Андреевич с годами преуспел.

Может возникнуть естественный вопрос: насколько Суслов был искренен в отстаивании идеологических догм на протяжении своей многотрудной карьеры? В 30—40-е годы это не было актуальным. Авторитарной идеологии неважно, насколько искренна вера человека, главное — форма, демонстративная преданность и не знающая сомнений беспощадность в борьбе с врагами. Позднее, с годами, ревностно служа тоталитарной идее, Михаил Андреевич настолько сросся и слился с ней, что она стала для него естественной и единственной реальностью. В 60—70-е годы хорошо помнивший тексты «классиков» Суслов мог на любой случай привести цитату, а точнее, подогнать под авторитетное высказывание жизнь.

Существовая в каком-то своем, закрытом для посторонних мире, он болезненно реагировал на любые посягательства, отталкивая и не замечая ни насущных проблем, ни требований действительности. А последняя все стремительнее удалялась от излюбленных и изношенных лозунгов и догм. На исходе жизни М.А. Суслов многим, даже во внешнем облике, напоминал чеховского «человека в футляре». Характерные эпизоды вспоминает бывший ответственный работник аппарата ЦК КПСС Ф. Ф. Петренко: «Мне представляется, что политическое мышление этого загадочного человека было ортодоксальным и во многом догматичным. Он, между прочим, чуть ли не единственный из всей когорты руководителей, кто читал Ленина. Однако воспринимал в нем скорее букву, чем дух. Большой аскет, по-своему честный и скромный. Два раза в год он имел обыкновение вызывать к себе главного бухгалтера ЦК, открывать перед ним ящик стола, где лежала зарплата за последние шесть месяцев, и большую часть ее отдавать в партийную кассу. Многие отмечали за ним и странность ходить в калошах, в одной и той же старенькой шляпе. Но, видно, привычка... Помню, в 66-м меня включили в состав делегации, возглавляемой Сусловым. В Болгарии тогда происходили события, требующие нашей политической поддержки Живкова и его сподвижников. Андропов и поручил мне написать для Михаила Андреевича несколько оптимистических речей о дружбе двух стран. Закончив работу, я пошел к Сулову. И представьте мое удивление, когда после прочтения текста он не сделал ни одного сколько-нибудь принципиального замечания!.. Признаться, такая непритязательность теоретика партии вызвала во мне недоумение... Ну а наша беседа в Софии — и другое чувство. Мы возвращались с очередного митинга, и я заговорил о гласности, интересуясь: почему советскому народу так мало известно о дея-

тельности Политбюро? Ведь это в высшей степени странно... Михаил Андреевич слушал внимательно, а когда я задал вопрос в лоб, просто-напросто его проигнорировал. Тут-то у меня и возникло сомнение в способности некоторых наших политических деятелей воспринимать требования времени»*.

Как всякая замкнутая в себе, чуждая критики и развития, тоталитарная идеология постепенно приобретала поистине мифологические черты; здесь и культивировавшаяся идея «живого бога», и слитности времени: прошлое существует одновременно и наравне с настоящим (вспомним переосмысление фигур Ивана Грозного и Петра Первого при Сталине); неразличение слова и предмета (взрыв официальной риторики и экспансии «псевдореволюционной» фразеологии во все сферы жизни). Внутренняя несвобода мышления и поведения привела к невиданному ранее развитию театральной стихии жизни. «Театральность» заявила о себе еще в первые годы Советской власти: не случайно революция 1905 года именовалась «генеральной репетицией», а Октябрьская — «сменой декораций»; в 1920 году театральный режиссер Н. Н. Евреинов осуществил беспрецедентную по масштабам постановку — инсценировал штурм Зимнего дворца. При сталинском режиме, помимо парадов, физкультурных праздников, «театральность» приняла трагические формы — в многочисленных судебных процессах или массовых идеологических кампаниях-расправах...

На партийной работе М. А. Суслов постепенно приобрел и качества опытного постановщика и режиссера (борьба с «космополитизмом», юбилей Сталина). В 60—70-е годы «театральность» уже обернулась

* Речь для Серого кардинала. Интервью с Ф. Ф. Петренко // Московский комсомолец. 1991. 16 марта.

откровенным фарсом, или театром абсурда: именно так воспринималось большинством создание по инициативе Сулова «живой легенды» — Леонида Ильича Брежнева. Другим воплощением господства этой театральной стихии стали бесконечные митинги, собрания, встречи. Соответственно вырабатывался и определенный тип руководителя. Для большей наглядности приведем отрывок из некогда популярной книги П. Павленко «Счастье» (дневники школьников конца 40-х пестрели «мудрыми» цитатами и сентенциями из этого сочинения): «Тут вспомнилось ему (главному герою политработнику Воропаеву.— *Прим. авт.*)... он шел однажды лесом и вдруг издали заметил: мальчик лет десяти, соорудив из досочек игрушечную трибуну и поставив на нее черепушку вместо стакана с водой, увлеченно произносил какую-то речь, изредка «прихлебывая» из черепка и потрясая кулаком, как это делал и сам Воропаев. Неглубокий сосновый борок, вразвалку сбегавший с холма к дороге, насквозь просвечивался солнцем, и оттого каждое дерево стояло как бы в солнечной лунке. А мальчик находился в тени и был отчетливо виден с дороги. Он играл один, далеко от жилья. О чем он рассказывал, кого защищал или обвивнял (разрядка наша.— *Авт.*)? Что делалось в этом маленьком сердце, когда его ручонка, постучав по трибуне, устремлялась вперед, как у бронзового Леонида (разрядка наша.— *Авт.*)?.. Этот мальчик-оратор был его духовным созданием»*. Вот такие идиллические игры.

Итак, история нередко походила на митинг. Тоталитарный режим, да и позднейшие эпохи выработали определенный язык и соответственно стиль поведения: все здесь было строго расписано и ритуализовано.

* Павленко П. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1953. Т. 2. С. 70,

О сходном явлении размышлял в своем романе «1984» Д. Оруэлл: «Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англофашизма (английского социализма.— *Прим. авт.*), но и сделать невозможными любые иные течения мысли... Лексика была сконструирована так, чтобы точно, а зачастую и весьма тонко выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того, отсесть все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями... Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли... Для политических целей прежде всего требовались четкие **стриженные** (разрядка наша.— *Авт.*) слова, которые имели ясный смысл, произносились быстро и рождали минимальное количество отзвуков в сознании слушателя»*.

Именно усиленное овладение и умелое манипулирование подобным языком обеспечивало власть. В биографии «главного идеолога» читателя не должно смущать обилие выдержек и цитат из речей и выступлений Суслова. Потому что высказывания Михаила Андреевича здесь не просто иллюстрация его позиций и оценок, это нечто большее. Слова становятся формой поведения, поступком, важнейшим инструментом политической власти. Сравним три высказывания Суслова разных эпох. «Кое-где еще сохранились вражеские элементы, но житья мы им не дадим». Это конец 30-х. «Они («лесные братья» в Литве.— *Прим. авт.*) продолжают творить черное дело, совершая злодеяния, которым научились у немецко-фашистских захватчиков и извергов». Это середина 40-х. «Нападки ревизионистов отбиты, и они вынуждены были отступить с позором,

* Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 200, 201, 206.

но идейные бои на этом не прекращаются». Мысли по поводу развития искусства на исходе 50-х. За постоянной решительностью и непримиримостью, за поиском врагов и виноватых Суслов играет роль неутомимого борца, чей удел — «вечный бой».

Впрочем, как и во всем, он был осторожен и не блистал ораторским искусством. Он предпочитал проверенную фразеологию и ссылки на чужие авторитеты, не терпел «лирики» или чрезмерной «игры воображения», хорошо понимая, что образное красноречие может завести слишком далеко.

Другой стороной официальной риторики стало появление множества условных обозначений и эвфемизмов, что обеспечивало видимую прочность авторитарной идеологии. Одним из излюбленных эвфемизмов (в том числе и для Суслова) стало выражение «народ» или, более расплывчато, «народные массы». Как только не клялись и не ссылались на их мнение и благо! А в основе лежали глубокое неуважение к отдельному человеку, представление о народе как о безликой толпе, которой нужны не идеи, а лозунги, не разумная логика, а громкие посулы.

Мы попытались в общем обрисовать особенности предмета нашей работы, коснулись лишь некоторых причин политического долголетия Суслова. Важно и другое — отмеченное своеобразие идеологической эпохи обуславливает и формы повествования. Так, помимо документов, воспоминаний современников, помимо анекдотов, то время ярко запечатлено и на страницах газет. Эту особенность советской газетной хроники точно подметил А. И. Солженицын: «На Западе может так быть, что поток газетный не увлекает за собой жизнь или не отражает ее. Благодаря обилию и свободе прессы. В истории раннего Советского Союза, да и

позднего, газеты имели совершенно другое значение. Наши газеты были пулеметными очередями, фразы наших газет расстреливали и делали события»*.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Первые тридцать лет

Нам мало что известно о первых тридцати годах жизни Михаила Сулова. И в Большой Советской Энциклопедии, и в Исторической, в некрологе по случаю смерти и разного рода биографических очерках об этом периоде говорится в одинаковых выражениях и одинаково скупо.

М. А. Сулов родился 21 ноября 1902 года (по новому стилю) в селе Шаховском Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне Ульяновской области) в бедной крестьянской семье. Отец Сулова — Андрей Андреевич, также родом из Шаховского (родился в 1882 году), с детства испытал привычные для крестьянского мальчика голод, нужду и упорный труд. Но то ли сердце у него к земле не лежало и скучны были крестьянские заботы, то ли решил зарабатывать другим способом, чтобы прокормить оставшуюся в селе семью, то ли тянуло мир посмотреть, — в 1904 году он надолго покидает родные места. Уезжает на заработки в далекий Баку, где и поступает на работу на нефтепромысел.

Судя по всему, события 1905 года не прошли мимо Андрея Андреевича, после революции он ненадолго попадает под надзор полиции. Человек деятельный и энергичный, Сулов много путешествует по стране (может, от извечной тяги к странствиям и поискам справедливости, а может, по более прозаичным причинам:

* Александр Солженицын: Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. Париж, март 1976 // Литературная газета. 1991. № 12. С. 11.

в надежде на легкий и скорый заработок). Он часто меняет род занятий и место работы. После долгой разлуки (в конце 1912-го) возвращается в родное Шаховское, где в семье уже подрос сын Михаил, ставший опорой для матери. Но на родине старший Суслов задерживается ненадолго: в 1913 году он работает в организованном им сельском кооперативе в Шаховском, а в 1916-м, собрав артель плотников (видимо, предпринятое дело опять пошло неудачно), уезжает с ней в Архангельск. Там его застают Февральская, а затем и Октябрьская революция. В это смутное время Суслов-старший избирается в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1919 году, вернувшись на родину, он вступает в члены РКП(б), служит в Хвалынском уезде и горсовете. В своей автобиографии Андрей Андреевич упоминает и о горестных семейных событиях: болезни двух его детей в 1920 году. Это был тиф. С середины 20-х годов ни о судьбе отца Михаила Суслова, ни о его младших братьях или сестрах нам ничего не известно. Во всяком случае, в отличие от семьи Кагановичей, никто из членов семьи Суслова не принимал заметного участия в политической жизни нашей страны. Мать Михаила Андреевича дожила до 90-летнего возраста и умерла лишь в начале 70-х годов в Москве, Суслов проявлял к ней сыновнюю заботу и преданность. Что же касается его взаимоотношений с отцом, то об их характере можно лишь догадываться. Возможно, долгие разлуки и отсутствие отцовских рук в раннем детстве запали в память сына, став причиной некоторого отчуждения. Так или иначе, отца своего Суслов вспоминал крайне редко. Да и воспоминаниями о своем детстве он не любил делиться. Исключение составил разве что эпизод во время «избирательной кампании» в Верховный Совет РСФСР в Ростове-на-Дону в 1938 году. Тогда М. А. Суслов в речи перед колхозниками-избирателями рассказал о впе-

чатлениях своей юности: «А вспомните, товарищи, прошлое, когда миллионы трудящихся были бесправными, забитыми, угнетенными. Я вспоминаю свои молодые годы. Тяжелое было мое детство, как и детство многих тогда бедных крестьянских ребят. У моего отца никогда не было лошади. Душили нищета и голод. Душили помещики и купцы. 800 крестьянских дворов нашего села имели меньше земли, чем имели два соседских помещика»*.

Однако в привычной для 30-х годов, слишком общей и гиперболизированной речи Суслов, мягко говоря, искажил действительность. Село Шаховское (800 крестьянских дворов!) было огромным и весьма зажиточным. Как и в других больших селах, помимо земледелия здесь процветали промыслы и торговля. Естественно, было сильно и социальное, имущественное расслоение: здесь имелось много зажиточных («кулацких») и крепких («средняцких») хозяйств, много было и бедноты.

В деревне М. А. Суслов получил начальное образование (наверняка окончил приходскую школу при церкви). Как принято говорить, он стал рано проявлять революционную активность. Когда в стране начали создаваться комитеты бедноты, молодой Суслов вошел в бедняцкий комитет родного Шаховского. В феврале 1920 года вступил в ряды РКСМ, принимал участие в организации сельских комсомольских ячеек. Что же стоит за этими скупыми строками его официальной биографии?

Думается, как и везде, комбеды участвовали в распределении земли, организации коммун, в «борьбе с кулаками», помогали в проведении продразверстки, изымая хлебные излишки у всех более или менее зажиточных мужиков. Что двигало Сусловым в его

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 17 июня.

революционной деятельности? Это могла быть искренняя убежденность в справедливости идеалов, провозглашенных революцией, а могла быть и обыкновенная ненависть и зависть к тем, кто лучше работает и лучше живет. Но все это лишь предположения.

До нас дошел любопытный документ той эпохи — «Протокол № 2 заседания активных работников Хвалынской городской организации КСМ от 9 декабря 1922 года». На собрании еще юный Михаил Суслов читал собственное сочинение — реферат под названием «О личной жизни комсомольца». Наверное, уже тогда стал складываться начетнический и догматический стиль мышления, столь характерный для «главного идеолога» страны в его зрелые годы. Уже тогда жесткие и аскетические требования к нравственной стороне поведения молодежи лектор изложил в виде «заповедей», «что можно и что нельзя делать комсомольцу». Затем этот новоявленный «кодекс морали» решено было опубликовать и распространить по другим ячейкам.

В 1921 году в 19-летнем возрасте Суслов стал членом Коммунистической партии. Вскоре по путевке местной партийной организации он приехал в Москву и поступил на Пречистенский рабфак, который успешно закончил в 1924 году. С 1924 по 1928 год Суслов учился в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, одновременно ведя педагогическую работу в Московском химическом техникуме имени Карпова и в Московском текстильном институте. Позднее (для повышения квалификации) он стал слушателем Экономического института красной профессуры, который готовил в то время кадры «красных преподавателей», новую «партийную интеллигенцию». Состав преподавателей и в Институте имени Плеханова, и в Институте красной профессуры был очень сильный, так что можно предположить, что Суслов полу-

чил неплохую экономическую подготовку. Вопросы экономики, политэкономии и, более конкретно, своеобразие переходного периода в 20-е годы были в центре партийных дискуссий. Какие позиции отстаивал Суслов? Из биографии мы можем узнать, что «активно боролся как против «левой», так и против «правой» оппозиции».

В 1929 году молодой ассистент начал читать курс политэкономии в Московском университете и в Промышленной академии. В этой академии как раз в 1929/30 году учился Н. С. Хрущев. Между студентами академии, пришедшими непосредственно с партийной работы, и преподавателями были совсем иные, менее официальные отношения, чем принято традиционно. К тому же Хрущев был избран секретарем партийной организации академии и по должности контактировал с преподавателем одной из ведущих дисциплин. Поэтому можно без колебаний сказать, что Хрущев и Суслов знали в этот момент друг друга. Однако никакого близкого знакомства между ними тогда не возникло. Это произошло лишь в конце 40-х годов.

Научная карьера, видимо, не прельщала М. А. Сулова, и, очевидно, поэтому он выбирает другой путь.

37-й И ДРУГИЕ ГОДЫ

Весной 1931 года решением ЦК Суслов был направлен на работу в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции — единый (до 1934 года) партийно-государственный контрольный орган. Должность ему определили скромную — инспекторскую.

Что же входило в его обязанности? Об этом можно судить по ежемесячным пространным отчетам, публиковавшимся в специальном разделе «Правды» —

«Листок ЦКК и РКИ». Здесь содержалась подробная информация о всех событиях и сферах деятельности контрольных органов. Внутри аппарата ЦКК существовали различные отделы, связанные с той или иной областью народного хозяйства или государственного управления. Структура центрального аппарата дублировалась местными органами. Но с начала 30-х практически все звенья ЦКК — РКИ были задействованы в массовых политических кампаниях: это могла быть «борьба с ослаблением дисциплины на промышленных предприятиях» или «очистка» торговой сети «от спекулянтов и бюрократов». Зимой 1933 года на слете колхозников Сталин высказал озабоченность нечеткой работой МТС и ремонтных мастерских. Оказалось, что классовый враг портит советский трактор не только в поле, но и всячески старается задержать его ремонт. Кроме того, он коварно срывает и дезорганизует работу мастерских. Естественно, перед контрольными органами была сформулирована экстренная задача — «разоблачить кулака и его пособников, пролезших в машинно-тракторные мастерские». ЦКК — РКИ взяла под свое систематическое наблюдение 21 МТС. Время до посевной еще оставалось, и контроль ширился. По выявленным фактам «саботажа» были возбуждены уголовные дела. 12 марта 1933 года в «Правде» появилось сообщение: «От коллегии ОГПУ... Коллегия ОГПУ, рассмотрев в судебном заседании своем от 11 марта 1933 г. дело арестованных — выходцев из буржуазных и помещичьих классов, государственных служащих в системе Наркомзема и Наркомсовхозов — по обвинению их в контрреволюционной вредительской работе в области сельского хозяйства в районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии,

постановила:

За организацию контрреволюционного вредительства в машинно-тракторных станциях и совхозах ряда

районов Украины, Северного Кавказа и Белоруссии, нанесшего ущерб крестьянству и государству и выразившегося в порче и уничтожении тракторов и сельскохозяйственных машин, умышленном засорении полей, поджоге машинно-тракторных мастерских и льнозаводов, дезорганизации сева, уборки и обмолота с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода,— ПРИГОВОРИТЬ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ — РАССТРЕЛУ...» *

Апрель 1933 года стал во многом переломным в судьбе Михаила Андреевича. 28 апреля было принято Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) о чистке партии. Согласно этому документу, из партии «вычищались»: 1) классово чуждые и враждебные элементы, обманым путем пробравшиеся в партию и остающиеся там для разложения партийных рядов; 2) двурушники, живущие обманом партии, скрывающие от нее свои действительные стремления... 3) открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии... 4) перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами... 5) карьеристы, шкурники и обюрократившиеся элементы... 6) морально разложившиеся...»** Как видно, приведенные формулировки так же категоричны, как туманны и расплывчаты. Как обнаружить, например, скрытых нарушителей дисциплины или перерожденцев? Как поймать за руку двурушников, плетущих свои коварные интриги? Кто такие шкурники?

Дело руководства чисткой во всесоюзном масштабе было поручено Центральной комиссии по чистке в составе: председателя Я. Э. Рудзутака (бывшего наркома РКИ) — его на этом посту вскоре сменил Л. М. Каганович; С. М. Кирова, Е. М. Ярославского,

* Правда. 1933. 12 марта.

** КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 46—47.

Н. И. Ежова, М. Ф. Шкирятова, И. А. Пятницкого и других. Были определены сроки и последовательность мероприятий. Несомненно, существовала разнарядка, регламентировавшая минимальное количество неблагонадежных. Все шло по плану. С 1 июня чистку должны были начать в Московской, Ленинградской, Уральской, Киевской и других областях. Для каждого региона были сформированы Центральные комиссии. Помимо трех постоянных членов в каждую из них входили и сотрудники ЦКК — объем предстоявшей работы и документации был огромен. М. А. Суслов участвовал в комиссии по чистке Уральской области. Председателем ее был назначен Б. А. Ройзенман.

Как же проверяли большевики Урала свои ряды? Был составлен график, определена последовательность прохождения районов и предприятий. На местах также создавались комиссии по чистке. Но, не доверяя местным коммунистам, в состав каждой для «укрепления» вошли сотрудники ЦКК. На собраниях по чистке обсуждали каждого. (В стране иногда доходило до курьезного: газеты сообщали, например, о партийной чистке только что возвращенных на Большую землю героев-челюскинцев — «Челюскинцы на партийной проверке».) Предполагалось, что на обсуждении «очищаемому» в глаза, откровенно говорится о его грехах и недостатках. Он же в свою очередь должен быть предельно самокритичен. Какие уродливые формы все это массовое «покаяние» принимало в действительности, несложно представить.

С первых же шагов Комиссия ЦК по Уралу столкнулась с определенными трудностями. Обнаружилось, что член Областной контрольной комиссии Уфимцева «содействовала исключенным из партии троцкистам. Будучи членом Уральской областной КК и работая в партколлегии, она стремилась все проходящие дела троцкистов проводить через свои руки, стараясь вос-

становить их в партии»*. В другом случае в Березниковском районе «окопалась беспринципная группа», выступившая против чистки. В августе 33-го Ройзенман опубликовал первый отчет о проделанной работе. К приведенным в нем фактам М. А. Суслов был непосредственно причастен. «По 90 ячейкам, закончившим чистку к 18 августа, проверено 3124 человека (2503 члена и 621 кандидат партии). Из этого числа исключено 749 человек, или 24%. Каковы основные причины исключения из партии? По 45 ячейкам, закончившим чистку к 10 августа, был произведен подробный анализ исключенных... Если всех исключенных разбить по тем категориям, какие даны в постановлении ЦК и ЦКК, то мы получим следующую картину: классово чуждые, враждебные элементы, обманном путем пробравшиеся в партию,— 20,2%, двурушники...— 11,2%; открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства — 28,2%; перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами,— 15,6%, карьеристы, шкурники, обюрократившиеся элементы...— 10,2%; морально разложившиеся — 14,6%...»**

Успешное завершение уральских мероприятий послужило поводом к новому назначению — в Черниговскую область, проверявшуюся на втором этапе. Кроме председателя Б. Ройзенмана, его постоянных заместителей Богданова и Забуткина в число сотрудников ЦКК в Черниговскую комиссию вошел проявивший себя с лучшей стороны, исполнительный и «принципальный» Михаил Андреевич Суслов.

«Первые уроки чистки партийной организации Черниговщины» (так называлась отчетная статья Ройзенмана в «Правде») были малоутешительными. Ситуация осложнялась тем, что из числа рекомендованных

* Правда. 1933. 9 июля.

** Там же. 21 августа.

местным обкомом 184 коммунистов для работы в комиссиях было отобрано лишь 40 человек, остальные оказались неблагонадежными; имели небольшой партстаж, были замечены в оппортунизме, притуплении бдительности и проч. Тем большая нагрузка выпала на сотрудников комиссии по чистке, в том числе и на М. А. Сулова. Контроль ужесточился и по другой причине. Членам Центральной комиссии ЦК пришлось столкнуться с явлением для Уральской области малохарактерным. Местные партийные ячейки оказались «густо засорены националистами»: «Несколько примеров. Парторг сельской организации деревни «Красные партизаны» Носовского района Шульга, будучи одновременно заведующим школой и преподавателем обществоведения, сросся с националистами и антисоветскими людьми, покровительствовал воспитанию детей в религиозном духе... Возьмем, далее, Нежинский педагогический институт (это бывшая знаменитая Нежинская гимназия, в которой некогда учился Н. В. Гоголь.— *Прим. авт.*)... Во время чистки здесь была разоблачена группа национал-уклонистов во главе с бывшим директором института Парадой и его заместителем Тихим. В прошлом году, в момент разгрома главных сил украинского национализма, эти люди ограничились лицемерным признанием своих ошибок, а на деле сохранили свои националистические взгляды и пытались протаскивать их в своей педагогической деятельности»*.

Другим существенным препятствием «разворачиванию чистки» стало неожиданное отсутствие самокритики у «очищавшихся». Они слишком много говорили о собственных достижениях.

В сельских районах были выявлены многочисленные «кулацкие пособники», а также предотвращена

* Правда. 1934. 7 июля.

попытка «скрыть преступления» и «обмануть бдительность масс». Черниговская областная газета «Більшовик» подробно публиковала «календарь» чистки, отчеты о проделанной работе комиссии Б. Ройзенмана, а также его обращения к областному прокурору Бондареву — некоторым из разоблаченных грозило судебное разбирательство. В этой атмосфере страха и подозрительности крепла политическая бдительность М. А. Суслова, рос его авторитет. После разделения аппарата ЦКК — РКИ он становится членом Комиссии советского контроля.

Мы не случайно вынесли в заголовок раздела — 1937 год. Потому что, как жил и действовал в эти трагические для страны дни М. А. Суслов, нам документально неизвестно. Остаются лишь предположения: по долгу службы каким-то образом он принимал участие в происходивших событиях. Очевидно другое — в 1938 году он уже секретарь Ростовского обкома партии. Повышение столь же стремительное, сколь и значительное.

Обратимся к фактам «ростовского периода» биографии Суслова. Немало современников убеждены в его непосредственной ответственности за репрессии в Ростове-на-Дону и Ростовской области. Однако эта уверенность основывается лишь на том, что в годы террора Суслов находился на руководящей партийной работе в этом крае. Сам же Михаил Андреевич нередко говорил друзьям, что он не уничтожал, а, напротив, способствовал восстановлению Ростовской партийной организации. Но это была только часть правды.

У нас, как отмечалось выше, нет никаких данных о личном участии Суслова в массовом насилии 1937—1938 годов. Но эти кампании, уничтожившие основную часть партийного актива, несомненно, открыли чиновнику Комиссии советского контроля путь к быстрому продвижению наверх. «Избиение» кадров проходило

в Ростовской области по общему для всей страны сценарию. Аресты здесь были настолько массовыми, что на некоторых предприятиях не осталось партторгов, да и не из кого их было выбирать. В результате партийная организация области была попросту обескровлена. Кроме этого, арестам подвергались и тысячи беспартийных специалистов: инженеров, хозяйственных работников. Множились «дела» по диверсиям, актам саботажа или шпионажа в пользу многочисленных иностранных разведок. На место «выбывших» поспешно выдвигались новые руководители — в прошлом рядовые рабочие-«стахановцы». Но им было слишком трудно полноценно заменять опытных и сведущих специалистов, обеспечить выполнение плана. Позднее, уже после XX съезда, М. А. Суслов, как и другие члены ЦК, выступал на предприятиях и заводах с разъяснением принятых на съезде решений. Поддерживая критику «культы личности», обличая «искривления ленинской кадровой политики» в 30-е годы, сам М. А. Суслов считал себя непричастным к творившемуся беззаконию. Тогда же и была публично выдвинута версия о его помощи Ростовской партийной организации, значительно пострадавшей от репрессий.

Как раз в описываемом 1938 году курс сталинской политики насилия и произвола изменился, наметился как бы новый его этап. Последовала временная «волна» реабилитаций и амнистий — некоторые из пострадавших были освобождены и даже восстановлены в прежних должностях. Многие поверили в надвигавшиеся «либеральные» реформы. Место «предателя» и «врага народа» Ежова занял новый человек — Л. П. Берия. В Ростовской области также сменилось начальство НКВД — сюда был направлен В. Абакумов.

Как и повсеместно, вся ответственность за «ошибки» и «случавшиеся перегибы» была возложена на

местное руководство. Ростовская область не стала исключением. В Ростовском обкоме, как позднее «открылось», «окопались участники правотроцкистской контрреволюционной организации». Из Москвы для разбирательства и наведения «большевистского порядка» был прислан бывший председатель ЦКК и нарком РКИ, а ныне секретарь ЦК ВКП(б) (с 1935 г.) А. А. Андреев. Именно «помощь» ЦК содействовала тому, что эта «шайка врагов была выкорчевана и призналась в своих преступлениях». Комиссия обнаружила и причину кризиса: «Было допущено серьезное нарушение выдвинутого товарищем Сталиным большевистского принципа подбора кадров по политическому и деловому признакам». Более того, «враги, оказавшиеся в руководстве Ростовской областью», подбирали работников «по осужденному партией признаку семейственности». Особая вина в содеянном лежала на «бывшем первом секретаре обкома тов. Евдокимове... Но ЦК ВКП(б) поправил тов. Евдокимова (он был снят с должности и вскоре репрессирован.— *Прим. авт.*) и дал в подкрепление руководству партийной организацией группу новых работников» (среди которых находился и новый третий секретарь обкома М. А. Суслов.— *Прим. авт.*). Подобные итоги были подведены на 1-й Ростовской областной партийной конференции 8 июня 1938 года исполняющим обязанности первого секретаря обкома Б. А. Двинским*. Тогда же о проделанной им за короткий срок работе отчитался и М. А. Суслов, в ведении которого оказались кадровые вопросы.

«Областная парторганизация и обком партии провели большую работу по реализации решений январского Пленума ЦК ВКП(б) по ликвидации последствий вражеской деятельности в партийной работе»,—

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 9 июня.

авторитетно заверил Суслов. Имея большой опыт и заслуги в работе контрольных органов, Михаил Андреевич возглавил местную партийную комиссию контроля, разбиравшую поступавшие жалобы и апелляции невинно пострадавших людей. Вот некоторые цифры, приведенные им тогда: «За 1937 год по Ростовской области было исключено из партии 2,5 тысячи коммунистов... Вражеское руководство оставило нам в наследство к 1 января 1938 года 2 тысячи апелляций. В Ростовской области после январского Пленума ЦК разобрано свыше 4 тысяч апелляций, из них только в обкоме партии обновленным руководством рассмотрено 2100 апелляций. На это ушла уйма времени, уйма сил, энергии, и разбирали мы апелляции довольно внимательно... За эти 5 месяцев мы выдали 1300 партийных документов восстановленным в партии... Перед нами стоит большая задача — вовлечь в партийную работу, в общую партийную семью восстановленных в партии. Их в нашей области свыше 2 тысяч человек»*.

Кроме этого, для усиления областной партийной организации Сусловым было принято в ряды ВКП(б) свыше 3 тысяч человек. Однако некогда обрисованная им «объективная» картина «восстановительной работы» новой партийной власти (впрочем, так же как и точность статистических данных) не должна вводить в заблуждение. По отношению к большинству невинно пострадавших членов партии Суслов занимал жесткую и непримиримую позицию, продиктованную неуклонным «классовым подходом». Областная газета «Молот» достаточно регулярно извещала о заседаниях руководимой Сусловым комиссии обкома и принятых ею решениях по апелляциям. Эти отчеты, несомненно, подтверждают ту положительную роль, которую сыграла комиссия в судьбе некоторых несправедливо пострада-

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 11 июня.

давших коммунистов. Очевидно и другое: на совести Суслова сотни и сотни искалеченных людских судеб. Вот лишь некоторые красноречивые выдержки из газетных материалов, подтверждающих это: «...Личное дело Фельдман М. И. Муж Фельдман Матильды Ильичны, с которым она жила в течение 9 лет, разоблачен как враг народа. Фельдман не только знала о связях своего мужа с границей, но и сама поддерживала связь с родственниками мужа, проживающими в трех иностранных державах». Или: «Бюро Ростовского обкома ВКП(б) рассмотрело в присутствии апеллирующих апелляции на исключение из партии Полуботко Г. С., Позднякова В. А., Эггер С. С... Полуботко Георгий Спиридонович скрыл от партии то, что отец его был владельцем меблированных комнат в Ростове... Поздняков Василий Александрович скрыл при вступлении в партию, что его отец (ныне репрессированный) имел наемных рабочих. Женился на дочери жандарма...» Или еще один типичный для нравов «общей партийной семьи» отрывок: «Утвердить исключение из партии... Блажевской Елизаветы Францевны за связь с родственниками, оказавшимися врагами народа... Авошниковой Мелании Андреевны за притупление большевистской бдительности и сокрытие от партийной организации ареста своего мужа, оказавшегося врагом народа...» * За подписью М. А. Суслова в январе 1939 года появился и следующий документ: «Утвердить решение об исключении из членов партии Шесновец А. А. за неказание помощи в разоблачении своего мужа (иными словами — за недоносительство.— *Прим. авт.*), оказавшегося врагом народа, и как потерявшую бдительность...» ** То же решение со сходной формулировкой последовало в отношении еще четырех бывших коммунистов.

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 24 октября.

** Там же. 12 января.

Нетрудно догадаться, каким был дальнейший путь этих прошедших партийное разбирательство людей. Многих ожидало лишение работы, мытарства в поисках заработка, недоверие бывших друзей и знакомых и, наконец, ссылка, лагерь...

С приходом в обком «обновленного руководства» атмосфера страха и подозрительности не рассеялась, доносы и репрессии в области не прекратились. Насилие лишь изменило масштаб. В уже процитированном выше выступлении Суслов убежденно провозглашал необходимость продолжения «классовой борьбы»: «С каждым днем обновленное руководство обкома партии постепенно нащупывает, где у нас политически неблагополучно с руководством районов. Была проведена большая очистительная работа. Но это не значит, что кое-где еще не удалось притаиться (рядка наша.— *Авт.*) вражеским элементам. Я думаю, что кое-где им удалось сохраниться, но житья мы им не дадим, выкорчем до конца и навверняка»*. И это обещание «выкорчевать до конца» Суслов последовательно и с энтузиазмом выполнял. Летом 1938 года по инициативе Михаила Андреевича, а также на основании полученного доноса был проведен разбор двух персональных дел секретарей Пролетарского (сельского) райкома ВКП(б) — В. Н. Лосева и Л. И. Сулименко. Вот выдержки из принятого решения: «...указания областной партийной конференции о том, что первоочередной задачей большевиков Ростовской области является полное истребление всех до одного презренных фашистских агентов — троцкистов, бухаринцев и прочей мрази, прошли мимо внимания тт. Лосева и Сулименко. Больше того, тт. Лосев и Сулименко проявили преступную политическую беспечность в отношении врагов народа, пробравшихся на руководящие посты в

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 11 июня.

районе, они не только не обеспечили проверки поступивших сигналов, но, напротив, поддерживали с этими лицами «семейные отношения» и проводили с ними групповые пьянки...»* Раскрытый заговор был доказан и несомненными связями обвиняемых с прежним разоблаченным руководством области. Впрочем, это был не последний «успех» бдительного Михаила Андреевича.

Таким образом, хотя 37-й остается белым, неизданным пятном биографии Суслова, последующие поступки неопровержимо свидетельствуют: он был убежденным проводником сталинской кадровой политики, основанной на тотальном недоверии и насилии, политики, претерпевшей после рубежного 37-го лишь внешние, косметические изменения, суть же оставалась прежней.

Обязательной составной частью партийной карьеры в то время было депутатство в Советах, несмотря на весь формальный ритуальный характер подобного «народного представительства». В зависимости от чина и ранга это могли быть местные, республиканские или союзный Советы. Успехи в руководстве Ростовским обкомом обеспечили Суслову и этот важный шаг в восхождении по ступеням власти. Впервые М. А. Суслов стал депутатом Верховного Совета РСФСР. Выборы состоялись летом 1938 года. Вся предвыборная кампания проводилась четко и слаженно, организовывались митинги и собрания, на которых избиратели заранее «отдавали свои голоса» И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и т. д. (по порядку) и кому-нибудь из местных представителей власти. Отчеты о предвыборных мероприятиях, сведения о кандидатах регулярно публиковались. М. А. Суслов баллотировался по Мечетинскому (сельскому)

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 2 августа.

избирательному округу. 14 июня 1938 года в одноименной станции третий секретарь обкома огласил на 5-тысячном митинге (согласно газетной информации) свою предвыборную «программу»: «...вместе с вами я буду еще беспощаднее громить шпионов, диверсантов и вредителей, чтобы наш народ спокойно жил, свободно трудился и весело отдыхал. А трудимся мы действительно свободно, отдыхаем действительно весело, живем, как никто...» * Здесь Михаил Андреевич, видимо, позволил себе «скрыто» процитировать известный сталинский афоризм. Интересно, что в одном из агитационных сообщений «Наш кандидат М. А. Суслов» колхозник-избиратель особо подчеркнул, что «М. А. Суслов известен своей непримиримостью к врагам Советской власти».

Помимо местных партийных функционеров, служащих НКВД, рабочих и колхозников-ударников от Ростовской области по традиции в Верховный Совет России были избраны и два руководителя из столицы: А. И. Микоян и П. С. Жемчужина (жена В. М. Молотова). Несомненно, состоялось и знакомство Суслова с ними. Областная газета опубликовала фотографию, запечатлевшую членов ростовской делегации — на ней изображены Никита Изотов, А. И. Микоян, П. С. Жемчужина, М. А. Суслов и другие. К своим «новым знакомым» Михаил Андреевич относился внимательно, с подчеркнутым уважением, как принято было говорить, «прислушивался к мнению старших товарищей». Этим взаимоотношениям была суждена долгая история. Когда последовал арест Жемчужиной, Суслов работал секретарем ЦК и был непосредственным соавтором кампании «борьбы с космополитизмом», позднее, во времена Н. С. Хрущева, он сталкивался с Молотовым, а Микоян нередко бывал его резким оппонентом

* Молот (Ростов-на-Дону). 1938. 17 июня.

(в «венгерских событиях», на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС).

По мере успешного решения «кадровых вопросов» круг обязанностей и «интересов» третьего секретаря менялся и значительно расширялся: Суслова все более влекло к насущным идеологическим проблемам. Конец 1938 года ознаменовался значительным событием — увидел свет печально известный «Краткий курс истории ВКП(б)».

Ростовская газета «Молот», как и другие печатные органы Советского Союза, полностью опубликовала текст этой книги. В завершение публикации М. А. Суслов выступил со статьей «За глубокое изучение истории ВКП(б)». Отмечая «ценнейший вклад» учебника в «сокровищницу революционной теории», автор особенно выделил «замечательную ясность, простоту, выразительность» в сочетании с «мудростью и глубиной», с «подлинно научным изложением истории партии»*. Думается, эта книга никогда не была для Суслова просто архивным документом. «Краткий курс» окончательно сформировал политическое мышление и поведение будущего «главного идеолога» партии.

Еще одним важным выступлением на ниве просвещения и пропаганды стала другая «разъяснительная» статья Суслова — «Всесоюзная перепись населения — всенародное дело». Как ответственный за кадровые вопросы, он непосредственно курировал проведение переписи в области. Логика упомянутого «сочинения» столь же «проста, ясна и выразительна», как и в почитаемой Сусловым книге: «...советская статистика — единственная в мире правдивая, точная статистика. Напротив, буржуазная статистика — о ней говорилось, что она что дышло: куда повернешь, туда и вышло...» Значительная доля рассуждений была отведена преду-

* Молот (Ростов-на-Дону). 1939. 12 января.

преждениям и призывам к «большевистской бдительности»: «Последыши классовых врагов будут стараться и у нас, на том или ином участке, сорвать перепись населения, извратить действительные результаты переписи, дискредитировать перепись всякими нелепыми провокационными слухами и выдумками... Мы должны извлечь все уроки из переписи населения СССР в 1937 году, когда враги народа сорвали ее, злостно извратив правительственные инструкции...» На самом деле собранные в 1937 году статистические данные достаточно объективно свидетельствовали о зияющих демографических провалах, о «цене» сталинских преобразований.

3 января 1939 года решением Ростовского обкома ВКП(б) М. А. Суслов был утвержден вторым секретарем обкома. Правда, потрудиться в новой должности ему не пришлось — 22 февраля 1939 года ростовский «Молот» известил, что М. А. Суслов «освобожден ввиду избрания его на другую должность». Открывалась новая страница биографии.

«СОЛДАТ ПАРТИИ»

Ставрополье

(1939—1941)

21 февраля 1939 года в жизни Михаила Андреевича Суслова случилось значительное и долгожданное событие: состоялся чрезвычайный 4-й пленум краевого комитета ВКП(б) в городе Ворошиловске — так недавно был наречен в честь «красного маршала» центр края — Ставрополь. Пленум рассмотрел организационный вопрос. Обсудив и приветствовав своевременность появления специального решения ЦК ВКП(б) «О ра-

боте Орджоникидзеvского * крайкома партии», пленум освободил первого секретаря крайкома Д. Г. Гончарова как не справившегося с возложенными на него обязанностями и избрал на эту должность рекомендованного для укрепления кадрового состава («подорванного» бывшим руководителем края) М. А. Сусллова. Так Сусллов преодолел еще одну «крутую» ступеньку в партийной иерархии. После официального представления участникам пленума в ответном слове он с пафосом произнес: «Я солдат партии. И готов, не жалея времени и сил, работать на том участке борьбы, который мне доверил ЦК ВКП(б)...»

Оценивая деятельность Сусллова в довоенные годы, можно отметить, что в ней не было каких-либо чрезвычайных событий и решительных поступков. С именем нового первого секретаря не связано «выдающихся успехов» в промышленности и сельском хозяйстве, хотя Ставрополье — край издавна плодородный и урожайно изобильный; не удались и помпезные торжества по поводу завершения очередной «народной», «великой сталинской стройки» — Невинномысского канала. Культурная и политическая жизнь области также не обогатилась в своем официальном однообразии — решительным политиком и меценатом Михаил Андреевич никогда не был, да и не стремился быть. Хроника его пребывания на посту первого секретаря крайкома — это постоянная череда заседаний, постановлений и директивных, похожих одна на другую речей. Правда, у этой казенной и размеренной повседневности была и другая трагическая сторона — продолжавшиеся аресты, страх и каждодневный безрадостный труд. Но для Сусллова это было временными издержками

* Так называлось Ставрополье с 1937 по 1943 г. Выходившая тогда газета — орган крайкома ВКП(б) — также переименовывалась. В 1937—1943 гг. называлась «Орджоникидзеvская правда», с 1943 г. — «Ставропольская правда».

и необходимым «материалом» на пути решения «больших» задач.

За проводившимися мероприятиями трудно разглядеть личность, индивидуальность человека, понять его внутренние колебания и надежды; не уловить и какого-то творческого, нешаблонного подхода. Чаще всего это повторение и разъяснение документов, принятых ЦК или Совнаркомом. М. А. Суслов весь в рамках своей высокой должности. Настойчиво стремится «втиснуть» живую жизнь с ее проблемами и противоречиями в узкое пространство бумажной логики, подчинить ее железной бюрократической воле, разрешить все острые и наболевшие вопросы разом — буквой приказа или постановления. Стиль руководства Суслова, окончательно определившийся и утвердившийся в эти годы, сосредоточен на тщательном, пунктуальном и аккуратном исполнении постановлений. Это верноподданническая самоотверженность в проведении в жизнь «мудрых» указаний вождя или коллективной воли (весьма загадочное сочетание) партии, следование намеченной линии любой ценой.

По авторитетным в среде партийных руководителей образцам Суслов формировал и собственный строгий и аскетический образ, строил свое поведение. По воспоминаниям людей, знавших Михаила Андреевича по Ставрополю, в его облике не было ничего естественного, полнокровного, открытого. Он осознавал себя в первую очередь лицом, облеченным властью, «верным солдатом партии», частью отлаженной машины партийно-государственного управления (в настоящее время названного командно-бюрократической системой). Именно в себе, в своем идеологически выверенном руководстве (а не где-то на заводах или колхозных полях) видел Суслов средоточие переустройства мира, условие будущего процветания. Может быть, как и другой «государственный человек» — Шмаков (пер-

сонаж философско-сатирической повести А. Платонова «Город Градов»), Михаил Андреевич в часы раздумий задавался вопросом: «Кто я такой?» — или «Кто мы такие?» И в ответ в его сознании созревало что-то вроде следующего: «Мы заместители пролетариев! Стало быть, к примеру, я есть заместитель революционера и хозяина! Чувствуете мудрость? Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал маргарин: вкусен, а не питателен! Чувствуете, граждане?.. Поэтому-то так называемый, всеми злоумышленниками и глупцами поносимый бюрократ есть как раз зодчий грядущего членораздельного социалистического мира»*.

Как уже говорилось, дореволюционное Ставрополье — край, имевший высокую аграрную культуру и развитое животноводство, щедрые урожаи зерна и овощей, изобилие фруктов. Местный земледелец в большинстве хозяйственный, зажиточный. Уровень жизни гораздо выше среднего в крестьянской России. Все это явно раздражало Суслова своим вопиющим несоответствием принятой исторической схеме — о закабаленном труде и нищенском существовании до революции. И он усердствовал в обвинениях прошлому, рассчитанных на короткую историческую память: «На фоне беспроектной нужды, постылой жизни большинства крестьянства счастливую жизнь принес колхозный строй». Последнее утверждение тоже слишком далеко от действительности. Насильственная коллективизация (в крае она завершилась поздно: в Карачае и Черкесии лишь к 1937—1938 гг.), спровоцированный голод, превращение добровольного труда крестьян-производителей в подобие военной казармы с принудительным режимом не принесли людям счастливой жизни. И Михаил Андреевич был сторонником жесткой линии

* Платонов А. Избранные произведения. М., 1983. С. 264.

«огосударствления» сельского хозяйства, врагом всякой, исключая коллективную, собственности. Диктат могущественных партийных и советских органов, скрупулезная регламентация всех действий на земле, постоянная угроза наказания — вот те обиходные методы, на которые опирался Михаил Андреевич Суслов (как и огромное большинство его соратников-руководителей). С присущей ему обстоятельностью будущий «главный идеолог» черпал подтверждение подобной политики в «учении нашего мудрого и великого вождя тов. Сталина» (М. А. Суслов). Особенно близко к сердцу пришлись слова Сталина, произнесенные им на Пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 года и не раз впоследствии полностью процитированные Суловым: «Партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства... она должна знать все происходящее в колхозах, чтобы вовремя прийти на помощь и предупредить грозящие колхозам опасности»*. Что же это за опасности, угрожавшие колхозам после 20 лет Советской власти?

Наверное, к ним относились приусадебные участки колхозников. На собрании партийного актива города Ворошиловска в июне 1939 года Суслов с возмущением привел «многочисленные и убедительные примеры нарушения устава сельхозартели о размерах приусадебных участков колхозников». Осудив «распространяющуюся практику разбазаривания земель», вскрыв ее главную причину, которая, само собой разумеется, заключалась в «проникновении в колхозы частнособственнических буржуазных тенденций при оппортунистическом попустительстве местных партийных и советских органов»**, Суслов горячо приветствовал

* Сталин И. Сочинения. Т. 13. С. 224.

** Орджоникидзевская правда. 1939. 11 июня.

своевременное появление постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и сами меры, направленные на «восстановление справедливости». Под контролем Суслова в крае было проведено «возвращение излишков» приусадебных крестьянских земельных участков колхозам. Многие из них остались «неокультуренными» и поросли бурьяном.

Вероятно, не менее опасным было отсутствие исполнителей и должного контроля «на местах». Это поистине хронический недуг авторитарно-бюрократической системы. Как бюрократ-идеалист, Суслов убежденно и искренне верил в магическую силу приказов и считал, что невыполнение бумажных параграфов — основное препятствие на пути к всеобщему счастью и благополучию. В правильности поступавших свыше постановлений он никогда не позволял себе усомниться (так же, впрочем, как и в собственных). Поэтому вся вина и ответственность за приключавшиеся неудачи ложились на низовые партийные и советские органы (в том числе и колхозные). Весьма показательным в этом отношении одно из «аграрных» постановлений — «О мероприятиях по завершению осенне-полевых работ», подписанное М. А. Сусловым в октябре 1939 года: «Основными причинами недопустимого отставания в осенне-полевых работах являются: а) неумение руководителей... партийных, советских организаций и земельных органов правильно расставить силы и средства для обеспечения своевременного выполнения государственных планов, растерянность и самотек в работе; б) совершенно неудовлетворительная постановка массово-политической работы и слабое развертывание социалистического соревнования... Особо нетерпимым является ослабление трудовой дисциплины...» *

* Орджоникидзевская правда. 1939. 18 октября.

Для повышения сознательности, а точнее, страха М. А. Суслов нередко рекомендовал использовать административные и.. уголовные наказания. Так, на бюро крайкома в июне 1940 года резко осуждались факты выдачи колхозникам зерна в счет трудодней. И хотя колхозникам надо было чем-то кормить свои семьи, Суслов расценил случившееся как саботаж и угрозу государственным хлебозаготовкам, настояв на привлечении виновных к уголовной ответственности*.

Не случайно, что при подобном характере управления сельским хозяйством каждая посевная или уборочная кампания в области проводилась как отчаянное наступление на фронте. Для передачи официального энтузиазма и трудового подъема (а на самом деле — для прикрытия лихорадки, которая постоянно была заорганизованное сельское хозяйство) в ставропольских, так же как и в центральных газетах, употреблялись устойчивые, за многие последующие годы ставшие привычными «образные» выражения: «битва за урожай», «борьба за ускорение темпов хлебосдачи» и т. п. К сожалению, подобная риторика давно утратила свой условный переносный смысл и весьма точно передает сложившуюся систему административного нажима и недобровольного труда в колхозах.

М. А. Сулову, заступившему на пост первого секретаря крайкома, пришлось испытать всю тяжесть и неблагодарность руководства сельским хозяйством. Ужесточение мер и угрозы не компенсировали потерь урожая. Неудачи могли повлечь осложнения в карьере. Но в наследство Михаилу Андреевичу досталась запущенная и заброшенная стройка, начатая еще в 1936 году, — котлован Невинномысского оросительного канала. Забегая вперед, нужно отметить, что оконча-

* См.: Орджоникидзе́вская правда. 1940. 16 июня.

тельно в эксплуатацию канал был сдан лишь в 1948 году. Он стал подавать воду из реки Кубань в реку Егорлык, охватив территории Ставропольского края, юго-восточных районов Ростовской области и северных — Краснодарского края.

Естественно, в сложившихся критических обстоятельствах Суслов стремился проявить инициативу, «оправдать доверие» и возложенную на него ответственность, ликвидировать «прорыв» любой ценой. Успех строительства, несомненно, мог повлиять на дальнейшие перипетии его политической биографии. Так по его воле запустевшая стройка превратилась в триумфальную, массовую, «народную». Правда, работали здесь не заключенные. Сюда было согнано около 35 тысяч колхозников-«добровольцев», труд которых был дешев, выгоден и бесправен. Забирали по разосланной разнарядке, нередко «для порядка» привлекали конвой. Цифра участников «трудового похода» колеблется в тогдашних газетах от 34 до 40 тысяч. Объявленная «народная стройка» на самом деле оказалась подневольной, а разрекламированный энтузиазм и «развернувшееся социалистическое соревнование» — обязательными. Началу «решительного штурма» предшествовали многолюдные показательные митинги, на одном из которых перед «армией энтузиастов» с приветственной, полной общих восторженных фраз и клятв речью выступил М. А. Суслов. Условия труда были тяжелейшими: по 14—16 часов в день, практически без отдыха и выходных, впроголодь, только вручную. Взрывные работы проводились наспех, без соблюдения простейших правил безопасности. В результате несколько человек погибло. Стройка, естественно, строго охранялась войсками НКВД. Некоторые колхозники тайком «бегали» к своим семьям, другие просто «дезертировали». К виновным применялись уголовные наказания. Несколько раз для «непосредственного руководства»

строительством выезжал Михаил Андреевич. В местной печати появился фотоснимок, на котором первый секретарь неуклонным и придирчивым государственным взором следил с высокого насыпного холма за ведущимися работами.

Предварительные итоги первого этапа строительства Суслов подвел на митинге 25 мая 1940 года: «Трудности действительно были большие... Надо было проложить ложе, по существу, для большой реки, прорыть канал, способный пропускать 75 кубометров воды в секунду. Но никакие трудности не смогли устоять перед могучим походом армии колхозников, участников народной стройки... С именем Сталина эта армия штурмом брала всякие препятствия...» Удивительное расстояние пролегло между реальным положением вещей и их празднично-фальшивым отражением. В речи Суслова правда и ложь поменялись местами: «Великая победа, одержанная на народной стройке... есть победа могучего, несокрушимого, всепобеждающего колхозного труда, созданного и руководимого большевистской партией, великим вождем народов тов. Сталиным». Что ж, перефразируя Достоевского, можно заметить, что Суслов удивительно ловко мог оборачивать «словечки». Как трагическая ирония звучат сегодня и другие его рассуждения: «Разве мыслима была бы эта победа в условиях разобщенного единоличного крестьянского труда... Только колхозное социалистическое хозяйство, объединяющее труд дотоле разобщенных производителей, создало условия для появления великой, богатырской, непобедимой силы колхозного труда»*.

На апрель 1941 года был намечен очередной этап «интенсивного» строительства. Для этого на «любимую стройку нашего края» (М. А. Суслов) тем же спо-

* Орджоникидзевская правда. 1940. 3 июня.

собом было «собрано» 25 тысяч колхозников. Но дальнейшие работы по завершению Невинномысского канала были прерваны войной. Таким образом, триумфального пуска очередной победной «сталинской стройки» не получилось. Работы были завершены уже без Суслова, в 1948 году. Но несмотря на то что его реальный вклад в строительство канала был минимален, что с его именем связаны скорее самые тяжелые и трагические страницы в осуществлении этого проекта, в 1982 году Невинномысскому каналу было присвоено имя М. А. Суслова. Памятная табличка об этом заменила взорванное ранее каменное изваяние «отца народов», тени которого Михаил Андреевич остался предан до конца своей жизни.

Еще более плодотворной и значительной стороной его руководства стало принципиальное и «планомерное» осуществление «кадровой политики» — этой второй, после идеологии, «страсти» Суслова. К 1939 году в этой сфере деятельности у него был накоплен значительный опыт. Имелось и серьезное научное обоснование проводимых действий; Михаил Андреевич называл его еще «непревзойденным по глубине учением о кадрах». Вот оно дословно: «После того как выработана правильная партийная линия, проверенная на практике, кадры партии становятся решающей силой партийного и государственного руководства». Афоризм (или лозунг), весьма характерный для мышления И. В. Сталина: очевидные и банальные вещи приобретают в его изложении «загадочную» многозначительность и некий всеобъемлющий смысл. Как известно, своеобразным рубежом в сталинской кадровой политике стал 1937 год. На 4-й краевой конференции ВКП(б) (февраль 1939 г.), посвященной предстоящему XVIII съезду партии, Суслов заявил: «Все наши победы завоеваны в жестокой борьбе с остатками классовых врагов — троцкистами, бухаринцами,

буржуазными националистами, шпионами и диверсантами, агентами иностранных разведок, пытавшимися сорвать социалистическое строительство... восстановить капиталистическое рабство в нашей стране»*.

Позднее по долгу службы Михаилу Андреевичу, как и в Ростове-на-Дону, пришлось рассматривать дела некоторых «врагов народа». Речь шла и о частичной реабилитации «необоснованно исключенных из партии подлинных большевиков». Правда, судя по заявлению Суслова на 5-й краевой конференции ВКП(б) (март 1940 г.), в результате проведенного разбирательства выяснилось, что «значительную группу среди заключенных составили по преимуществу выходцы из классово чуждой орды (разрядка наша.— Авт.)— из враждебных партий». Там же Суслов коснулся и необходимости нового «очищения» рядов партии от чуждых элементов и необходимости соблюдать дисциплину: «Всякое потворство нарушителям партийной и государственной дисциплины есть попустительство мелкобуржуазной распушенности, которая зачастую граничит с саботажем. Разгильдяй, организационно распушенный элемент зачастую является объективно проводником вредительской деятельности врагов народа, которые используют каждую щелочку нарушения дисциплины в своих вражеских целях»**. Изложенные жесткие требования стали основой массовых «чисток», охвативших Ставропольский край. Только одних партийных работников Сусловым было заменено около 1570 человек.

Поддержание дисциплины повсеместно, особенно в условиях приближавшейся войны, основывалось на нагнетании атмосферы страха, боязни наказания, на

* Орджоникидзе́вская правда. 1939. 27 февраля.

** Там же. 1940. 14 марта.

насильственных и карательных мерах. Авторитарная власть никогда не доверяла своим гражданам. Поэтому к «воспитательно-просветительской работе» в подобных случаях прибегали редко. Впрочем, и методы «агитации» были весьма своеобразными — в определении их Суслов в который раз был солидарен с мудрой сентенцией Сталина: «Агитировать не значит уговаривать, но и избаловать». И Михаил Андреевич нередко усердствовал в этом занятии на пленумах крайкома, партийных совещаниях. Особенно ревностно избаловались различные нарушители дисциплины или «объективно вредители». Не случайно проведение в жизнь известного довоенного Указа от 26 июня 1940 года «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», вынужденного и чрезвычайного, М. А. Суслов рассматривал как «образец социалистического (разрядка наша.— Авт.) отношения к труду»*. Вплоть до этого «образца» само собой потребовало резкого ужесточения репрессивных мер. Выступая на собрании партактива Ворошиловска, Суслов назвал такие факты: «По неполным данным, по предприятиям и учреждениям... допущено свыше 1000 прогулов. Столь позорные цифры мы не имели бы, если бы у лодырей, прогульщиков и летунов не было своих покровителей»**. Собственные общие рассуждения Михаил Андреевич проиллюстрировал и конкретным примером (что бывало крайне редко): один из директоров предприятий, Сидоров, принял справки о посещении поликлиники (медицинскую справку о болезни тогда было получить очень трудно, и нередко люди были вынуждены работать больными до изнеможения) от «двух

* Орджоникидзе́вская правда. 1940. 18 августа.

** Там же.

прогульщиц», вместо того чтобы «немедленно передать о них дело в суд». Впрочем, и судами первый секретарь был недоволен — «суды оказались медлительными и допускали излишний либерализм».

В бюрократической авторитарной системе управления не было места для конкретного живого человека с его обыденными нуждами, болями и радостями. Он в глазах партийного чиновника был лишь исполнителем, обязательным и послушным, или — наоборот. Но человеческий, «стихийный» материал трудно подавался организации. Это создавало неразбериху и серьезные проблемы для Суслова. Тем не менее стиль политического руководства, сложившийся в стране в 20—30-е годы, был хорошо им освоен и отработан. Он был тем более удобен, что не имел нравственных измерений, ему были чужды уважение, сочувствие, хоть какое-то гуманное отношение к людям.

Впрочем, помимо несознательных граждан немало хлопот доставляла и... природа. Один из вечных и непокорных врагов всех «государственных людей» и бюрократов. Особенно ее строптивый нрав сказывался в сельском хозяйстве. И здесь, в этом изнурительном противостоянии, М. А. Суслов публиковал постановление за постановлением. Свидетельством всепроникающего и поистине всеобъемлющего масштаба руководства жизнью Ставрополя могут служить многие «шедевры» бумажного творчества, скрепленные подписью первого секретаря Орджоникидзевого крайкома. Вот один из них — постановление, озаглавленное по-боевому многозначительно: «Об осенне-зимних мероприятиях по борьбе с клопом-черепашкой». Изданный указ категорически требовал «создать... краевое совещание вторых секретарей РК ВКП(б), заведующих райзо и старших агрономов райзо по вопросам борьбы с клопом-черепашкой», а также «провести инструктивное совещание заведующих колхозными хатами-лаборато-

риями»*. Этот документ очень походит на попытки упоминавшегося уже платоновского Шмакова укротить природу: «Всегда в ней (в природе.— *Авт.*) что-нибудь случается... А что, если учредить для природы судебную власть и карать ее за бесчинство? Например, драть растения за недород! Конечно, не просто пороть, а как-нибудь похитрее — химически, так сказать!»** Другие, не менее красноречивые в своей абсурдности указы подтверждали право жителей отдаленного горного колхоза производить черепицу для своих домов, ежегодно «настаивали» на очевидных для каждого крестьянина «решительных мероприятиях по борьбе с сорняками».

Крайком партии во главе с М. А. Сусловым все время находился в самой гуще событий. Не успевали огреть шумные и помпезно-фальшивые торжества, посвященные празднованию очередной годовщины со дня рождения М. Ю. Лермонтова (на территории края находился Пятигорск и другие «памятные» места, связанные с жизнью поэта), как зарождалась и лихорадочно разворачивалась следующая кампания: или уборка хлопка, или хлебосдача, или разбор подозрительно участвовавшего падежа скота и т. д. и т. п. Все это, естественно, сопровождалось массой указов и постановлений с их неизменно официальным, строгим и лаконичным «слогом»: «обратить внимание», «предупредить», «потребовать», «указать», «снять»...

Особенно тщательно, активно, с подлинным энтузиазмом обсуждались в крае «проблемы» изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», названного его страстным и пламенным пропагандистом Емельяном Ярославским «завоеванием исторической мысли марксизма». Суслов потратил немало времени и сил на успешное проведение общекрайевой кампании за «массо-

* Орджоникидзевская правда. 1939. 14 октября.

** Платонов А. Избранные произведения. С. 253.

вое всенародное овладение» этой «азбукой марксизма». Ему пришлось держать речь о необходимости «усиления пропаганды великой книги» на 6-м пленуме Орджоникидзевского крайкома (сентябрь 1939 г.), на собрании партийного актива города Ворошиловска (сентябрь 1939 г.), на отчетной краевой партийной конференции (март 1940 г.). Освоение этого «памятника» сталинской историографии в стране чем-то походило на вынужденную механическую зубрежку разного рода «риторик» и «катехизисов» в дореволюционной бурсе. Правда, наказание за «ученические ошибки» было далеко не бурсацким.

По инициативе М. А. Суслова партийные организации края «соревновались» в темпах и количестве прочитанных глав. Как факт недопустимой «политической нерадивости» рассматривалась излишняя медлительность в штудировании разделов книги. «Некоторые партийные организации и их руководители, вместо того чтобы по-большевистски взяться за дело руководства пропагандой марксизма-ленинизма, встали на путь своеобразного невмешательства в дело политического образования коммунистов, предоставили изучение истории ВКП(б) самотеку. Такое отношение к вопросам руководства пропагандой привело к тому, что многие партийные, советские и хозяйственные руководящие работники не приступили к изучению истории партии или «остановились» на первых главах учебника («Краткого курса». — *Авт.*)^{*}. Зато ошутимый прилив догматического вдохновения у Суслова вызвали «настоящие стахановские темпы» в освоении новоиспеченного учебника сталинской истории: в одной из колхозных парторганизаций «т.т. Русанов и Песков за конспектировали (разрядка наша. — *Авт.*) и изучили 12 глав «Краткого курса»^{**}.

^{*} Орджоникидзевская правда. 1939. 15 сентября.

^{**} Там же. 1940. 14 марта.

В 1941 году жизнь в крае была полна привычных трудовых забот и надежд. Продолжалась «народная стройка» Невинномысского канала, намечался очередной «штурм высот» в сельском хозяйстве: постановлениями в который раз предписывалось увеличить урожаем хлопка и довести сбор зерновых до ста пудов с гектара. Но это были последняя мирная зима и последняя мирная весна.

В ГОДЫ ВОЙНЫ

(1941—1944)

22 июня 1941 года началась самая страшная в истории страны война. Войска, отступая, несли огромные потери, лишь редкие воинские части оказывали долгое сопротивление гитлеровским захватчикам. Обозначился частичный паралич верховной власти. Сталин с трудом оправился от «сокрушительного и коварного» удара по своим надеждам, стратегическим планам и «дружеским намерениям». (Как известно, 28 сентября 1939 г. по инициативе Сталина был заключен советско-германский Договор о дружбе и границе.) Кризис продолжался до 3 июля, когда вся страна услышала неожиданное и забытое: «Братья и сестры!»

Молчанием встретил начало войны и Михаил Андреевич. Страх и боязнь собственной решительности, терпеливое выжидание указаний продлилось почти до конца сентября — 25-го числа на краевом партактиве Суслов огласил «программу действий». 2 октября его доклад «Великая Отечественная война и задачи парт-организации края» был опубликован всеми печатными органами Ставрополья. Посильная оценка давалась первым месяцам войны. Исказив факты и цифры этих самых тяжелых и жестоких для государства дней,

Суслов обнародовал свое весьма любопытное умозаключенно о несомненных преимуществах Советского государства над агрессором, которые неизбежно в конечном счете принесут победу: «Огромные потери в людях на Восточном фронте требуют все новых и новых пополнений. Между тем Германия в два раза беднее Советского Союза людскими ресурсами (разрядка наша.— *Авт.*) и еще беднее она военнотренированными резервами» *. В этой последовательной для Суслова логике отразилась сущность исповедуемой им тоталитарной идеологии: люди — «винтики», «пушечное мясо».

Ставрополье в силу своего географического и экономического положения было объявлено Верховным Главнокомандующим «ближайшим к фронту тыловым районом». Военные нужды потребовали значительного увеличения сельскохозяйственной продукции и ускоренного развития оборонной промышленности в крае.

Внешне за бережно пестуемое сельское хозяйство Суслов был спокоен: «Наше социалистическое сельское хозяйство является самым крупным и самым механизированным во всем мире сельским хозяйством, дающим в изобилии все продукты сельского хозяйства: хлеб, хлопок, шерсть, кожу, молоко и мясо» **. В противовес этой сбивчивой бравате, реальные тяготы и нужды войны диктовали свои суровые требования и законы. Основная тяжесть крестьянских забот легла на плечи женщин, стариков и детей. Но и здесь чувство естественного сострадания и сопричастности людям уступало место привычному для Суслова официальному энтузиазму, рожденному очередным «прозрением» «мудрого и великого»: «Товарищ Сталин неустанно учит нас, что женщина в колхозах большая

* Орджоникидзе́вская правда. 1941. 2 октября.

** Там же.

сила. Держать эту силу под спудом — значит допустить преступление. Задача выдвижения женщин в колхозах особенно настоятельна теперь, в условиях войны, когда женщина стала прямо-таки решающей силой»*.

В последующих, тщательно авторизованных биографиях Михаила Андреевича особо подчеркивалась его «близость к массам» в «дни суровых испытаний». Но объективный анализ поведения Сулова в те годы придает этим привычным формулировкам характер лицемерной мистификации. Прежде всего поражает постоянная подозрительность и непрекращающееся недоверие, которые испытывал Сулов к своим землякам и соотечественникам. У неискушенного может создаться впечатление, что край кем-то специально был «заселен» неблагонадежными, недисциплинированными, «сомнительными элементами» (как любил выражаться Михаил Андреевич). И не дай бог первому секретарю допустить какой-нибудь недогляд, ослабить контроль — сразу же случаются непоправимые ошибки, непростительные просчеты или, хуже того, скрытые и явные диверсии. Впрочем, этому обострившемуся в годы войны страху Сулова имеются и иные объяснения. Те простые, «обыкновенные» труженики, которые так нуждались, по убеждению Сулова, в бдительном руководстве, гораздо глубже чувствовали трагедию времени. Они понимали, какое горе и нужду несет война, сколько сил, терпения и ответственности она потребует от каждого. Росла сила их самосознания и свободы. Страх и насилие как основание бюрократической власти и благополучия Сулова обесценивались, и он мог вполне оказаться не ко времени. Поэтому все непримиримее становился язык указов и директив: «...кое-где к руководству фермами

* Орджоникидзевская правда. 1942. 10 марта.

и бригадами пробрались чуждые и негодные элементы. Необходимо очистить животноводческие фермы от этих «волков», одевающих иногда овечьи шкуры»*; все деятельнее и подробнее становились издаваемые «хозяйственные» указы: «Бюро крайкома постановляет. Обязать обкомы, райкомы и горкомы, директоров и начальников политотделов МТС ...организовать безусловную вязку хлебов в снопы и складывание их в крестцы... Установить постоянный контроль за качеством уборки, не допускать огрехов, оборудовать комбайны и лобогрейки зерноуловителями... Вслед за уборкой немедленно производить сгребание и ручной сбор колосьев...»**

Все стремительнее возносилась на политическом небосклоне страны «агрономическая звезда» «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко. Множились его чудо-проекты, крепили щедрые обещания. За проведенные в Ставрополье годы М. А. Суслов так и не стал искушенным в ведении сельского хозяйства, неподатливого на скорые указы. Но, как всегда, компенсируя собственные неудачи и просчеты, был активен и распорядителен в организации очередной кампании. Под его руководством еще в январе 1942 года, готовясь к предстоящей посевной, пленум крайкома подробно рассмотрел «вопрос о мероприятиях по накоплению дополнительных ресурсов посадочного материала путем срезки верхушек клубней картофеля по методу академика Лысенко». В результате обсуждения вышеупомянутую систему рекомендовано было внедрить повсеместно, а к выполнению задания «привлечь комсомол, партийные и профсоюзные организации, школьников».

Впрочем, военная повседневность была заполнена массой других забот. В начале войны в крае прошла

* Орджоникидзевская правда. 1942. 10 марта.

** Там же. 10 июля.

мобилизация, на фронт отправились и тысячи добровольцев. Всего на полях сражений воевало 320 тысяч ставропольцев. На территории Ставрополя наряду с другими были сформированы кавалерийские части: из горцев Карачая и Черкесии, кубанских и терских казаков. Большинство конных соединений было уничтожено гитлеровцами в начале войны. Стратегическая роль конницы, с упорством обреченных отстаивавшаяся Ворошиловым и Буденным, провалилась. Правда, были и редкие исключения. На всю страну прославилась кавалерийская группа Льва Михайловича Доватора. В самом начале войны, в августе — сентябре 1941 года, эта кавалерийская часть провела успешный рейд по тылам противника в Смоленской области. Корпусу, основу которого составляли ставропольцы, кубанские и терские казаки, было присвоено звание гвардейского. В дальнейшем 2-й гвардейский корпус участвовал в обороне Москвы, где нес огромные потери. 19 декабря 1941 года на подступах к Рузе погиб в бою генерал-майор Доватор.

В 1978 году Суслов не без гордости вспоминал свою переписку с Доватором во время кровопролитных сражений за столицу: «Боевые добровольческие части из края направлялись во 2-й гвардейский корпус генерала Л. М. Доватора. В начале декабря крайком получил письмо генерала, в котором он просил прислать пополнение. Вот этот живой документ боевой эпохи, написанный на простом листке бумаги: «Мне выпала счастливая доля командовать славными патриотами, какими являются казаки Кубани и Терека. Очень многие из них за доблесть и мужество награждены правительственными наградами, многие пали смертью храбрых. Теперь мы стоим неприступной стеной на подступах Москвы, но нас мало. Я был бы счастлив, если бы от вас получил хоть бы человек пятьсот, чтобы и впредь сохранить состав 2-го гвардейского

корпуса из кубанцев и ставропольцев и чтобы корпус высоко держал боевые традиции орджоникидцев...» Ставропольцы горячо откликнулись на эту просьбу. Через две недели мы уже могли сообщить Доватору, что посылаем 500 конников на выносливых лошадях, снаряженных оружием, сделанным на заводах, фабриках и мастерских наших городов...»*

Ставропольцы, как и жители других районов, подерживали семейную связь со своими воюющими земляками. Местные газеты регулярно публиковали отрывки из фронтовых писем. На фронт отправлялись посылки с продуктами и теплыми вещами. В июле 42-го был организован первоочередной сбор продовольствия для блокадного Ленинграда. Фронт стремительно приближался. В июле, развивая летнее наступление, немецкие войска захватили Ростов-на-Дону и стали быстро продвигаться по территории Северного Кавказа. Отступление было настолько быстрым и беспорядочным, что в некоторых районах края части Красной Армии уходили на восток за несколько дней до того, как сюда приходили немецкие дивизии. Остановить немецкое наступление удалось только близ города Орджоникидзе (ныне — Владикавказ). Немецкая оккупация продлилась, однако, менее полугода. Когда фашистские войска «почувствовали» сталинградский котел, им пришлось вывести свои части со Ставрополья к Ростову и выровнять, таким образом, линию фронта.

Когда над Ставропольским краем непосредственно нависла угроза оккупации, краевой комитет партии начал эвакуацию материальных ценностей, скота, вывоз зерна. Но в надвигавшемся и быстро нараставшем хаосе многое из задуманного не удалось. Тем не ме-

* Ставропольская правда. 1978. 13 мая.

нее часть предприятий была уничтожена, часть демонтирована.

К лету 1942 года Ставкой Верховного Главнокомандования первому секретарю крайкома Суслову было поручено — в случае прорыва немецких войск — возглавить подполье и партизанское движение края. Сразу же развернулась лихорадочная работа по организации партизанских отрядов — предполагалось комплектовать их в каждом районе и городе. В горах Карачаево-Черкесии были созданы опорные базы — склады продовольствия, вещей и оружия. Когда 1 августа немецкие войска ворвались в пределы края, был образован Ставропольский комитет обороны. Местом базирования крайкома вначале был определен Пятигорск, но к тому времени город уже находился под угрозой захвата, и поэтому Суслов вместе с частью аппарата крайкома переправился под Кизляр, объявленный вскоре центром большого партизанского района. Отсюда Суслов, как член Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта и начальник партизанского движения края, должен был руководить подпольем и партизанскими отрядами.

В первые дни военных действий на Ставрополье Суслов обратился к трудящимся, находившимся на временно оккупированных врагом территориях, с воззванием: «Советские патриоты! Помогайте всеми силами и средствами славным партизанам! Не давайте немцам ни минуты покоя, бейте немцев везде, взрывайте их штабы и склады, пусть каждый метр нашей земли несет смерть гитлеровцам». Но вскоре после освобождения оккупированных районов отношение Суслова ко «временно находившимся» изменилось, став жестким и непримиримым.

Партизанские отряды вели боевые действия в горах Карачая и Черкесии, в степях Ставрополья и бурунах Кизляра. Статистика этих операций, приведенная

в середине 70-х годов, такова: за время своего пребывания здесь гитлеровцы потеряли 8 тысяч убитыми и ранеными (в 43-м году, со слов Суслова, эта цифра составляла 6 тысяч), было уничтожено: 1 самолет, 8 бронемашин, 21 танк, более 100 автомашин, взорвано 17 мостов, у оккупантов отбито более 82 тысяч крупного рогатого скота, около 6 тысяч лошадей.

Роль М. А. Суслова в истории партизанского движения края оценивается по-разному. Думается, необходимо привести эти противоречащие и даже взаимоисключающие точки зрения. По официальной, общепринятой до недавнего времени версии, Суслов активно организовывал и координировал деятельность партизанских отрядов, имеет несомненные заслуги в Великой Отечественной войне. В подтверждение этого еще с 40-х годов бытует одна героическая легенда: при отступлении Суслов участвовал в одном из боев и помог медсестре спасти раненого пулеметчика. Правда, мы располагаем свидетельствами и письмами очевидцев и участников тех далеких военных событий. Их искренние воспоминания утверждают: роль Суслова в развернувшейся партизанской борьбе весьма далека от восторженных оценок. В частности, указывается, что именно Михаил Андреевич был повинен в развале и малой эффективности партизанского движения в первые месяцы. Срочное «перемещение» штаба под Кизляр было обыкновенным бегством: Суслову, стремившемуся скорее скрыться от наступающих гитлеровских войск, пришлось переодеться в простого крестьянина.

Партизанское движение края не было столь повсеместным, всеобщим и массовым, как это принято описывать. Выступления отрядов были не только самостоятельными, но и разрозненными. Единого управления «из центра» не существовало. На то имелись свои причины. Во-первых, срок пребывания гитлеров-

цев на Ставрополье был незначительным — 5 месяцев. Во-вторых, создание партизанских формирований в некоторых районах провалилось: наспех закладывавшиеся базы были обнаружены, определенные успехи имела здесь и гитлеровская пропаганда (о чем речь ниже). Штаб же практически бездействовал; Суслов в острой критической ситуации не проявил ни решительности, ни умения организовывать людей. Да и так называемый штаб, а на самом деле часть аппарата крайкома попросту скрывался в буйных камышах в районе Кизляра. Есть свои легенды и об этом. Покидая Ворошиловск, Суслов взял с собой только насущно необходимое; среди прочего оказались и избранные тома сочинений И. В. Сталина и В. И. Ленина. В полевых условиях первый секретарь и начальник партизанского штаба не только клал их в изголовье — аккуратно связанная стопка книг чаще служила ему сиденьем, спасая от холода промерзлой земли.

О том, что «военная карьера» Суслова оказалась неудачной, говорит и другое — его поведение сразу после ухода оккупантов. Первый секретарь предпринял успешный реванш, «выявив» и наказав «подлинных виновников» военных неудач и собственных прочетов.

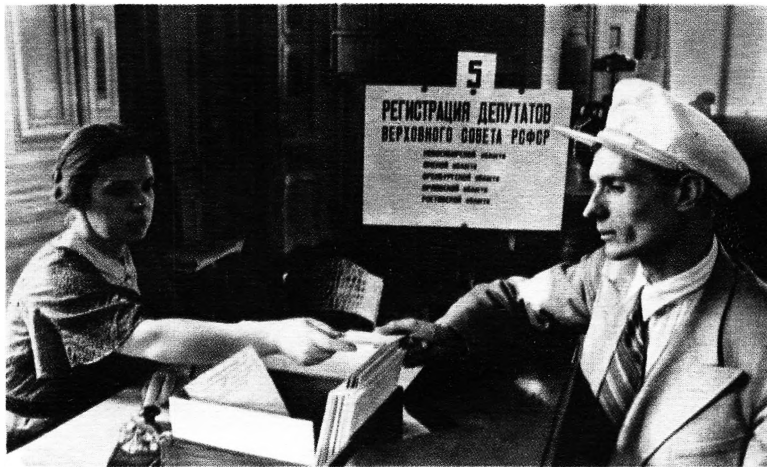
Несмотря на недолгое пребывание гитлеровцев на землях Ставрополья, захватчики, как и везде, оставили после себя кровавую память. Погибло около 30 тысяч мирных жителей, тысячи были угнаны в Германию. Около двух тысяч патриотов сгинуло в застенках гестапо в Пятигорске — здесь действовало хорошо организованное подполье. Из того же Пятигорска было вывезено в концлагеря все еврейское население (около 3 тысяч). Сразу же после вывода немецких войск были открыты «захоронения» сотен расстрелянных граждан в Железноводске, Буденновске и других местах. Огромный ущерб был нанесен и народному хозяйству

края. В ноябре 1943 года Суслов привел следующую статистику разорения: немецкие грабители вывезли из края 30 миллионов пудов зерна, разрушили 3577 животноводческих построек, 2773 зернохранилища и 2577 овощехранилищ, уничтожили 4 тысячи тракторов, более 1 тысячи комбайнов, 11 766 плугов. Количество продуктивного скота сократилось на 63,3 процента. Общий ущерб сельского хозяйства исчислялся 11 млрд рублей*.

Не забывал Михаил Андреевич о том, что «долгих пять месяцев трудящиеся края не слышали пламенного большевистского слова — слова правды». В результате образовавшегося вакуума сознание и психология людей оказались «отравленными» вражеской пропагандой. Поэтому подчеркивалось «особое значение» поддержания революционной бдительности для пережившего оккупацию края.

Ситуация еще более усугублялась тем, что многие из некогда насильственно созданных колхозов в первые же месяцы оккупации распались. Этому, несомненно, способствовало введение оккупационными властями так называемого «нового земельного порядка», предполагавшего передачу земли и средств производства в частную собственность. И в некоторых районах Ставрополя это «законодательство» имело определенный успех. Это хорошо было известно и М. А. Суслову, сразу после освобождения истово и сурово обличившему этот «закон». В речи, посвященной ликвидации последствий фашистской оккупации, Михаил Андреевич сказал: «Немецкие мошенники очень много кричали об их так называемом «новом земельном законе» для оккупированных областей... На самом деле «получение земли в единоличное пользование» превращало людей в рабов... Весь смысл фашистского так

* См.: Ставропольская правда. 1943. 19 ноября.

Депутат Верховного Совета РСФСР от Мечетинского округа Ростовской области М. А. Суслов прибыл на сессию в Москву. Во время регистрации. 11 июля 1938 года.

М. А. Суслов на подъеме своей карьеры. Удостоен чести пожать руку «вождю всех времен и народов» И. В. Сталину.

И. Сталин 1941

Сталинские РЕБЯТА

ОУАИ ОРДИЖИНИКДЗЕВСКОГО КРАЙНЕГО РАЙОНА

Михаил Андреевич Суслов

За выдающиеся заслуги в развитии и совершенствовании культуры и искусства в Советском Союзе, за активное участие в работе Коммунистического союза молодежи СССР, за активное участие в работе Коммунистического союза молодежи СССР, за активное участие в работе Коммунистического союза молодежи СССР

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О СОЗЫВЕ VIII СЕССИИ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

Созвать VIII Сессию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик 25 февраля с.г. в городе Москве.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР **М. КАЛИНИН.**
Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль.
4 февраля 1941 года.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении товарища Климента Ефремовича
Ворошилова орденом Ленина**

За выдающиеся заслуги в деле строительства большевистской партии и Советского государства, за активное участие в организации Красной Армии и флота, за активное участие в организации Красной Армии и флота, за активное участие в организации Красной Армии и флота

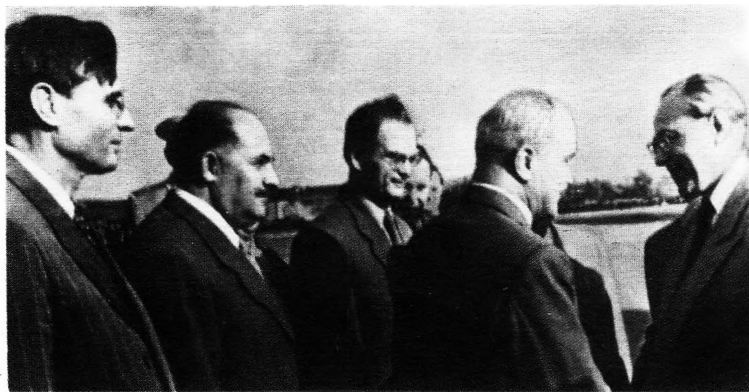
Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 3 февраля 1941 года.

**Товарищу Клименту Ефремовичу
Ворошилову**

Указ Президиума Верховного Совета

Орджоникидзевская комсомольская газета «Сталинские ребята» за 7 февраля 1941 года. Примечательное соседство...

Редкий миг запечатлен на фотографии Д. Бальтерманца:
рядом с веселящимся Н. С. Хрущевым — улыбающийся М. А. Суслов.
Подмосковье, 1955 год.

50-е годы.

Все ближе к власти Суслов
после смерти Сталина.

На Внуковском аэродроме

Отто Гротеволья встречают

М. А. Суслов, Л. М. Каганович,

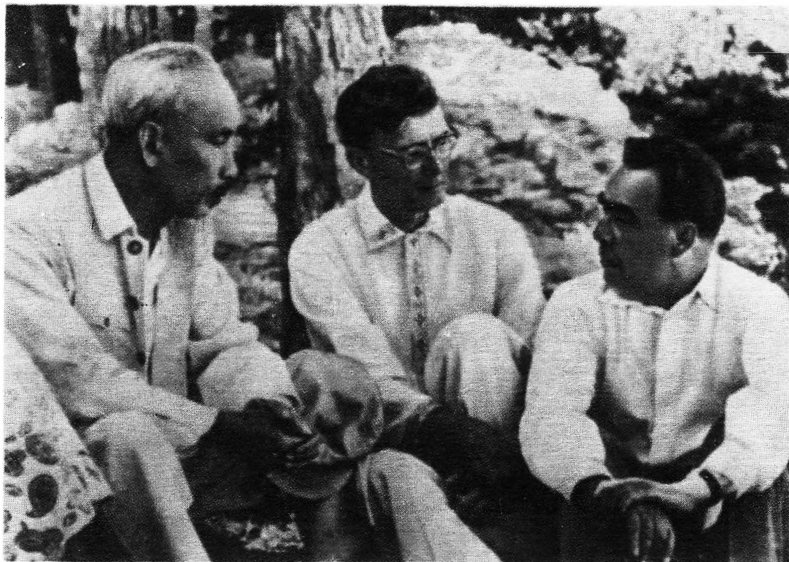
Н. С. Патоличев, В. М. Молотов.

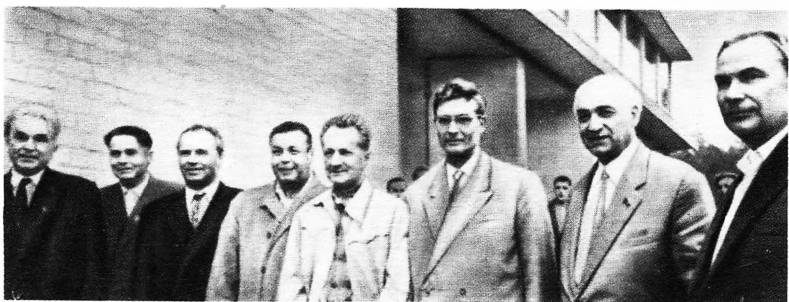
Июнь 1959 года. В перерыве между заседаниями XV съезда ФКП Морис Торез, М. А. Суслов, Н. В. Подгорный осматривают художественную выставку в Иври.

Февраль 1959 года. Внеочередной XXI съезд КПСС. Заключительное заседание.
На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев,
в президиуме — Л. И. Брежнев и М. А. Суслов.

Лето 1959 года. Крым. Хо Ши Мин, М. А. Суслов и Л. И. Брежнев на отдыхе.

Июль 1960 года. Вильнюс. Секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов и председатель Президиума ВС Литовской ССР Ю. И. Палецкис с группой композиторов во время праздника песни.

Ноябрь 1960 года.

На Совещании представителей коммунистических и рабочих партий.

Н. С. Хрущев подписывает Заявление Совещания.

Справа — М. А. Суслов.

М. А. Суслов и секретарь ЦК ФКП Жак Дюкло.

2 ноября 1967 года. Москва. Кремль.
Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов
вручает правительственные награды
активным участникам Октябрьской революции
и гражданской войны.

Они всегда рядом... Л. И. Брежнев и М. А. Сулов
среди делегатов III Всесоюзного съезда колхозников.
Ноябрь 1969 года. Москва. Кремль.

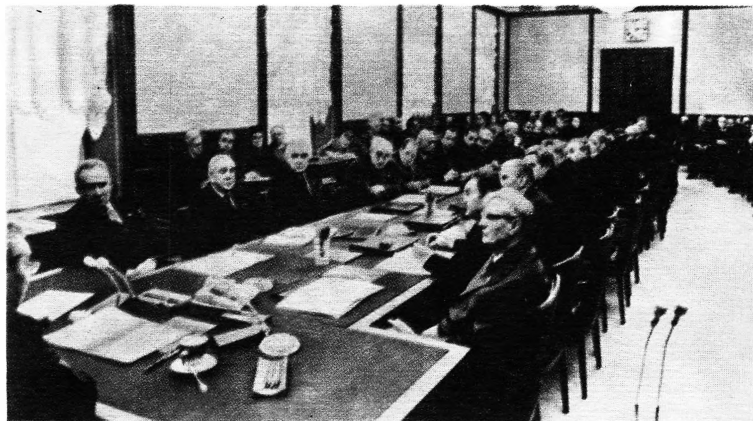
Апрель 1970 года. Москва. Л. И. Брежнев выступает с докладом на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В президиуме М. А. Сулов.

Февраль 1976 года. Кремлевский Дворец съездов.
Что-то рассмешило президиум XXV съезда КПСС...

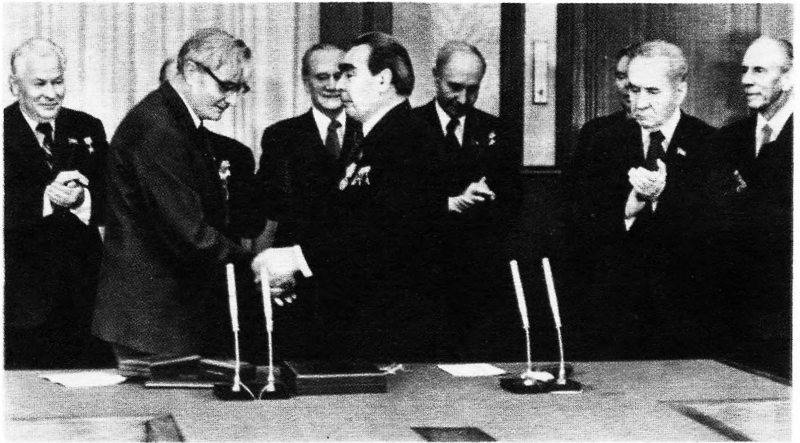
19 декабря 1976 года. И вновь они неразлучны —
юбиляр и главный организатор торжеств. На приеме в связи с 70-летием
Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

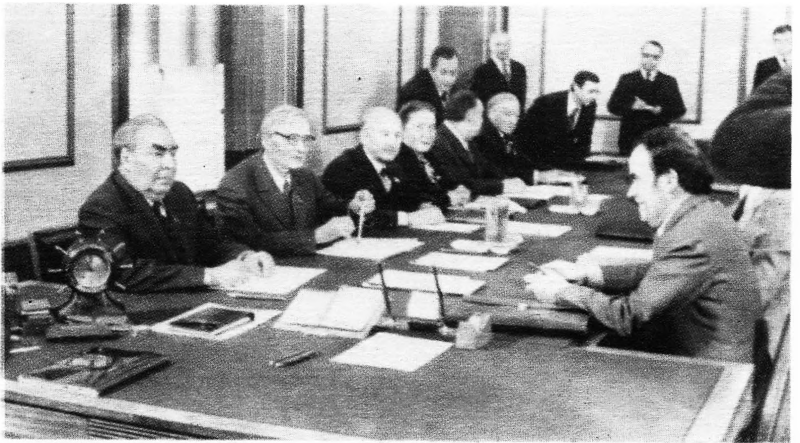
Москва. Кремль. 27 сентября 1977 года.
Очередное заседание Конституционной комиссии.
Вскоре она будет принята — Конституция эпохи «развитого социализма».

Совещание, заседания...
На Комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР
выступает М. А. Суслов. 30 июня 1978 года.

«Золотой дождь наград...» Вручение Л. И. Брежневу ордена Ленина и третьей медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, что с удовольствием делает М. А. Суслов. 1978 год.

8 января 1980 года. Москва. ЦК КПСС.
Во время переговоров между делегацией КПСС и делегацией ФКП
во главе с Генеральным секретарем Жоржем Марше.

25 февраля 1981 года. Красная площадь.
По традиции — возложение венка к Мавзолею В. И. Ленина
в дни работы XXVI съезда КПСС.

Последний портрет М. А. Суслова.
На обороте — надпись, сделанная, вероятно, рукой помощника:
«Автором одобрено. 15.1.82 г.».

называемого «земельного закона» состоит в том, чтобы до конца разграбить наши деревни, обезземелить колхозников, передать всю нашу колхозную и совхозную землю в руки немецких кулаков и помещиков-баронов, а наших колхозников превратить в бессловесных баранов, работающих на баронов»*.

Для восстановления социалистического колхозного уклада колхозам и совхозам края были списаны долги, выделена дополнительная техника. Были предприняты и другие меры: в рамках укрепления «революционного порядка» проведена массовая кампания по выявлению неблагонадежных, «шпионов», гитлеровских агентов. Тысячи крестьян были репрессированы. Вот характерная установка Суслова тех лет, сформулированная им в статье «Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах»: «Укрепляя общественную собственность, нельзя не учитывать, что немецкие оккупанты всячески разжигали мелкобуржуазные тенденции наиболее отсталой части колхозников. Гитлеровские мерзавцы, конечно, оставили свою агентуру, рассчитывая, что ей удастся путем воровства и вредительства подрывать общественную собственность колхозов. Сейчас особенно важно усилить охрану социалистической собственности и беспощадно расправляться с жуликами, ворами и другими пособниками немецким оккупантам, которые посягают на основу колхозного строя»**. Для «укрепления» тех же основ, а также для демонстрации успехов восстанавливаемого сельского хозяйства Суслов весной 1943 года изъял подчистую все зерно из личных закромов крестьян, а также полностью «обобществил» принадлежавший им крупный рогатый скот. Несомненно, это было отмечено.

* Ставропольская правда. 1943. 13 марта.

** Сулов М. А. Вопросы колхозного строительства в освобожденных районах // Партийное строительство. 1943. № 23. С. 21.

М. А. Суслов делал все от него зависящее, чтобы его чрезмерное усердие и рвение дошли до Верховного. 26 января 1943 года состоялся «дебют» Суслова в «Правде», опубликовавшей его статью «В освобожденном крае», после чего завязалась взаимная переписка между Ставрополем и Кремлем. По традиции, утвердившейся в те годы, многие руководители областей и районов нередко публично обращались к Иосифу Виссарионовичу со своими думами, чаяниями, высокими обязательствами. Иосиф Виссарионович в свою очередь аккуратно отвечал своим многочисленным корреспондентам со страниц газет. И вот 9 апреля 1943-го на такое послание «решился» и Суслов. «Письмо товарищу Сталину» было обнародовано. Приведем некоторые выдержки из этого документа: «Любимый вождь, дорогой учитель, родной отец наш Иосиф Виссарионович! Почти полгода в неволе томилась трудящаяся Ставропольского края, потоками лилась кровь наших детей, женщин и стариков. Гитлеровские мерзавцы истребили в крае свыше тридцати тысяч советских граждан... И теперь, когда черные дни тяжелой неволи остались позади, трудящиеся Ставрополя, Черкесии и Карачая в знак горячей любви к своей отчизне, доблестной освободительнице Красной Армии и безграничной преданности Вам, наш мудрый вождь и гениальный полководец, всю свою жизнь, все свои силы отдают на великое святое дело освобождения любимой Родины от чужеземных поработителей... Примите, дорогой Иосиф Виссарионович, нашу сердечную благодарность за избавление трудящихся Ставрополя от фашистской нечисти, за возвращенную свободу и жизнь. Будьте здоровы, родной наш отец, живите долгие и долгие годы.

Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б)
М. Суслов»*.

* Ставропольская правда. 1943. 9 апреля.

Думается, комментарии излишни. Но «изящество слога» Сулова, несомненно, достигло здесь небывалых для него высот. Если бы Михаилу Андреевичу посчастливилось жить где-нибудь в восемнадцатом столетии, его талант красноречия, владение ритмом (в письме явно ощутимо влияние античных гекзаметров и былинных стихов) позволили бы ему войти в число пусть не самых значительных, но зато самых активных и плодовитых приближенных ко двору одописцев. Впрочем, вполне вероятно, в составлении письма участвовал и В. В. Воронцов — секретарь местного крайкома по пропаганде и агитации. Этой удачной совместной работе и сотрудничеству была уготована еще долгая жизнь.

Как водится, Сталин не оставил без внимания письмо. И 27 апреля поступил ответ: «Ставрополь. Секретарю Ставропольского крайкома ВКП(б) товарищу Сулову. Передайте колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам, инженерно-техническим работникам, служащим, учителям, врачам, женам военнослужащих, комсомольцам, пионерам и школьникам Ставропольского края, собравшим 40 100 000 рублей и облигациями госзаймов 6 300 000 рублей на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник», бронепоезда «Комсомолец Ставрополя» и авиазвена «Пионер», сдавшим зерно и масличные культуры в фонд Красной Армии и пославшим подарки и теплые вещи фронтовикам, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин*.

В январе 1943-го городу, «с честью носившему» имя «красного маршала», из-за катастрофического военного провала этого «полководца» на фронтах

* Ставропольская правда. 1943. 27 апреля.

Великой Отечественной было возвращено исконное название — Ставрополь. Что не означало, однако, возвращения бережного отношения к традициям. Это подтверждает и акт вандализма, совершенный тогда же по приказанию Сулова. Речь идет о взрыве (ничем не обоснованном) Казанского кафедрального собора в Ставрополе. Жители города решили возвести эту церковь в память избавления от страшной эпидемии чумы 1810 года, унесшей многие жизни. В 1843 году состоялась торжественная закладка храма. Через сто лет Казанский собор был варварски уничтожен. И хотя фронт к весне откатился от Ставрополя довольно далеко, Сулов объяснил свое решение военной необходимостью — высокая колокольня собора послужила бы слишком хорошим ориентиром для наводки вражеских орудий.

Во время войны и оккупации всего лишь несколько сот проживающих в Ставрополье карачаевцев поддерживали гитлеровскую администрацию. В областном центре Микоян-Шахаре был сформирован так называемый «Карачаевский национальный комитет», сотрудничавший с оккупантами. Но большинство жителей Карачая не оказывало содействия этой организации, а, напротив, поддерживало партизан. Тем не менее в ноябре 1943 года почти 80-тысячное карачаевское население было поголовно депортировано в Среднюю Азию и Казахстан — на «спецпоселение». Карачаевская автономная область была юридически и фактически ликвидирована, Микоян-Шахар переименован в Клухори. 14 долгих лет продолжалось изгнание. И лишь в 1957 году справедливость была восстановлена, правда, только отчасти. Оставшиеся в живых, перенесшие унижение, голод, смерть близких карачаевцы вернулись на родную землю. Тогда же, в 57-м, Клухори стал называться Карачаевском, вновь была образована автономия в составе РСФСР.

Разумеется, решение о выселении мусульманских народностей с Северного Кавказа и из Поволжья было «обдуманно» и принято в Москве Государственным Комитетом Обороны, Сталиным; закладывался будущий фундамент послевоенной политики репрессий. Однако верно и доказано то, что Ставропольский крайком партии полностью поддержал это решение и помог провести его в жизнь. Более того, по имеющимся сведениям, первый секретарь крайкома М. А. Суслов сыграл не последнюю и весьма зловещую роль в развернувшемся насилии. Сыграл не только по долгу службы, но и по личной инициативе.

Сразу же после освобождения, зимой 1942/43 года, ничто, казалось, еще не предвещало беды. Газетная хроника того времени пестрела известиями об успешном возрождении колхозов в Карачае, весной — о полевых работах, а позднее — о развернувшейся уборке. В марте 1943 года была опубликована и следующая информация (поданная как рапорт М. А. Сулову): «Трудящиеся Малого Карачая, освобожденные Красной Армией от немецко-фашистского ига, начали, по призыву колхозников аула Элькуш, сбор средств на строительство эскадрильи боевых самолетов «Колхозник Карачая». Воодушевленные замечательными победами советских войск на фронтах Отечественной войны, трудящиеся района за короткий срок собрали 500 тысяч рублей. Председатель колхоза имени Сталина тов. Аджиев внес из личных сбережений 11 500 рублей, а председатель колхоза аула Учкекен Магомет Салпагаров — 10 000 рублей»*.

Корреспонденты подробно описывали и «специальное совещание стариков» (старейшин), съехавшихся практически из всех аулов Карачая. С удовлетворением отмечалось, что из 726 присутствовавших стари-

* Ставропольская правда. 1943. 5 марта.

ков слово взяли 92 человека. О чем они говорили? Разговор шел о пережитой фашистской оккупации и об острых насущных заботах. «Немецко-фашистские захватчики обманули карачаевский народ,— заявил в своем выступлении старик из аула Учкекен Абук Хубиев,— Гитлер прислал нам из Берлина Коран, но скажу прямо, что немцы никогда не были мусульманами, а мусульмане не были немцами. Им не мусульмане пужны, а богатство наше нужно, но мы его не отдадим. Если потребует наша Родина, то я, несмотря на свою старость, пойду вместе с сыновьями бить немцев»,— заключил старик. Было составлено и коллективное письмо Сталину: «Горе и позор принес Гитлер на наши седые головы. Пять месяцев гитлеровские солдаты и гестаповцы убивали, грабили, издевались над нашим свободолюбивым народом. Позади остались месяцы рабства, сыны Карачая вновь влились в дружную семью народов Советского Союза, возвращенную тобой, наш любимый друг и вождь»*.

Эти старики, как и весь карачаевский народ, были уже обречены. «Любимый друг и вождь» уготовил им страшную участь. Его непреклонность и безжалостность к «врагам» были хорошо известны. Уже в декабре 1943 года названия городов и аулов Карачая попросту исчезли со страниц газет, хозяйственных отчетов и докладов. Слово «карачаевцы» также было забыто, народ как бы ушел в небытие, перестав существовать официально. Так было на бумаге, но не в жизни.

Естественно, никакой информации о насильственном выселении не публиковалось. Все происходило тайно, без огласки. В развернувшейся «подготовительной» работе М. А. Суслов оказывал посильную поддержку ведомству Л. П. Берии в сборе фальшивых обвинений и свидетельств «преступлений» карачаевцев

* Ставропольская правда. 1943. 18 мая,

против Советской власти. Была организована и пропагандистская кампания в поддержку вершимого насилия и произвола. При участии Суслова была создана легенда о «массовом предательстве», о якобы действовавших в горах Карачая 65 бандах. И кровавые преступления «фашистских пособников» были изобличены и впоследствии обнародованы. Бандами карачаевцев якобы была расстреляна большая группа отступавших красноармейцев. Но самым безжалостным и горьким для карачаевцев стало обвинение в гибели ребятишек из детдома. До последнего времени у селения Нижняя Теберда находился памятник этим загубленным детским душам. И виновными, судя по надписи, кроме фашистов, были и «местные националисты». Уже в конце 80-х прокуратурой края предпринималось официальное расследование. Вывод: все вышеперечисленные и бытовавшие со времени Суслова обвинения облыжны и не соответствуют действительности. Среди добытых фактов и доказательств совершенных «преступлений» свое место заняли и нарочито мифологизированные рассказы и просто слухи. Вот одна из бытовавших в те годы легенд. В 1942 году карачаевцы в знак благодарности и дружбы преподнесли Адольфу Гитлеру подарок — богато инкрустированное седло, уздечку и белого коня. Это, конечно, тоже было фальшивкой.

Акция по выселению проводилась руководством НКВД Ставропольского края в тесном взаимодействии и сотрудничестве с местным партийным руководством. М. А. Суслов был непосредственно связан с начальником Управления НКВД по Ставропольскому краю Ткаченко, в ведении которого находилось непосредственное осуществление операции. По сути, это было первое крупномасштабное мероприятие в предстоящем сталинском плане «наказания» и переселения «народов-предателей». Так что местный крайком

и НКВД в каком-то смысле были «первопроходчиками». Успешное проведение репрессивной кампании обеспечило Суслову, отвечавшему за идеологическую «постановку» развернувшейся драмы, повышение и назначение в Литву, где опыт карачаевской расправы ему, несомненно, пригодился.

В ночь на 2 ноября 1943 года войска НКВД численностью примерно 60 тысяч человек (наверное, из расчета один солдат на одного «врага народа») окружили практически все карачаевские аулы и селения. Людей выгоняли из домов, сажали в грузовики. Но транспорта не хватало, тогда в колоннах, под конвоем людей направляли на ближайшую железнодорожную станцию (она располагалась достаточно далеко — в 70 километрах от Микоян-Шахара). Там уже карачаевцев «распихивали» по «телячьим вагонам». Дорога предстояла долгая. Среди депортированных были в основном старики, женщины и дети. В патриархальных мусульманских семьях детей, как правило, было много. В среднем — 7—8 человек. Так что большинство пострадавших составили именно они. Практически все взрослое мужское население (15 тысяч человек) было призвано в Красную Армию и находилось на фронте.

Естественно, застигнутые врасплох, напуганные люди были мало подготовлены к длительному и трудному переезду, успев захватить с собой лишь скудный домашний скарб и кое-что из продуктов. Остальное имущество подлежало конфискации. Но тяжелый переезд в битком набитых вагонах для скота, долгие стоянки в тупиках на узловых станциях в ожидании отправки, антисанитария и царившая неразбериха — все это было лишь началом жестоких испытаний для и большого карачаевского народа. Составы направлялись в безлюдные районы Средней Азии и Казахстана. Там в холод и метель, прямо на заснеженной промерзлой земле люди разбивали палатки и наспех сколачи-

вали ветхие бараки. Начались голод и болезни. Уже первые месяцы унесли тысячи жизней, всего же погибло больше половины переселенных карачаевцев, среди них около 22 тысяч детей. И все-таки мужественный народ выстоял и выжил. Данные современной демографии таковы: в 1979 году карачаевцы составили 131 тысячу человек, в 1990 году их число достигло 160 тысяч.

По результатам проведенной операции начальником НКВД была подготовлена докладная записка в Народный комиссариат внутренних дел СССР на имя заместителя наркома С. Н. Круглова. Время сохранило документ. Вот его текст: «В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области 14 774 семьи — 68 938 карачаевцев. После выселения основного контингента Управление Народного комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карачаевцев. Все были выселены в места основного проживания.

Начальник Управления НКВД по
Ставропольскому краю
Ткаченко
Заместитель начальника Управления НКВД
по Ставропольскому краю
Ивлев»*.

М. А. Суслов несет персональную ответственность за аресты и репрессии советских и партийных работников, карачаевцев по национальности. Имеются свидетельства, что по личному указанию Суслова был арестован известный советский патриот, мужественный командир разведгруппы, а потом секретарь Учкуланского райкома ВКП(б) Мудалиф Каракозович Батчаев. «Вина» его заключалась в том, что он на

* В бессрочную ссылку // Московские новости. 1990. № 41. С. 11.

пленуме крайкома посмел критиковать Суслова*. Позднее, на состоявшемся в начале 1944 года парт-активе в Ставрополе, Михаил Андреевич запальчиво бросил: «Мы выжили карачаевцев из горных ущелий, теперь надо выжить отсюда их дух!» Но политика репрессий в крае коснулась не только карачаевского народа, жертвами ее стали многие из честных советских граждан, волей случая оказавшихся на оккупированной немцами территории.

В период активных боевых действий на Северном Кавказе М. А. Суслову как члену Военного совета Северной группы войск подчинялся и полковник Л. И. Брежнев, который был тогда начальником политотдела 18-й армии и который, в частности, помогал Суслову в налаживании гражданской и хозяйственной жизни на Северном Кавказе. Но это было лишь мимолетное знакомство, так как 18-я армия после взятия Новороссийска ушла на запад. Можно заметить в этой связи, что еще через десять лет Л. И. Брежнев, уже в звании генерал-лейтенанта, был назначен заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В этот период он также должен был выполнять директивы секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. В некоторых работах по советской истории высказывается предположение, что уже тогда возник некий политический союз между старшим по возрасту и положению Сусловым и Л. И. Брежневым. Один из авторов намекает, что Суслов, предвидя неизбежное столкновение с выдвинувшимся на первые роли Н. С. Хрущевым, стал хитроумно и дальновидно выдвигать Брежнева как будущего преемника или соперника Хрущева**.

* См.: *Логинов Ю.* Боль моя, Карачай // Социалистическая индустрия. 1989. 14 июля.

** См.: *Морозов М.* Леонид Брежнев. Биография. Штутгарт — Берлин — Кельн — Майнц, 1973. С. 91.

Для 1953—1954 годов такая гипотеза безосновательна. И Суслов, и Брежнев тогда относились к Хрущеву с несомненной лояльностью. Но вернемся к карьере Суслова.

В конце лета — начале осени 1944 года Суслов на некоторое время покидал Ставрополье. Предположительно целью его поездок была Москва. Кремль готовил новое назначение, и в ЦК обсуждались все сложности и нюансы будущей ответственной работы Суслова... Задачи, поставленные партией перед Михаилом Андреевичем, были крайне трудны, а сроки — сжаты.

Уезжая в Литву, Суслов покинул Ставрополь не навсегда. Уже достигнув вершин власти, он в зрелые годы был не чужд ностальгии: его тянуло к прошлому, к прежним местам, где некогда прошла юность и были пережиты молодые годы. Не случайно маршруты этих «сентиментальных путешествий» лежали в родное село Шаховское — его Михаил Андреевич посетил в 1966 году во время торжеств по случаю награждения Ульяновской области орденом Ленина, а в 1978 году побывал в Ставрополье. Повод для этого был существенный. Летом 1977 года область собрала рекордный урожай зерновых и овощей, прославилась на всю страну рожденным здесь «ипатовским методом» (он был разрекламирован повсеместно). Вообще, для ставропольцев, как и для всех граждан Союза, 1977 год был памятен и «всенародным обсуждением», и принятием новой Конституции СССР, объявленной важным этапом на пути к заветной цели. И еще, как писали местные газеты, «юбилейный год Октября по счастливой случайности (разрядка наша. — Авт.) стал и вехой на календаре истории родного города» — Ставрополь отметил свое 200-летие.

7 июля 1977 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР — наградить город Ставрополь

орденом Октябрьской Революции. Для вручения этой награды и прибыл М. А. Суслов.

11 мая 1978 года. Ставропольский аэропорт в торжественном убранстве. На площади аэровокзала были собраны трудящиеся города, партийные и советские работники, ветераны, передовики, юноши и девушки, пионеры и школьники. М. А. Суслов медленно спускается по трапу. Навстречу ему — первый секретарь краевого комитета КПСС М. С. Горбачев, председатель исполкома краевого Совета народных депутатов И. Т. Тарасов, первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС В. С. Мураховский и другие должностные лица.

Михаил Андреевич тепло здоровается со всеми встречающимися, сердечно отвечает на бурные приветствия собравшихся в аэропорту трудящихся. По традиции отечественного гостеприимства представители рабочих коллективов преподносят «высокому гостю» хлеб-соль, а юные пионеры — букеты цветов. На улицах Ставрополя тоже царит праздник. Собравшие в рабочее время тысячи рабочих, служащих, студентов высматривают в проезжающем кортеже лицо Суслова и, узнав, возбужденно и громко приветствуют. 12 мая торжественная церемония вручения ордена. Возбравшись на трибуну, Михаил Андреевич под громкую овацию собравшихся оглашает личное приветствие Л. И. Брежнева. Затем произносит долгую речь. Он подробно говорит о значении Ставрополя как крупнейшего сельскохозяйственного района страны... «Примечательно, что в крае энергично внедряются новые принципы управления производством и прогрессивные методы использования сельскохозяйственной техники. Пример такой работы на уборке урожая показали... труженики Ипатовского района. Сегодня их опыт широко известен. Он был одобрен Центральным Коми-

тетом партии»*. Далее Суслов затронул свою излюбленную тему — «достижения реального социализма». И словно позабыв трагедию 1943 года, произнес: «Примером огромных социалистических преобразований является Карачаево-Черкесская автономная область — область с современной развитой экономикой и высокой культурой...»**

Ответную речь держал М. С. Горбачев: «Мы выражаем самую сердечную признательность Центральному Комитету партии, Советскому правительству за высокую оценку вклада ставропольцев в коммунистическое строительство. Душевное, отеческое поздравление Леонида Ильича Брежнева вызывает в каждом из нас горячее желание все силы и знания отдавать дальнейшему расцвету нашей великой Родины... Праздник нынче пришел в каждый дом, в каждую семью. И все особенно рады тому, что в нем принимает участие близкий и дорогой нам человек — Михаил Андреевич Суслов, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро, в прошлом первый секретарь Ставропольского комитета партии. С именем Михаила Андреевича связаны многие достижения ставропольцев и в годы социалистического строительства, и в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками...»*** Что ж, таков был заведенный ритуал.

ЭМИССАР СТАЛИНА

Уроки Литвы

(1944—1946)

В 1944 году большая часть территории Литвы была освобождена Красной Армией от немецкой оккупации. Во главе партийной организации встал опытный

* Ставропольская правда. 1978. 13 мая.

** Там же.

*** Там же.

подпольщик, еще в конце 20-х годов избранный секретарем ЦК КПЛ,—А. Снечкус. Но Сталин мало доверял старым подпольщикам. Кроме того, внутреннее положение в республике было сложным и напряженным. Включение в состав СССР, как доподлинно известно сегодня, предусмотренное и обеспеченное «секретными протоколами» к советско-германскому договору 1939 года, многими воспринималось как насильственный захват суверенного государства. Поэтому коммунисты не пользовались здесь особым влиянием и популярностью, значительная часть католического литовского населения выступала против «советизации» Литвы. Однако страшные годы немецкой оккупации и будни второй мировой войны повлияли на взгляды и представления многих литовцев. Симпатии к СССР усилились, и все больше людей смотрели на Советскую власть с искренней надеждой, видя в ней защиту и гарантию от возвращения фашистских порядков.

По указанию Сталина было решено сформировать специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. Подобные органы были также созданы в других Прибалтийских республиках и Молдавии. По существу, был разработан единый план установления и укрепления Советской власти на этих «неспокойных» территориях. Председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве был назначен Суслов. В состав Бюро вошли Ф. Ковалев и генерал-майор Ткаченко — тот самый «отличившийся» начальник Управления НКВД по Ставропольскому краю, руководивший вместе с Михаилом Андреевичем выселением карачаевцев с родных земель. Членами Бюро стали также А. Снечкус и Председатель Совнаркома Литвы М. Гедвилас. Суслов проработал председателем Бюро до весны 1946 года (впоследствии этот пост занял В. Щербаков). Но это было самое трудное, требующее ответственных решений время,

Бюро ЦК ВКП(б), наделенное чрезвычайными полномочиями, стало высшей властью в республике. Только оно окончательно решало все без исключения политические, идеологические, кадровые, экономические и культурные вопросы; информировало ЦК ВКП(б) о положении в Литве и готовило все постановления ЦК по республике. Авторитет Бюро был тем более высок, что в непосредственном его подчинении находились части Красной Армии, расквартированные здесь, и многочисленные войска НКВД.

Бюро под руководством Суслова с первых же дней активно включилось в работу. С 27 по 30 декабря 1944 года проходил 4-й пленум ЦК КП(б) Литвы, на котором рассматривался вопрос о недостатках и задачах политической работы парторганизаций Литвы. С большой директивной речью выступил М. А. Суслов. Внимательно прислушаемся к произнесенному им тогда.

По традиции «доклад» начался со вступительной торжественно-праздничной риторики: «Трудящиеся Литвы, освободившись от немецко-фашистских оккупантов, вновь обрели в дружной семье народов Советского Союза свободу и независимость, напряженно трудятся над скорейшим восстановлением разрушенного врагом народного хозяйства и с каждым днем расширяют свою помощь фронту»*. Далее следовало выражение официального недовольства медлительностью и либерализмом в изменении ситуации в республике. «Но успехи в деле ликвидации последствий немецкой оккупации были бы больше, если бы в работе партийной организации Литвы не было бы допущено крупных ошибок и недостатков». Последние сводились главным образом к отсутствию решительности в «разоблачении и пресечении деятельности литовско-не-

* Советская Литва. 1945. 4 января.

мецких националистов, в затяжке проведения земельной реформы» и т. п. Естественно, в условиях сталинской диктатуры был невозможен постепенный, мирный и бескровный процесс «врастания» республики в новую государственную систему, невозможно было и проведение промежуточных реформ (тем более демократического характера), невозможно было опираться и на просветительно-пропагандистские методы работы. М. А. Суслов был убежденным последователем и проводником иной политической линии. Следуя «мудрой логике» «отца народов», он считал универсальным средством решения всех сложных социально-экономических и политических проблем одно — насилие. И с первых же шагов в Литве он стремился продемонстрировать собственные силу, принципиальность и непримиримость. На пленуме Суслов выступил за первоочередное ужесточение репрессивных мер, призвал проявить революционную бдительность, «очистить советский аппарат от чуждых элементов, смелее выдвигать из низов проверенных и преданных Советской власти работников»*.

На 4-м пленуме ЦК КП(б) Литвы был рассмотрен и организационный вопрос: от обязанностей секретаря ЦК был освобожден В. Нюнка (за излишнюю мягкость и либерализм). Это было знаменательное начало. В дальнейшем кадровая политика Бюро во главе с М. А. Сусловым в масштабах всей республики дала весьма ощутимые результаты. Были заменены практически все руководящие партийные и советские кадры. Даже самые простые обязанности не доверялись местным специалистам. Их сменили прибывшие из других республик. С конца 1944 до апреля 1946 года в Литву по просьбе ЦК КП(б) приехало

* Советская Литва. 1945. 4 января.

6116 работников*. Партийная организация республики за это время стремительно росла, но процент литовцев в ней на 1 января 1945 года составлял 31,9%**.

Задачи массовой кадровой «чистки» были подтверждены и расширены на 5-м пленуме ЦК КП(б) Литвы, проходившем 16 апреля 1945 года. Здесь также с большой речью выступил М. А. Суслов. Он подвел предварительные итоги репрессивной кампании, с удовлетворением отметив, «что в последнее время в республике проделана значительная работа по разоблачению и пресечению преступной деятельности буржуазных националистов, проделана известная работа по укреплению советских и хозяйственных кадров»***. Интересно, что как раз в начале апреля Председатель Президиума Верховного Совета Литвы Ю. Палецкис вручил «в торжественной обстановке» правительственные награды ряду сотрудников НКВД за успешную работу.

Тем не менее результаты достигнутого не удовлетворяли Суслова, Москва все время торопила. И он был по-прежнему тверд и непреклонен: «...еще не принято решительных мер к очищению советского и хозяйственного аппарата, в особенности республиканских наркоматов, от враждебных и политически сомнительных элементов»****. Докладчик с возмущением привел многочисленные примеры «довольно густой засоренности вражеской нечистью» и «сомнительными элементами» некоторых наркоматов, ведомств и уездных организаций. Сегодня трудно привести имена и

* См.: История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978. С. 476.

** См.: Коммунистическая партия Литвы в цифрах. 1918—1976. Вильнюс, 1977. С. 256.

*** Советская Литва. 1945. 18 апреля.

**** Там же.

фамилии тех, кто (из сведений НКВД) упоминался в речи Михаила Андреевича. Как трудно пока назвать всех, кто пострадал и был невинно осужден в результате провозглашенных Сусловым репрессивных установок. К сожалению, отчеты и стенограммы заседаний Бюро ЦК ВКП(б) по Литве хранились в архиве Института марксизма-ленинизма (ныне Российский институт социальных и национальных проблем) и доступ к ним был крайне ограничен.

Тактика выявления и борьбы с «врагами народа» была уже четко отлажена и опробована в предшествующие годы. Опытен был в ней и Суслов. При этом он весьма точно указал литовским товарищам в тогдашней своей речи и источник ее «теоретического обоснования» — выступление Сталина на мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Суслов разделял авторитетное убеждение о дальнейшем обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма (отголоски этой теории отчетливо проявились позднее, в 70-е годы). В подобном духе Суслов сделал закономерный прогноз: «Буржуазно-националистические элементы чем дальше, тем больше маскируют свою подрывную деятельность, стараются всячески проникнуть в наши советские и хозяйственные органы»*. Поэтому следовало усиливать работу по очищению советского и хозяйственного аппарата, проводя ее «не как кратковременную кампанию, а систематически и упорно (разрядка наша.— Авт.), памятуя, что враги будут всячески маскироваться»**.

Для большей эффективности репрессий необходимо было создать и поддерживать атмосферу страха и

* Советская Литва. 1945. 18 апреля.

** Там же.

всеобщей подозрительности. Этого и требовал Суслов: «Партийные организации должны покончить с безнаказанностью для политических ротозеев и примиренцев к буржуазно-националистическим и прочим антисоветским элементам и их покровителям»*.

Особенно жестокой и непримиримой была позиция Суслова по отношению к литовской интеллигенции. Большинство деятелей культуры, не принявших Советской власти, выехало из республики еще осенью 1944 года. Родину покинуло около 90 литераторов, что составляло почти $\frac{2}{3}$ членов довоенного Общества литовских писателей. Оставшиеся в большинстве своем знали, какие тяжкие испытания выпали на долю литовцев в годы немецкой оккупации, искренне верили в социалистическое будущее Литвы и потому добровольно стремились помочь своему народу в восстановлении разрушенного хозяйства и строительстве нового общества. Казалось, что сознательная поддержка и созидательная энергия этой части литовской интеллигенции и была необходима для нормализации обстановки, гражданского мира и будущих трудных реформ. Насущной задачей было привлечение этих людей к сотрудничеству. Но, как большевик «сталинской закалки», Суслов отличался холопским презрением и подчеркнутым недоверием к людям интеллигентских профессий, а к писателям, художникам, музыкантам относился с еще большей злобой. «Бывшая» буржуазная интеллигенция Литвы представлялась ему главным очагом крамолы и «бесплодного либерализма». Поэтому именно на этих людей и обрушился главный удар сталинской репрессивной машины. Среди пострадавших в те годы были известные литераторы: К. Корсакас, Ю. Балтушис, Э. Межелайтис, Т. Тильвитис, К. Борута.

* Советская Литва. 1945. 18 апреля.

После установления Советской власти было организовано правление Союза писателей Литвы, утвержденное в конце 1944 года Советом Народных Комиссаров республики. В это правление вошли многие бывшие сотрудники «Третьего фронта» — журнала левой оппозиции 30-х годов. Одним из организаторов его был в свое время К. Борута. Его трагическая судьба типична для «левой», либеральной интеллигенции прежней Литвы, испытавшей горькое разочарование в своих идеалах. Она тем более интересна, что во многом волей-неволей тесно переплелась с биографией Суслова, лично ответственного за творившееся беззаконие и искалеченные жизни.

Вначале последовал «шумный» разгром романа К. Боруты (во многом направленный Сусловым) «Мельница Балтарагиса» — первого крупного и самобытного художественного произведения, опубликованного при Советской власти в Литве. Книга писателя была подвергнута уничтожающей критике за «антинародную» позицию автора. Затем последовал арест его отца. Но впереди ждали новые испытания. Пришлось пережить жестокие репрессии, выпавшие на долю литовского крестьянства, которое насильно сгоняли в колхозы, а над сопротивлявшимся устраивали расправы. Все это не могло пройти мимо совести писателя. Одно из подобных страшных впечатлений, потрясших Боруту, запомнилось на всю жизнь. На площади городка Пренай, по дороге в Друскининкай, вместе с другим литовским писателем — Б. Сруогой Борута видел трупы «лесных братьев», брошенные по распоряжению Суслова на всеобщее устрашение. «Такого ужаса я не испытывал даже в гитлеровском лагере Штутгоф», — сказал тогда Сруога. Для К. Боруты наступило горькое отрезвление. И надо отдать должное мужеству писателя: обстоятельства не сломили его. На литературных собраниях, стуча кулаком по столу,

Борута протестовал против осуществлявшейся политики «ликвидации кулачества как класса», открыто насмехался над фальшивыми стихами, которые воспевали «вождя и учителя», а некоторых своих друзей в глаза называл приспособленцами. Видимо, одним из них и был написан донос, повлекший за собой арест и тюремное заключение. Другие нашли смелость написать Суслову прошение о помиловании К. Боруты, отстаивая невиновность и честное имя писателя. Ответа они не получили.

Вот характерный отрывок из позднейших воспоминаний Боруты: «Мы не писали, но по другим причинам. Одни из нас были оглушены, ошеломлены, опустошены, измучены, другие, со своими старыми, буржуазных времен привычками и идеологией, не успели определиться, понять советские порядки. Как от всего этого сразу избавиться и включиться в восстановительную работу? Не все такие гибкие, чтобы, как флюгер, поворачиваться с каждой переменной ветра. Терпение и время требуются каждому совестливому человеку, тем более писателю — он прежде всего должен переделать самого себя, перенять новую идеологию, приобрести новые привычки, чтобы суметь и другим помочь переориентироваться и включиться в перестройку своего края.

Но это никого не волновало. Кто не успел, тому дали по башке и оттолкнули, как какого-то прокаженного» *.

Не меньшего драматизма исполнены судьбы других деятелей культуры Литвы «буржуазной поры», добровольно оставшихся в республике и пытавшихся включиться в созидательную работу: П. Юодялса, К. Янкаускаса, К. Якубенаса, А. Билюнаса — все они

* Из архива Казиса Боруты (1905—1965) // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 206.

были осуждены без вины и позже реабилитированы, некоторые посмертно. Не миновала горькая чаша испытаний и «молодых» авторов — Э. Межелайтиса, П. Вайчюнаса и других: их творчество было раскритиковано и признано идеологически ошибочным и вредным в духе известного послевоенного постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Тернистым был путь и остальной части литовской интеллигенции, оставшейся со своим народом, готовой к сотрудничеству с новой властью. Газеты 1945 года сообщали о процессе над сельским врачом из западной части Литвы, «уличенным» в «пособничестве» «лесным братьям» (на самом деле он просто не смог оставить без помощи раненого человека). Возрастающее недовольство вызывали у Суслова местные суды. Он требовал одного — подавления и жестокого наказания «для изблеченных врагов и их пособников». Факты и реальные обстоятельства дел его мало интересовали, а любое затянувшееся расследование или попытка защиты подсудимых расценивались как намеренное попустительство или диверсия. Впрочем, количество рассматриваемых дел гражданскими судами все время сокращалось, зато заметно увеличился «объем работы» военных трибуналов. Недоверие и подозрительность окружали местных инженеров и служащих. Любая неудача или ошибка квалифицировалась Сусловым как саботаж. С трудом приспособивались к быстро меняющимся обстоятельствам профессора, преподаватели и учителя: недовольных и несогласных направляли на «перевоспитание». Переселения и лагерей не избежали и многие католические священники. Правда, здесь Суслов был достаточно осторожен и в открытую конфронтацию с церковью не вступал.

За короткое время маленькой прибалтийской республике пришлось пережить не только «тридцать

седьмой год», но и «год великого перелома». Одним из важнейших направлений «реформаторской» деятельности Бюро ЦК ВКП(б) по Литве стало «успешное проведение» земельной реформы, а затем и начало коллективизации сельского хозяйства.

Еще на 4-м пленуме ЦК КП(б) Литвы М. А. Суслов настаивал на «полном освоении земель безземельными и малоземельными крестьянами, которые снова получили от Советской власти землю» *. Кроме этого, Суслов потребовал резкого ужесточения мер по отношению к «враждебному кулацкому элементу». В принятой на пленуме резолюции говорилось о «необходимости решительно проводить конфискацию земель и имущества тех хозяйств, члены семьи которых участвуют в буржуазно-националистических бандах» и о значительном сокращении земельных участков кулаков и тех хозяйств, владельцы которых (или члены семьи) поддерживали в годы оккупации немцев. Суслов и здесь прямо следовал за бесчеловечной практикой массовых репрессий 30-х годов, проводившихся с «высочайшего соизволения», когда нормой стала ответственность детей за «вину» отца, когда жены расплачивались (нередко жизнью) за мнимые преступления своих мужей. Но все это было лишь началом последующей широкомасштабной кампании раскулачивания и репрессий, началом «выселения врагов народа» и их семей, началом постепенного уничтожения трудолюбивого и хозяйственного литовского крестьянина. В то время как насильственно разрушался рождавшийся веками хозяйственный уклад, по инициативе М. А. Суслова в столице республики был созван I республиканский съезд трудовых крестьян.

Со времен Ставрополя Михаил Андреевич был уже опытным организатором всякого рода показательных

* Советская Литва. 1945. 4 января.

мероприятий. В гот исторический момент необходимо было продемонстрировать первые успехи сталинской аграрной политики в Литве. 29 марта в Вильнюсе перед тщательно отобранной и «отсеянной» аудиторией Суслов подвел предварительные итоги земельной реформы: «Советская власть за счет помещиков и кулаков, сидевших на шее грудных крестьян, наделила землей 59 828 хозяйств бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян, передав им бесплатно в вечное пользование (?! — *Авт.*) 416 666 гектаров доброкачественной земли». Далее докладчик предался размышлениям о скором будущем, рисуя «светлые перспективы», открывающиеся перед литовским крестьянством: «Советская власть представляет широчайшие возможности для трудового крестьянства, и от него зависит, как лучше использовать эти возможности и развивать свое хозяйство, повысить свое материальное благосостояние». Дальнейшие рассуждения были исполнены откровенной демагогии и отточенной казуистики: «Ну а как быть с колхозами? — спросите вы. Можно ли развивать индивидуальное хозяйство или надо обязательно идти в колхозы? Советская власть не принуждает крестьян вступать в колхозы. Колхозы — дело добровольное» *.

Однако в реальной действительности все было совсем иначе. Оказывалось массивное давление на единоличников. Многие из зажиточных крестьян облыжно обвинялись в содействии «националистическим бандам» или сотрудничестве с фашистами. Индивидуальное хозяйство последовательно подрывалось мерами экономического и социального характера. Кулаки и «средняки» (правда, эти термины мало подходят к своеобразию литовской деревни) облагались непомерными налогами. Но главным рычагом преоб-

* Советская Литва. 1945. 1 апреля.

разований сельского хозяйства был все тот же, испытанный и безотказный,— насилие. Кампании хлебозаготовок, заготовок мяса, молока, кормов велись, по меткому определению самого Михаила Андреевича, «по-военному». И это нужно понимать буквально. Нередко излишки или спрятанные продукты изымались специальными отрядами НКВД (чем-то напоминавшими «продотряды» 20-х). «По-военному» проходили и посевные мероприятия. Зерно, естественно, распределялось централизованно и выборочно. Ежегодное относительное выполнение намеченных планов также обеспечивалось насильственными мерами. Организовывались «показательные суды» над саботажниками. Газеты тех лет пестрели характерными заголовками: «Сломить кулацкий саботаж молокопоставок», «К чему приводит успокоенность и попустительство кулакам», «О кулацких махинациях и либеральных судьях» и т. д. и т. п.

К колхозам отношение было иным. На том же съезде М. А. Суслов откровенно заявил: «Мы не можем и не должны скрывать от вас своего мнения и всегда будем говорить, что единственным путем решительного подъема сельского хозяйства и коренного улучшения всех условий жизни крестьянина является путь объединения мелких хозяйств в крупные общественные хозяйства. Это теперь доказано практикой, проверено Великой Отечественной войной и стало общеизвестным. Об этом вам скажут десятки миллионов колхозников»*. Все это было ложью. Ибо те десятки миллионов колхозников, на счастливый опыт которых ссылался Суслов, нищенствовали и жили впроголодь, были полностью бесправны, не имея паспортов и свободы передвижения, и походили скорее на феодальных «крепостных», чем на свободных

* Советская Литва. 1945. 1 апреля.

социалистических тружеников. Впрочем, Суслов это неплохо знал по Ставрополю.

Введение колхозов в Литве стало нелегким, затянувшимся на долгие годы делом. Слишком сильны и жизнеспособны оказались традиции индивидуального (хуторского, фермерского) способа ведения сельского хозяйства. История насильственной коллективизации конца 20 — начала 30-х годов, потрясая в свое время Россию, Украину и Белоруссию, повторилась в Литве — в меньших масштабах, но не менее кроваво.

Сразу же после ухода немцев в республике организовалось упорное сопротивление новой власти, переросшее в длительную и жестокую партизанскую войну. В сущности, это была гражданская война, в которой часть литовского населения поддержала Красную Армию и Советскую власть, а другая часть с оружием в руках выступила против установления советских порядков. Состав партизанских отрядов «лесных братьев» был сложным и неоднородным. Здесь были лица, сотрудничавшие с оккупантами, богатые крестьяне, дети литовской буржуазии. Но было немало и простых литовцев, выступавших за независимость Литвы. Борьба была очень трудной и кровопролитной. В ходе этого жестокого противостояния значительная часть населения республики просто депортировалась в Сибирь. Из городов выслались представители буржуазии и других «чуждых классов», члены бывшей литовской администрации, лидеры национальных партий, представители литовской интеллигенции. Из сельских областей депортировались крестьяне, обвиненные в помощи «лесным братьям».

Ситуация с «лесными братьями» не поддается однозначной оценке, она сложна и запутанна*. Ради

* См. подробнее: *Борисов Ю.* Только факты: националистическое подполье в Литве. 40—50-е годы // *Союз.* 1990. № 10. С. 11.

исторической справедливости необходимо осознавать многослойность и противоречивость литовского «сопротивления». Нельзя видеть в этом движении лишь «борьбу за свободу страны», независимость и справедливость, как и нельзя сводить все к подрывной деятельности «бандитских, националистических» формирований, таких «отщепенцев», оторванных от своего народа.

Несомненно, большую роль здесь играли националисты, ориентированные на Запад, связанные с английской, американской, шведской разведками. Эти силы были рождены в годы гитлеровской оккупации. По рекомендации англичан в 1942 году был образован «Союз борцов за освобождение Литвы», а в 1944-м — «подпольный центр» под названием «Верховный комитет освобождения Литвы». Нельзя не принимать во внимание эту главную антифашистскую направленность движения на первых порах. Но объектом борьбы за независимость, помимо «Третьего рейха», нередко (и тому были свои причины) назывался Советский Союз. После успешного наступления Красной Армии в июне—июле 1944 года часть вооруженных формирований осталась на родине и ушла в леса, часть переправилась на Запад. С установлением новых советских законов и порядков борьба становилась все более жесткой и непримиримой. Основную силу «лесных братьев» первоначально составляли вооруженные отряды по 20—30 человек, члены которых носили военную форму буржуазной Литвы. Уже в 1947 году был организован координационный центр — президиум «Общедемократического движения сопротивления».

В короткий срок — с 1945 по 1947 год — состав «лесных братьев» существенно изменился. Кроме бывших фашистов сюда входили фанатики-националисты, утверждавшие насилие, убийства и террор как един-

ственное средство политической борьбы. Для запугивания людей, срыва мероприятий Советской власти «лесные братья» устраивали так называемые «варфоломеевские ночи»: одновременно совершались террористические акты в ряде мест одного уезда или волости. Убийства совершались с особой жестокостью. Вместе со взрослыми не щадили стариков, детей и даже грудных младенцев. Однако членами отрядов становились и простые литовцы, крестьяне, сельские учителя и городская интеллигенция. Кто-то из них искренне заблуждался или боялся угроз «братьев». Таких было меньшинство. Другие, поначалу верившие в социалистическое преобразование Литвы, были напуганы и не могли примириться с кровавой жестокостью и беспощадностью, сопутствовавшими установлению новых порядков.

Трагическая ситуация еще более усугублялась негибкой и жесткой позицией, занятой Бюро ЦК ВКП(б) по Литве во главе с М. А. Сусловым. Он был принципиальным противником любых переговоров или компромиссов с «лесными братьями». По его приказу для устрашения населения запрещалось хоронить убитых «бандитов», их трупы выставляли на площадях городов и сел. Широко применялись и «профилактические меры»: выселялись целые деревни, заподозренные в контактах с «лесными братьями», заложниками брались семьи и родственники ушедших в леса литовцев.

Суслов несколько раз публиковал статьи, посвященные характеристике (слово «анализ» к ним никак не применимо) внутренней ситуации в республике. Первая появилась сразу же после завершения 4-го пленума ЦК КПЛ в журнале «Большевик» (Вильнюс) и содержала достаточно полное изложение директив, сформулированных Сусловым на заседании пленума. В сложившейся обстановке одной из акций,

призванных продемонстрировать стабилизацию обстановки в республике, ее успешное развитие в составе Советского Союза, должны были стать выборы в Верховный Совет СССР в феврале 1946 года. Как известно, подобные демократические мероприятия в сталинские годы носили внешний, «косметический», формальный характер. Это была лишь очередная шумная пропагандистская кампания, никак не повлиявшая на изменение положения в Литве. Как издавна было заведено, депутатами со всеобщего одобрения выдвинули И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берия и прочих «верных сталинцев» государственного масштаба. Помимо них кандидатами в депутаты стали партийные и советские руководители Литвы. Депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по 636-му избирательному округу Вильнюса был избран Михаил Андреевич Сулов. Накануне выборов в «Советской Литве», центральном органе Компартии Литвы, появилась его большая статья, озаглавленная «Союз и дружба народов СССР — основа их свободного развития и процветания».

Статья достаточно полно отражает «глубину» проникновения автора в сложившуюся в республике критическую ситуацию, обрисовывает уровень «идейных основ» подхода М. А. Сулова к решению насущных политических и национальных проблем. Статья построена традиционно, на примитивных контрастах. С одной стороны, беспощадно обличается «отживший буржуазный режим», приведший Литву к «деградации». Сулов не стеснялся в выборе эпитетов и сравнений. Не менее красноречивы, прямолинейны и предельно просты характеристики «лесных братьев»: «Трудно найти во всей истории человечества (разрядка наша.— Авт.) более жуткие примеры черного предательства, чем предательство литовско-немецких националистов... Они продолжают творить

черное дело, совершая злодеяния, которым научились у немецко-фашистских захватчиков и извергов». Массовое сопротивление и недовольство проводимой политикой, естественную озабоченность людей судьбой национальной культуры Суслов объясняет не менее четко «лживой пропагандой, которая в течение многих лет проводилась литовскими и немецкими фашистами», а также «глубокой психологической травмой и отравлением сознания», происшедшими в результате этой пропаганды.

Конечно, на самом деле Сулову была глубоко безразлична история Литвы. Он никогда не утруждал себя ни знакомством с прежними точными цифрами и фактами, ни изучением национальных традиций и обычаев. Для него литовцы мало чем отличались от латышей или, скажем, белорусов. Зато всегда «классовым инстинктом» Михаил Андреевич понимал, что в намеренном унижении и забвении прошлого заключен успех сегодняшнего руководства, энтузиазм и поддержка сталинских реформ, будь то коллективизация сельского хозяйства или строительство «новой социалистической культуры». Поэтому в другой своей части статья была исполнена обещаний благополучия и расцвета культуры, восторженной апологии сталинской национальной политики с изложением ее общих мест. Как обычно, текст изобилует ссылками и цитатами из высказываний и трудов Калининна, Молотова и, конечно, Сталина.

Сейчас при рассмотрении тех далеких событий у читателя в который раз может возникнуть ощущение, что М. А. Сулов был всего лишь аккуратным исполнителем, пусть иногда чрезмерно усердным, чужой политической воли. Что никаких других действий в тех исторических обстоятельствах он не мог, да и не умел предпринять. Но этим доля его личной ответственности в содеянном вряд ли уменьшится. Тем более

что от успеха миссии в Литве зависела дальнейшая карьера Михаила Андреевича, его собственное будущее. И он не останавливался в сомнениях, использовал любые средства для достижения заветной цели — «оправдать доверие партии» на порученном ответственном посту.

Думается, что последствия жестоких мер Суслова могли бы иметь еще более трагический характер, если бы им не противостояла гибкая, дипломатическая позиция А. Снечкуса, усиленно стремившегося выработать хоть какое-то компромиссное решение. По его инициативе были составлены обращения к «лесным братьям», в которых вместе с требованием прекратить борьбу, сложить оружие и сдаться содержались гарантии сохранить жизнь и свободу тем, кто не был повинен в преступлениях и убийствах. Естественно, в сложившихся условиях доверия к подобным заверениям уже не было. Интересно, что в своих позднейших статьях и выступлениях, затрагивавших послевоенные годы, Снечкус высказывался о Суслове только с положительной стороны. Однако на похороны Снечкуса в 1974 году Михаил Андреевич не приехал.

Суслову, как и некоторым другим партийным работникам, трудно было «разделить вместе с народом» послевоенные голод, нужду и тяжелое бремя разрухи. Он существовал в ином, особом, изолированном от других, сытом и благоустроенном мире. По свидетельствам очевидцев, в Вильнюсе Суслов «отоваривался» в специальном магазине по карточкам (с поэтическим названием «Букет»). Новые бюрократические порядки утверждали и новые нравы. Когда большинство населения жило впроголодь — здесь вдоволь снабжали икрой, марочным коньяком и шоколадом, замороженными фруктами.

Суслов оставил в Литве, да и во всей Прибалтике недобрую память, посеял обиду и ненависть. Когда он

умер, многие из помнивших его жестокость в Литве открыто радовались.

Несмотря на относительный успех миссии Суслова в Литве, все его действия тщательно контролировались, и на основании собранных данных составлялось досье для ведомства Берии. Вот что вспоминает об этом генерал-майор В. Ф. Некрасов: «Трудно взвесить меру вины каждого из его (Берии.— *Авт.*) помощников, но все они люди одной системы. Можно привести пример. Возьмем выдержки из документа, характеризующего систему слежки ведомства Берии за руководителями даже верхнего эшелона: «...выступления г. Суслова (М. А. Суслов был тогда председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве) на пленумах ЦК и различных совещаниях носят наставительный характер. К этим... речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают на них внимания... Лично г. Суслов работает мало...» Берия разослал документ Сталину, Молотову, Маленкову в июле 1945 года» *. Но никаких последствий для Суслова эта бумага не имела. К тому же результаты его «работы» были налицо. У одного из адресатов Берии возникла другая идея — заменить руководство Литвы, сместить А. Снечкуса. Г. М. Маленков (это был он) направил в республику специальную комиссию ЦК, возглавленную одним из ответственных работников аппарата — Ю. В. Андроповым. Однако комиссия не нашла достаточно оснований для того, чтобы признать работу руководства Литвы неудовлетворительной. «Миссия» Суслова была оценена положительно. Его ждали Москва, ЦК, повышение. Но при этом у Михаила Андреевича появился и явный недоброжелатель, весьма влиятельный в партии человек — Маленков.

* Десять «железных» наркомов. Интервью с В. Ф. Некрасовым // Комсомольская правда. 1989. 29 сентября.

Справедливости ради необходимо рассказать еще об одной «знаменательной» встрече М. А. Суслова с Литвой, происшедшей в ноябре 1973 года, когда член Политбюро ЦК КПСС прибыл для запоздалого вручения республике высокой награды — ордена Дружбы народов. Как один из главных организаторов торжеств по случаю 50-летия СССР, Михаил Андреевич среди прочих праздничных мероприятий сам выделил одно — поочередное награждение всех союзных республик за успехи, заслуги, интернациональную помощь. Среди руководителей партии и государства были распределены маршруты и места праздничных «путешествий». Себе Михаил Андреевич оставил Литву — слишком многое связывало его жизнь с ней. Суслов к тому времени находился на вершине власти, а Литва прошла почти 30-летний путь в составе СССР. Официально-парадный характер состоявшейся встречи, тон произнесенных речей и услышанных славословий свидетельствуют о том, что прошлое (тем более «застойное») сопротивляется и никак не поддается примитивному истолкованию. Оно было нашим общим, и ответственность и вина за творившийся подчас исторический фарс не может быть односторонней. Без признания этого взаимопонимание и движение вперед вряд ли возможны.

Вот хроника визита М. А. Суслова. 28 ноября 1973 года на совместном заседании ЦК КПЛ и Верховного Совета республики с вступительным приветственным словом выступил тогдашний председатель литовского «парламента» М. Шумаускас. «Нам особенно приятно,— заявил он под продолжительные аплодисменты,— что вручить республике столь высокую и почетную награду — орден Дружбы народов — к нам приехал дорогой и уважаемый гость, которого очень хорошо знают в республике...»

М. А. Суслов не преминул поделиться с собравшимися собственными воспоминаниями о пережитом: «Мне, в свое время работавшему в Литве, особенно приятно разделить сегодня с вами чувство глубокого удовлетворения оценкой заслуг и достижений социалистической Литвы... вспомните, что представляла Литва в годы буржуазного господства: она была отсталой, зависящей от западных капиталистических стран и полностью лишенной каких-либо перспектив в собственном развитии. Ныне социалистическая Литва — цветущая индустриальная республика. Об этом красноречиво говорит тот факт, что объем промышленного производства в 1973 году возрос по сравнению с 1940 годом в 39 раз. (*Аплодисменты.*) Промышленное производство в Литве за последние 22 года росло втрое быстрее, чем, например, в Швеции, Дании или Норвегии. (*Это известие было встречено бурными аплодисментами.*)» В ответном слове первый секретарь ЦК КПЛ А. Снечук поблагодарил Михаила Андреевича за «интернациональную помощь», оказанную в трудное время руководством Бюро ЦК ВКП(б) по Литве: «В послевоенные годы вы делили с нами тяготы тех дней, и я уверен, что выражу общее мнение, если скажу еще раз, что мы счастливы видеть вас здесь» *.

После вручения ордена под торжественную мелодию юноши и девушки в национальных костюмах преподнесли «дорогому гостю» памятную ленту. На ней «искусными народными мастерами» были вытканы слова: «Уважаемому Михаилу Андреевичу Суслову от трудящихся Литвы».

* Советская Литва. 1973. 30 ноября.

СВЕРЯЯ ВРЕМЯ ПО КРЕМЛЕВСКИМ...

(1947—1953)

Итак, вернемся снова в 40-е. Сталин был вполне удовлетворен результатами «миссии» Сулова в Литве. В 1946 году Михаил Андреевич был переведен на работу в Москву и вскоре на пленуме ЦК ВКП(б) избран секретарем ЦК. В Секретариат в тот период входили А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Г. М. Маленков, Г. М. Попов и сам И. В. Сталин.

Атмосфера первых послевоенных лет была наполнена пьянящим воздухом победы, чувством освобождения, верой в силу государства и ожиданием обязательных будущих перемен. Этим был проникнут и одухотворен тяжелейший труд по возрождению разоренной страны. Но подспудно, в безвестной глубине сталинский режим увеличивал число своих жертв — их пополнили сотни тысяч репатрированных после войны советских граждан, бывшие советские военнопленные, возвращавшиеся и возвращаемые на родину. А на «поверхности» разыгрывался очередной политический спектакль: разворачивались новые масштабные кампании. Тоталитарная идеология нуждалась в постоянном воспроизводстве: новые противники и «враги» придавали оскудевавшим догмам видимость жизни и движения. Особенные перемены потрясли сферу культуры. Первый мощный «разящий» удар по «отщепенцам» и «перерожденцам» был нанесен известным «ждановским» постановлением «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946). Далее последовали новые погромные директивы, коснувшиеся кинематографии («О кинофильме «Большая жизнь») и музыки («Об опере «Великая дружба»).

В те годы страницы печатных изданий щедро отводились разного рода теоретическим «упражнениям» уже заслуженных или еще только формировавшихся,

набиравших силу «молодых» идеологов. Популярность своими пространными рассуждениями о произведениях литературы и роли культуры вообще, «размышлениями» над ленинским и сталинским наследиемнискал «гвардии майор Д. Шепилов» (так иногда он подписывал статьи). А рядом помещались традиционные, обстоятельные и тяжеловесные обзоры (среди которых особенно выделялись характеристики вышедших очередных томов собраний сочинений Ленина и Сталина) П. Н. Поспелова. Продолжал свои «исследования» международного рабочего движения и «ошибок» западной социал-демократии будущий кандидат в члены Политбюро, соратник Михаила Андреевича Б. Н. Пономарев. С принципиального разоблачения «безответственных измышлений» в воспоминаниях А. С. Аллилуевой (родственницы Сталина по линии последней жены) начал успешную карьеру будущий вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. «Оттачивали перо» и другие «творцы-идеологи»: А. Я. Пельше (тогда секретарь ЦК КП(б) Латвии по пропаганде) и «философ» М. Б. Митин. Завоевывал признание впоследствии заслуженный журналист-международник Ю. Жуков. Идеология расширяла свое влияние и контроль за всеми сферами общественной жизни и общественного сознания. Существенно менялся и ее «язык».

На первый взгляд эта волна активности не затронула М. А. Суслова, секретаря ЦК ВКП(б), но только на первый взгляд. Суслов не выступал публично с «глубокими» теоретическими сочинениями. Он избегал суеты, огласки и излишней ответственности, однако тонко улавливал и усваивал этот вырабатывавшийся новый «язык».

По своей высокой должности Михаил Андреевич принимал участие во всех проходивших в столице официальных мероприятиях. И вот долгожданное: его имя

стало упоминаться в почетном списке среди прочих. 20 июня 1947 года на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в ложе правительства, как всегда, появился И. В. Сталин. Единое чувство овладело в тот момент собравшимися. В восторженном порыве российские депутаты стоя приветствовали «всенародного избранника» и «первого депутата», а также его «верных соратников»: Молотова, Берию, Жданова, Микояна, Маленкова, Булганина и — впервые — Суслова. Михаил Андреевич удостоился чести присутствовать на торжествах по случаю 800-летия Москвы, лицезреть всесоюзный парад физкультурников и воздушный праздник в Тушино.

Были у него и повседневные обязанности. Как секретарь ЦК он курировал важнейший участок идеологической работы — печать. Видимо, не случайно в ноябре 1947-го за «кипучую энергию и большие организаторские способности» коллективы газет «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», а также издательства «Правда» выдвинули его кандидатом в депутаты Моссовета.

Но главное испытание ждало Суслова впереди. 21 января 1948 года стало исторической датой в его многотрудной жизни, одновременно итоговой и сулящей перспективы. По бытовавшей в те времена традиции торжественно отмечалась лишь годовщина смерти В. И. Ленина, а не день рождения, как это сложилось в последующие годы. В этом был свой смысл и своя символика. И вот после скорбной паузы, воцарившейся под сводами Большого театра, Н. М. Шверник на весь зал громко произнес: «Слово для доклада предоставляется секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Михаилу Андреевичу Суслову...» Что чувствовал Суслов, когда шел к трибуне и произносил речь, что пережил, ощущая за спиной пронзительно лукавый и усталый взгляд вождя или кивки его

верных соратников? Может, у него дрожали руки от страха и волнения, путались слова? Тем не менее он говорил, громоздя чеканные формулы или, как определял Маяковский, «слова-глыбы»: «Почти четверть века после смерти Ленина большевистская партия твердо и неуклонно идет по ленинскому пути, борется и побеждает под знаменем ленинизма. Все эти годы победоносное знамя ленинизма высоко несет верный ученик и соратник Ленина — вождь большевистской партии, достойный преемник и великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин...» * Произнеся эту восторженную тираду, Суслов остановился. Естественно, эти «слова товарища Суслова присутствующие встречают бурной овацией в честь вдохновителя и организатора всех наших побед...». Первый шаг сделан, и Михаил Андреевич еще увереннее продолжал. Он говорил о всепобеждающей силе ленинизма, воплощенной в современном здании социалистического общества в СССР, об успехах восстановления народного хозяйства, о расцвете советского демократизма и, конечно, о роли партии, которая оказалась сильна, монолитна и крепка, как никогда. Закончил свой доклад Суслов провозглашением здравиц...

В апреле 1948 года в Москве проходило совещание редакторов краевых и областных газет. Подытоживая обсуждение, с большой назидательной речью выступил Суслов. Выразив неудовлетворенность невысоким уровнем провинциальной печати, он отметил: «Особое значение приобретает коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей в настоящий период, в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму... Известные решения ЦК по вопросам литера-

* Правда. 1948. 22 января.

туры и искусства дают подлинную программу могучего подъема всей идеологической работы партии. Эти решения направлены на воспитание у советского человека самых лучших качеств, качеств человека коммунистического общества, на воспитание наших людей в духе советского патриотизма» *.

Взаимоотношения Суслова и Жданова — интересный и малоизвестный сюжет. Думается, в определенном смысле Михаил Андреевич был учеником и восприимчивником Андрея Александровича, «идеолога» опытного и искушенного. Суслов высказывал ему подчеркнутое уважение, признавая старшинство. В отличие от Жданова, Суслов-идеолог избегал публичности и конкретики (вряд ли в его устах можно представить подобные ждановским характеристики Зощенко и Ахматовой, бестактные оценки Шостаковича). Суслов был осторожнее и хитрее, предпочитал тайные и наиболее могущественные нити влияния и контроля. Об этом свидетельствует и «механизм» руководимых им кампаний.

Суслов и Жданов сотрудничали. В марте 1948-го Суслов участвовал в совещании деятелей советского музыкального искусства, обсуждавшего итоги «общественного просмотра» оперы Вано Мурадели «Великая дружба». Он внимательно слушал доклад Жданова о «неблагополучном положении на музыкальном фронте». Во второй половине июня того же года в Румынии проходило совещание представителей Информационного бюро коммунистических партий. В повестке дня стояло обсуждение вопроса о положении в Компартии Югославии. По настоянию советской стороны был осужден отход ее от марксизма, «в первую очередь» в результате неверной политики Тито, Карделя, Джиласа... Была раскритикована «теория

* Правда. 1948. 14 апреля.

мирного вращающегося капитализма в социализм» (идеи вроде оппортуниста Бухарина) вопреки учению о классах и классовой борьбе. Были отвергнуты как ошибочные «рассмотрение индивидуального крестьянства как единого целого», пренебрежение ролью марксистско-ленинской партии, другие просчеты югославы. Советскую делегацию, в состав которой вошли Жданов, Маленков и Суслов, возмутил отказ КПЮ отчитаться в своих действиях перед Информбюро. Был провозглашен курс на фактический подрыв КПЮ изнутри, ставка делалась «на здоровые силы» югославской компартии (то есть на просталинские).

В конце августа скончался А. А. Жданов. 1 сентября 1948-го. Белорусский вокзал. Молотов, Каганович, Берия, Шкирятов, Суслов вынесли гроб с телом А. А. Жданова. Несколько позднее Михаилу Андреевичу пришлось столкнуться с сыном Жданова — Юрием Андреевичем, заведующим Отделом науки ЦК. Суслов возглавил комиссию ЦК, разбиравшую деятельность Ю. Жданова, посмеявшегося выступить в 1948 году (год знаменитой сессии ВАСХНИЛ, разгромившей «вейсманистов-морганистов») против «народного академика» Т. Д. Лысенко.

Смерть Жданова, несомненно, укрепила позиции Суслова, облегчила его дальнейшее продвижение. В начале 1949 года Михаил Андреевич был назначен главным редактором «Правды» (одновременно он работал заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК). Что же представляла из себя газета в те годы? Изменилось что-нибудь в ней за время руководства Суслова? Нет. Ни свежих, интересных идей, ни глубоких аналитических статей на страницах «Правды» не появилось. Да и структура номеров и круг привлекаемых авторов остались прежними. Суслов поддерживал традиции. Итак, как же выглядела «Правда» образца 1949—1950 годов?

На первых страницах из номера в номер с завидным постоянством публиковались пространные обращения и рапорты И. В. Сталину от республик, областей, районов, отдельных предприятий и колхозов. В них было много радующих цифр и громких обещаний. Кстати, среди них появилось известие о пуске Невинномысского оросительного канала. Секретарь Ставропольского обкома И. Бойцов, рассказывая о грандиозности завершённого проекта, не преминул отметить роль М. А. Сулова, непосредственно осуществлявшего руководство стройкой, а также обратился с благодарностью к И. В. Сталину, который, как оказалось, выдвинул идею создания оросительного канала ещё в 1924 году. «Всенародное спасибо Сталину» было растиражировано «Правдой» после нового очередного снижения государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары. Газета смогла поместить лишь малую толику из громадного потока приветствий и благодарностей.

Кроме этого, вторая страница номера обычно отводилась материалам по истории партии, теоретическим статьям (вроде опубликованных в 1949-м фундаментальных статей Г. Деборина «Партия Ленина — Сталина в борьбе за строительство коммунизма» или Д. Шепилова «Империализм как высшая стадия...»). Среди авторов-идеологов помимо примелькавшихся отечественных почетное место занимали идейные соратники из дружественных стран и компартий: Б. Берут (Польша), Г. Георгиу-Деж (Румыния), Э. Ходжа (Албания), Т. Живков (тогда ещё секретарь Болгарской Компартии), Э. Хонеккер (Председатель Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи). На страницах «Правды» появлялись и теоретические опусы Мао Цзэдуна и Лю Шаоци (в конце 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика).

В зависимости от важности и политической конъюнктуры располагались международные известия. Полностью печатались выступления А. Я. Вышинского в ООН. Характер и оценочную окраску в подаче зарубежной информации нетрудно себе представить. Множились сообщения об очередном непреодолимом кризисе капитализма, о нищете и разрухе, поразивших Европу в результате «обанкротившегося плана Маршалла» (об этом красочно повествовал из Парижа Ю. Жуков). Особенно неприглядные и обескураживающие разоблачительные материалы появлялись о деятельности клики «Тито — Ранковича», не принявшей сталинской казарменной модели социализма. Публиковались подробные отчеты о судебных процессах над «югославскими шпионами», «орудовавшими» в других странах народной демократии. В 1950 году в Болгарии судили «югославских шпионов», готовивших покушение на маршала Ворошилова и других «руководителей демократических стран».

В противовес этому на глазах «разрушающегося дряхлого здания капитализма» из стран народной демократии поступали оптимистические сообщения о новых и новых успехах.

Как главный редактор центральной газеты, Суслов понимал, что за «Правдой» закреплена особая роль — в отличие от других печатных органов она высказывает истину в последней инстанции, направляет и формирует общественное мнение и его оценки. Поэтому важна не оригинальность и яркость изложения, талантливый анализ событий или публикация интересных материалов (все то, что составляет в современном представлении лицо газеты). Важно другое — правильность, идеологическая «выдержанность» и «полновесность» каждого номера. Как идеологический руководитель партии, Суслов был воспитан и сложился именно в сталинский период: печать догматизма,

боязнь самостоятельности и оригинальности мысли сохранилась у него на всю жизнь. Главным его стремлением с первых же шагов на поприще идеологии было не допустить какой-либо идеологической ошибки, то есть не вступить в противоречие с текущими политическими установками. Он хорошо усвоил, что посредственность и серость идеологических выступлений никем не преследуются, тогда как лишь одна идеологическая ошибка может обернуться крахом всей его заслуженной политической карьеры.

Эту печать идеологической «выдержанности» и оскотченности несут и материалы газеты по вопросам литературы и искусства, которым «Правда» отводила огромное место. Месяцами регулярно газета рассказывала о многочисленных лауреатах сталинских премий, подробно извещала о «новых свершениях» советской кинематографии. К ним относились фильмы «Сталинградская битва» и «Падение Берлина». Автор последней, поистине мифологической эпопеи М. Чиаурели часто делился с читателями раздумьями о насущных задачах современного кинематографа. Не менее масштабные перспективы в развитии советской музыки отмечал Т. Хренников, рассказавший в газете о ее новом этапе, о «разгромленном, но еще проявляющемся формализме».

В специальном разделе «Критика и библиография» печатались отзывы о только что выпущенных книгах «Честь смолоду» А. Первенцева и «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского.

Кроме этой текущей и обыденной повседневности этап руководства Сусллова «Правдой» (49—51-й годы) ознаменовался тремя значительными событиями, на каждом из которых следует остановиться подробно. Мы уже говорили, что в отличие от своего предшественника Жданова Сусллов не стремился к разрекламированным публичным выступлениям, не искал для

себя сомнительных лавров знатока или оратора. Он отдавал предпочтение тактике закулисных расправ. А центральная газета в подобных предприятиях служила ему надежным и эффективным инструментом. Поступавшие директивы не должны были связываться непосредственно с его именем, инициатива была безымянной или всенародной (что одно и то же). Основной груз ответственности за исполнение ложился на других; а таковых в строго иерархической системе тоталитарной идеологии было множество. Это были конкретные люди, с именами, заслугами, должностями. Вольные или невольные участники разгромных кампаний, они могли быть подозрительно медлительными и молчаливыми или чересчур рьяными исполнителями, могли соревноваться в успехах борьбы с «идеологическими врагами», могли допускать перегибы и ошибки. Это походило на театр марионеток: за движениями и словами, казалось бы, живых кукол чувствовалась опытная рука мастера, направлявшая их; а нити, за которые по необходимости дергали, растворялись для зрителей в царившей темноте.

Именно по подобному сценарию и разворачивалась в начале 1949 года кампания против «безродных космополитов», непосредственным инициатором и организатором которой был Михаил Андреевич Суслов. 28 января 1949 года в «Правде» на третьей странице появилась анонимная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», в которой, в частности, говорилось: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала «Театр» и газеты «Советское искусство». Эти критики утратили свою ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для совет-

ского человека, враждебного ему безродного космополитизма... Им чуждо чувство национальной гордости. Такого рода критики пытаются дискредитировать передовые явления нашей литературы и искусства...» Критик Ю. Юзовский «непочтительно высказывался о горьковских «Мещанах» и, «цедя сквозь зубы слова барского поощрения, с издевательской подковыркой» рассуждал о пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда».

В статьях другого «космополита» — А. Гурвича была замечена иная «форма маскировки», а именно «злонамеренная попытка противопоставить советской драматургии классику». Кроме этого, упомянутый А. Гурвич имел искаженное представление «о национальном характере русского советского человека». Другой участник «антипатриотической группы» обрушился на пьесу А. Софронова «Московский характер». Было упомянуто также, что объектом наиболее «злых клеветнических выпадов» стали пьесы, удостоенные высокой награды — Сталинской премии. В заключение статьи следовали «оргвыводы»: «Перед нами... система антипатриотических взглядов... На происшедшем недавно пленуме правления Союза советских писателей было положено начало разоблачению и разгрому антипатриотической группы критиков».

Разумеется, неблагоприятное положение в театральной критике не было чем-то исключительным, и призыв «Правды» был услышан повсеместно. Сразу же обнаружались и были выявлены «космополиты и антипатриоты» в других сферах искусства и культуры. Президент Академии художеств СССР А. Герасимов откровенно рассказал (в «Правде» же) о «больших успехах и творческих победах» советского изобразительного искусства в «борьбе с космополитизмом и формализмом», известных «своей лакейской

угодливостью перед уродливыми явлениями упадочного искусства буржуазного Запада». Герасимов привел и список «распоясавшихся критиков-антипатриотов»: А. Эфрос, А. Роом, О. Бескин, Д. Аркин, Н. Пунин, Я. Пастернак и другие. А. Эфрос, например, выдвинул «клеветническую версию о провинциальном характере русской классической и современной живописи», «оплевал Сурикова, Репина». Другой — О. Бескин — «своими злобными нападками и бессовестной травлей» довел художника Яр-Кравченко до того, что тот был вынужден снять из выставочного зала свое «талантиливое полотно» — «М. Горький читает товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть» (да-да, ту самую сказку, которую Иосиф Виссарионович почитал «посильнее «Фауста» Гете». — *Прим. авт.*). За эту картину художник, естественно, удостоился Сталинской премии 1948 года.

Требование «разгромить буржуазный космополитизм» теперь уже в киноискусстве «подхватил» министр кинематографии СССР И. Большаков. «Лидером» антипатриотических сил в самом массовом из искусств оказался, по наблюдению Большакова, ленинградский режиссер Л. Трауберг (автор известных произведений отечественного кино — «Новый Вавилон», трилогии о Максиме). Министр отметил, что «вся деятельность Трауберга в кинематографии проходила под знаком оголтелого буржуазного эксцентризма — разновидности формализма». Кроме того, на собрании актива творческих работников кинематографии (выступили И. Пырьев, Г. Александров, М. Донской, М. Ромм) была «изобличена» в «раболепии перед реакционной американской кинематографией» целая группа кинокритиков. Космополиты «пробрались» и в Академию архитектуры — там их разрушительная работа ознаменовалась трудами Д. А. Аграновича «Формирование архитектурной композиции

города» и С. А. Кауфмана «Итало-римская архитектура», следы пробуржуазных антипатриотических настроений были замечены и в советской юридической науке.

Во власти космополитических сил оказалась и часть советского литературоведения. Еще 11 января 1949 года в «Правде» появилась статья некоего Л. Климовича «Против космополитизма в литературоведении». Климович подверг уничтожающей критике книгу замечательного, энциклопедически образованного филолога В. М. Жирмунского «Узбекский народный героический эпос» (1947), созданную в соавторстве с Х. Зарифовым. По мнению рецензента, авторы стоят на узких «позициях буржуазного космополитизма, пользуются методологией по существу своему последовательно формалистической». Позднее на алтарь идеологических идолов были принесены и десятки новых жертв. Среди них был «разоблачен» в 1949 году, а затем и арестован талантливейший исследователь русской литературы и самобытный ученый, ленинградский профессор Г. А. Гуковский. В 1950 году он скончался в местах заключения. В то же время очередное давление идеологического пресса испытал на себе и русский философ-литературовед М. М. Бахтин (еще до войны сосланный в Саранск).

Судьбы многих претерпевших в 1949—1950 годах деятелей культуры различны. Некоторые публично признали ошибки и раскаялись, другие были сломлены или репрессированы. Впрочем, сами пострадавшие были людьми разных убеждений, разного таланта и нравственных принципов. Многие из них до этого вполне соответствовали установкам сталинского конформизма, имели определенные заслуги перед режимом... Так, упоминавшийся критик А. Гурвич вслед неистовому рапповцу Л. Авербаху и А. Фадееву посвятил разгромные статьи творчеству Андрея Платонова

и сыграл не последнюю роль в травле и отлучении писателя от читателей (от литературы Платонова не способен был отлучить никто). «...До какого абсурда, до какого тупика и какой клеветы докатился Платонов, подменяя в своих произведениях могучий русский народ, классовое самосознание пролетариата и его боевую революционность рахитичными, убитыми жалостью нищими, блаженными, косными и отчаявшимися людьми» * — так писал А. Гурвич на страницах «Красной нови» в 1937 году. И делал закономерный и очень знакомый по наступившему 49-му году вывод: «Платонов антинароден, поскольку истинные качества русского народа извращены в его произведениях». Вот такие строки, вполне совпадающие с погромными статьями марксистского вульгаризатора В. Ермилова, обвинившего в 1947 году А. Платонова в «клевете» (за рассказ «Возвращение»), а в 1949-м громившего с трибуны «разоблаченного антипатриота» Гурвича. Действительная парадоксальность сталинской тирании заключалась еще и в том, что подчас трудно было определить (или разделить), кто жертва, а кто палач.

Вдохновляемая Суловым массовая кампания борьбы с космополитами защищала отнюдь не таланты, а откровенно серые и посредственные произведения, наводнившие искусство. Потому что, говоря о фальши изображения, критика как бы ставила под сомнение и само изображение. Не случайно наиболее агрессивными и истовыми «охотниками за ведьмами» стали люди беспомощные в творческом отношении, чиновники от искусства.

Практически все (и преследуемые, и обличители) восприняли «очищение» от космополитизма как продолжение «ждановских» постановлений ЦК, как часть

* Красная новь. 1937. № 10. С 195.

общего «партийного руководства» культурой. Тоталитарная идеология в очередной раз укрепляла свои позиции расправой с мнимыми, выдуманными врагами. Да и общественная атмосфера в стране была удобной. С одной стороны, осложнилась международная обстановка, началась холодная война, с другой — использовались естественные патриотические чувства людей, окрепшие после победы, их направляли в нужное режиму русло. Была у этой кампании и другая нечистоплотная, практически нескрываемая сторона — антисемитизм. Большинство «антипатриотов» составили лица еврейской национальности.

Вслед за опубликованной анонимной директивой состоялось партийное собрание Союза писателей СССР, а затем и собрание московских драматургов и критиков. На последнем выступил заместитель генерального секретаря Союза писателей К. Симонов, публично проведший анализ корней «враждебной советскому искусству деятельности критиков-антипатриотов»: «Космополитизм в искусстве — это стремление подрвать национальные корни, национальную гордость, потому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму... Космополитизм в искусстве — это стремление поставить на место Горького Сартра, на место Толстого — порнографа Миллера (А. Миллер — известный американский драматург.— *Прим. авт.*)...» *

Среди литераторов и деятелей искусства, волею-неволею поддержавших разоблачение космополитов-антипатриотов, также были люди разной судьбы и морали. Кто-то, испытывая муки совести, пытался смягчить удар, а кто-то подобострастно неистовствовал в обвинениях и приговорах. На упомянутом собрании

* Правда. 1949. 28 февраля.

драматургов особенно выделялся «политически заостренный» (так его обозначила «Правда») доклад А. Софронова: «Диверсант от театральной критики, литературный подонок Борщаговский долгое время наносил вред советскому искусству и драматургии... Разоблачение критиков-антипатриотов уже дает свои плоды. Мы чувствуем... горячее желание еще лучше работать». Позднее, в конце 60-х, в ожесточенной борьбе против «Нового мира» Твардовского (ее опять-таки «курировал» Суслов) главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, лишь немного изменив скудный стиль разоблачений, остался столь же верноподданнически агрессивен.

Казалось, после «очищения» от «заразы буржуазного низкопоклонства» «освобожденное» советское искусство порадует читателей новыми совершенными художественными творениями, исполненными высокого патриотического чувства. Вроде бы, по наблюдениям К. Симонова, появились и «первые вестники» будущих «больших успехов». Среди них: «Огненная река» Вадима Кожевникова, «Карьера Бекетова» А. Софронова, «Головин» С. Михалкова (Симонов при этом скромно умолчал о собственном детище — драме «Русский вопрос»). На самом деле все это были посредственные, беспомощные и схематичные произведения, лишенные всякой динамики, с героями-резонерами и декларируемым официальным патриотизмом. Тем не менее «приток» патриотических произведений вызвал и появление многочисленных хвалебных отзывов на страницах «Литературной газеты», «Культуры и жизни» и «Правды».

Уровень возносимых пьес был столь очевидно невысок, а язык скуден и скучен, что вскоре в той же «Правде» была опубликована новая безымянная статья — «О посредственной пьесе и приятельских рецензиях» (речь шла об «Огненной реке» В. Кожевни-

кова). Впоследствии появление бессодержательных и бесконфликтных произведений, а также неадекватная оценка их критикой были проанализированы в статье А. Фадеева «О литературе и литературной критике».

Суслов всегда избегал крайностей и явных издержек, занимая подчеркнuto объективную, принципиальную «большевистскую позицию». Одним из последствий «очищения» от «космополитизма» стало окончательное закрытие (или фактический разгром) знаменитого Камерного театра Александра Таирова. По иронии судьбы, отчаявшийся режиссер обратился за помощью к М. А. Суслову, веря в его здравый смысл и могущество, но не ведая о его роли в развернувшейся травле. Вот отрывки из письма Таирова (март 1950 г.): «Глубокоуважаемый Михаил Андреевич! В тяжелом раздумье, в котором я сейчас нахожусь, я чувствую не только потребность, но и необходимость обратиться в ЦК партии с горячей просьбой указать мне выход из создавшегося положения. Представьте себе, что на пути человека, полного энергии и сил, знающего, куда и зачем он идет, возникает стена, пробить которую он не в состоянии. Как быть?..» Далее Таиров, изложив обстоятельства «реорганизации» Камерного театра и фактической безработицы его самого и А. Коонен, заключил полное безысходности и надежды послание словами: «Как художники мы не можем от него отступить (от своего права на работу.— *Авт.*), а как граждане своей соц. Родины не имеем на это права. Вот в чем заключается трагизм нашего положения, из которого мы и просим ЦК нас вывести... Я был бы Вам бесконечно признателен за возможность личной беседы, в которой я чувствую серьезную потребность...»* Как и следовало

* Цит. по: Театральная жизнь. 1989. № 23. С. 23, 24.

ожидать, письмо и просьба Таирова остались без ответа.

3 декабря 1949 года было сообщено о создании общественного комитета по организации мероприятий в связи с приближавшимся 70-летием Сталина. В него вошли партийные, советские руководители, деятели культуры. Значительную роль в подготовке юбилея сыграл член комитета М. А. Суслов. В его обязанности, в частности, входило информационно-пропагандистское «обеспечение» будущего грандиозного праздника-спектакля. «Правда» организовала целый конвейер публикаций в честь юбилея: отчеты о развернувшемся социалистическом соревновании, статьи первых секретарей компартий союзных республик, освещение практически всех сфер деяний и свершений «мудрого» и «великого» — Октябрьской революции, новой Конституции, победы в Великой Отечественной и т. д. и т. п. В заслугу Сулову можно отнести появление и следующих неформальных, удивляющих искренностью и наивностью материалов. 8 декабря 1949 года в газете был помещен репортаж Б. Полевого «Народная любовь. В залах подарков И. В. Сталину». Умиление автора вызвали необыкновенные экспонаты, представленные там: «Тут и письмо индусов с пожеланием товарищу Сталину долгих лет здоровья на благо всего трудящегося человечества, написанное на одном-единственном зернышке риса, и головной убор почетного индейского вождя, присланный в дар величайшему воину И. В. Сталину, избранному почетным вождем индейских племен...»*

Затем последовала обширная подборка современного фольклора: «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню слагает народ...» Здесь были и частушки:

* Правда. 1949. 8 декабря.

Взвейтесь птицы, взвейтесь выше
И летите стаями,
Отнесите в Кремль привет
Дорогому Сталину,

и отрывки из песни, записанной в Литве:

У Сталина-отца шестнадцать дочерей,
Нет дружбы, что меж ними, сильнее и горячей,

и сказка «Как нужду прогнали».

Кроме того, появились пространные очерки-воспоминания о Сталине его соратников: Маленкова, Молотова, Берии, Кагановича, Микояна, Хрущева, Косыгина, изданные впоследствии отдельными брошюрами. «Правда» печатала подробный отчет о торжественном заседании 21 декабря 1949 года, а затем в течение месяца публиковала речи и поздравления. Лично Михаил Андреевич не выступал, но, не жалея сил и способностей, «режиссировал» проводившиеся мероприятия. Впрочем, желание угодить «вождю» у Суслова после юбилея не иссякло. Стареющий Сталин на склоне жизни все более «уступал» мелочным соблазнам тщеславия, изыскивая новые области, в которых он мог бы «произнести решающее слово» и обессмертить тем самым свое имя.

По долгу службы, характеру полученного образования, а более всего от личного усердия М. А. Суслов принимал участие в дальнейшей разработке политэкономической теории. Нередко он курировал работу более сведущих и опытных специалистов. В связи с этим любопытный и весьма характерный для того времени эпизод вспоминает Д. Шенников, оказавшийся волею случая на приеме у Сталина: «Сталин начал издали: новое время требует новой экономики. У руководителей, «командиров производства», как он сказал, очень низкий уровень экономической грамотности. Нужно создать, очень быстро, хороший массовый учебник по политэкономии социализма. Как я понял, это поруча-

лось мне и еще двум крупным ученым... Сталин сделал заказ. Жесткие сроки. Нас троих «спрятали» на одной из подмосковных дач. Суслов в конце каждой недели звонил и требовательно спрашивался: как идут дела? Когда можно прочитать текст? Товарищ Сталин ждет... Помните это!»* Все эти «новые» политэкономические идеи подготовили, как известно, работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Но если «вторжение» в область политэкономики было для Сталина понятным и закономерным, то внезапное «увлечение» филологической наукой выглядело как своего рода нелепый казус. Играл ли Суслов какую-то роль в развернувшейся на страницах возглавляемой им газеты дискуссии о языке? Несомненно. И хотя наверняка он не был инициатором этой очередной кампании, поставлена она была успешно и с размахом. Обратимся к фактам.

9 мая 1950 года «Правда» поместила статью до сих пор мало известного в научных кругах лингвиста А. Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания». Публикация эта была предварена небольшой заметкой «От редакции»: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию, с тем чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Суть выступления Чикобавы сводилась к критике языковой теории Н. Я. Марра, ставшей определяющей в сфере науки о языке. Не вдаваясь в научные тонкости спора, отметим лишь, что выступавшие за Чикобавой в «Правде» филологи-

* Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II. Ч. 2. С. 33.

лингвисты И. Мещанинов, Н. Чемоданов, Б. Серебренников, В. Виноградов и другие настаивали на плодотворности общих идей Н. Я. Марра, имевших методологическое значение.

20 июня 1950 года наступила развязка. Как выяснилось, к Сталину обратилась «группа товарищей из молодежи» с предложением высказать его мнение по вопросам языкознания в печати. Особенно молодых людей взволновали «проблемы марксизма в языкознании». И, как выразился Сталин, «к этому делу я имею прямое отношение». Статья «Относительно марксизма в языкознании» была построена по принципу катехизиса (очевидно, для окончательной ясности) — на вопросах и ответах. Вот некоторые выдержки из этого труда: «*Вопрос.* Правильно ли поступила «Правда», открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания? *Ответ.* Правильно поступила... Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать... Дискуссия... выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги. Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше советское языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра...» Нетрудно представить, как скоро наступило это «избавление». Соображения Сталина были восприняты как «боевая программа построения марксистского языкознания» (так называлась статья Т. Ломтева в «Правде»).

Помимо организации массовых кампаний, принесших ему очевидный авторитет и выгоду, Суслов был занят и другими делами. «Однажды (дело было в сентябре 1951 г.) находящаяся в СССР делегация английских женщин — весьма редкое тогда событие —

обратилась к пригласившей их стороне с просьбой разрешить посещение женского лагеря. Естественно, хозяева растерялись. Звонок в соответствующее управление МВД. Там, конечно, решить не могут. Обращение выше — к заместителю министра госбезопасности Серову. Тот тоже в этом вопросе бесправен. К министру Круглову. Та же картина. Выход на Суслова. И он ничего не может решить»*. В конечном счете только Г. Маленков, посоветовавшись со Сталиным, дал разрешение.

В начале 50-х годов Суслов продолжал заниматься и международными вопросами: он возглавил советскую делегацию и делал доклад «Защита мира и борьба с поджигателями войны» в ноябре 1949-го на совещании Информационного бюро коммунистических партий в Будапеште. Принял активное участие в подготовке XIX съезда партии и вместе с небольшой «бригадой» разработал несколько вариантов речи Сталина (окончательная редакция которой осталась за Иосифом Виссарионовичем). Об укрепившемся доверии руководства к Суслову свидетельствует тот факт, что он был включен Сталиным в состав расширенного Президиума ЦК КПСС. Но это назначение таило и немалые опасности. В декабре 1952 года чем-то недовольный Сталин резко заметил Суслову: «Если вы не хотите работать, то можете уйти со своего поста». Ошеломленный Суслов нашелся, заявив, что будет работать везде, где сочтет нужным партия. «Посмотрим», — с оттенком угрозы произнес Сталин. Однако этот конфликт не получил продолжения.

Вскоре Сталин умер. Как воспринял это событие Михаил Андреевич? Об этом вспоминает Д. Шепилов: «Тогда я работал главным редактором «Правды». Страна притихла, все ждали известий из Москвы: как

* *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 2. С. 68.

там Сталин... Утром пятого — звонок, голос Суслова: «Быстро приезжайте на «уголок» (так в кремлевском обиходе именовали кабинет «вождя»). Товарищ Сталин умер...» И положил трубку...» *

Кончалась страшная эпоха, и в муках рождалось новое время. Но, как оказалось, опытный идеолог и аппаратчик Суслов уже был готов к переменам и неожиданным поворотам. А пока, как и другие «верные соратники», он прощался со Сталиным, нес почетный караул у тела покойного вождя в Колонном зале Дома Союзов. Он был полон высокой скорби, и ничто не могло нарушить ее. В связи с этим интересный эпизод того памятного для страны дня описывает музыкант Р. Дубинский: «В центре зала, за тройным кольцом охраны, в открытом гробу лежал Сталин. Из-за портьеры появилась группа высших руководителей партии и направилась к гробу... Мимо нас прошел со скрипкой в руках Давид Ойстрах и остановился рядом с Гауком. Ойстрах поднял к плечу скрипку, Гаук — свою дирижерскую палочку. Зал заполнили звуки «Меланхолической серенады» Чайковского... В зал стала вливаться человеческая река. Слышны были громкие всхлипывания, плач и подвывания. Мы увидели, как к Ойстраху подошел какой-то высокий мужчина с серым лицом. «Суслов», — прошептал мне Александров. Ойстрах, продолжая играть, полуобернулся и что-то выслушал. И тотчас темп чуть ускорился, скрипка зазвучала светлее и менее выразительно. Суслов возвратился в строй почетного караула» **.

После смерти Сталина состав Президиума ЦК КПСС был сокращен. Суслова в нем не оказалось, но он остался секретарем ЦК. Шел 1953 год.

* Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 2. С. 198.

** *Дубинский Р.* Ночь после смерти Сталина // За рубеском, 1989. № 33. С. 16.

«ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫЙ СВОБОДОЛЮБЕЦ»

В окружении Хрущева

Чрезвычайно энергичный, чуждый какого-либо догматизма, склонный к переменам и реформам, Хрущев был по своему характеру и политическому темпераменту прямой противоположностью осторожному и скрытному Суслову. В своей администрации Хрущев сам был и главным идеологом, и министром иностранных дел, он непосредственно сносился с руководителями других коммунистических партий. И хотя энергия Никите Сергеевичу хватало на все, ему нужен был член Президиума ЦК, который руководил бы повседневной деятельностью многочисленных идеологических учреждений. Выбор Хрущева пал на Суслова...

Очевидно, что стиль идеологического мышления Суслова — авторитарный, закостеневший в узком догматизме, сформировавшийся в сталинские годы — с трудом вписывался в живую, устремленную к переменам политику Хрущева. Суслову пришлось проявить особую тактическую гибкость, изменить (частично, конечно) свои прежние позиции и взгляды. Впрочем, способности к мимикрии у Михаила Андреевича были выработаны годами партийной и аппаратной работы.

Характер взаимоотношений между Сусловым и Хрущевым постоянно менялся. Эта «подвижность» мало проявлялась внешне. Тем более любопытно проследить этапы скрытого противодействия. Вряд ли многое в деятельности Хрущева нравилось Суслову. Но ситуация требовала оставить идеологические разногласия и избрать иную линию поведения. Дело в том, что в начале 50-х годов у Суслова сложились весьма напряженные и даже неприязненные отношения с Г. М. Маленковым (начало конфликту положил уже описанный «литовский эпизод»). Поэтому возвы-

шение и укрепление позиций Маленкова, ставшего одной из гегемонных политических фигур после смерти Сталина, не сулило ничего хорошего ни Суслову, ни людям, на которых он опирался и которым покровительствовал. Положение усугублялось «выводом» в 1953 году М. А. Суслова из состава Президиума ЦК. Поэтому неудивительно, что в той острой борьбе, которая вскоре развернулась между Хрущевым и так называемой «антипартийной группой», Суслов прочно выбрал сторону Хрущева. Последний же в условиях обострившегося конфликта весьма и весьма нуждался в сторонниках и поддержке. Итак, вначале союз состоялся.

Существенные разногласия внутри руководства выявились и обострились уже в 1954 году. Позднее, на январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС, по информации Хрущева было указано на моральную ответственность Маленкова за известное сфабрикованное «ленинградское дело». Маленков, защищаясь, сослался на то, что не смог разобраться в его изначальной провокационной сущности. Но главной причиной последовавшего тогда освобождения Маленкова от поста Председателя Совета Министров СССР и от председательствования в Президиуме ЦК КПСС стала резкая критика деятельности и позиции Маленкова как главы Советского правительства. Это решение поддержал секретарь ЦК М. А. Суслов, впрочем, так же как Каганович и Молотов.

На июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС настала «очередь» В. М. Молотова. Здесь неллицеприятному разбору подверглась его ортодоксальная позиция в вопросе урегулирования отношений с Югославией и СКЮ. После речи А. И. Микояна, заявившего о том, что «Молотов живет только прошлым и вдохновляется злобой, которая накопилась у него за время этой советско-югославской драки», слово взял М. А. Суслов.

Он подчеркнул: «Молотов неправильно, не по-ленински противопоставил пролетарский интернационализм политике равноправия народов и сделал отсюда неправильные и вредные для нашей политики выводы»*. На пленуме были рассмотрены и организационные вопросы: в состав Президиума включили новых членов (сторонников Хрущева) — Суслова и Кириченко.

Как известно, внутривластная борьба достигла драматической кульминации на бурно проходившем заседании Президиума ЦК КПСС в июне 1957 года. Речь тогда шла о судьбе страны — дальнейшем развитии начатых реформ или «откате» назад, в сталинское прошлое. Молотов и Маленков неожиданно поставили вопрос о снятии Хрущева. Никита Сергеевич, однако, решительно отверг все обвинения, ссылаясь на достигнутые в последнее время экономические успехи и существенные сдвиги во внешней политике. В острых прениях в поддержку Хрущева выступили три члена Президиума: Микоян, Суслов и Кириченко. Семеро остальных (Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, Булганин, Первухин и Сабуров) добивались его отставки. В итоге Президиум вынес решение сместить Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, но он, поддержанный сторонниками, отказался подчиниться решению и потребовал создать пленум ЦК.

Решающий для Хрущева июньский Пленум начался с доклада Суслова, изложившего суть возникших разногласий, не скрывая при этом собственной поддержки Хрущева. Затем выступили Молотов, Маленков, Каганович, Булганин. Они повторили свои обвинения Хрущеву, пытались обосновать отстаиваемые позиции и упорно защищались. Поражение особенно страшило этих людей, боявшихся не только за свою

* Барсуков Н. Еще впереди XX съезд... // Правда. 1989. 17 ноября.

карьеру в партии, но по привычке, укоренившейся в годы репрессий, и за собственную жизнь. Поэтому пленум продолжался непривычно долго, несколько дней: с 22 по 29 июня. На всех заседаниях Суслов защищал линию Хрущева. Выбор был сделан им гораздо раньше, и отступить было невозможно. Думается, как опытный аппаратчик, он тонко уловил перспективы развернувшейся борьбы и поддерживал того, на чьей стороне были реальная власть и сила. О том, что это был во многом прекрасно рассчитанный тактический ход, свидетельствует дальнейшее развитие событий и поведение Суслова.

К вопросу об «оппозиции», «фракции» Михаил Андреевич возвращался и в дальнейшем, на XXI и XXII съездах партии. Сравнение его выступлений, кажется, многое может прояснить. Для первого характерны сдержанный тон, краткость и лаконичность оценок: «Разгромив и отбросив прочь антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Булганина и Шепилова, выступившую против ленинской политики Центрального Комитета, против коренных интересов советского народа, партия еще более сплотила свои ряды и представляет собою могучую крепость...» * На XXII съезде, когда позиции лидера партии Н. С. Хрущева были сильны, как никогда, от прежней осторожности и привычной взвешенности в речи Суслова не осталось и следа. В ней доминировали яростный обличительный пафос и негодование оратора. Прочитируем красноречивый отрывок: «В первые годы после XX съезда партия встретила с ожесточенным сопротивлением со стороны антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Булганина и других, пытавшихся сбить партию с ленинского пути, вернуть ее

* Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. М., 1959, Т. I. С. 367.

к временам культа личности. Эта презренная (разрядка наша.— *Авт.*) группа оторвавшихся от народа фракционеров, как известно, упорно противодействовала проведению в жизнь таких жизненно важных и горячо одобряемых всем советским народом мероприятий, как освоение целинных земель, перестройка руководства промышленностью и строительством, развертывание внутрипартийной демократии, восстановление революционной законности и др. Многие лица из этой группы непосредственно виновны в массовых репрессиях в период культа личности против честных коммунистов. Во внешней политике антипартийная группа, особенно Молотов, всячески противодействовала проводимому Центральным Комитетом курсу на осуществление принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, на обеспечение прочного мира. Фракционная деятельность могла нанести серьезный ущерб партии и стране. Партия идейно разгромила и отбросила прочь жалкую группку оппозиционеров. Жизнь полностью опрокинула их взгляды, показала их полное банкротство»*.

Стиль этого выступления (если набор штампов и изношенных выражений можно именовать стилем) чем-то напоминает разоблачительные речи Суслова сталинской поры. Опять все то же стремление быть объективным, а все грехи и просчеты «списывать» на других. Очевидно, что от прежней взвешенно-выжидательной позиции не осталось и следа. Суслов полностью, демонстративно поддерживает Хрущева, пытаясь даже опередить его по части резкости и беспощадности оценок.

Особенно важным, если не переломным в развитии карьеры Суслова при Хрущеве стал XX съезд. Июль-

* XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 года: Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 516—517.

ский (1955 г.) Пленум постановил созвать очередной партсъезд 14 февраля 1956 года. Как обычно, для его подготовки были сформированы различные комиссии. В то время в ЦК существовала специальная комиссия, занимавшаяся реабилитацией репрессированных в прежние годы. Н. С. Хрущев предложил создать еще одну комиссию, которой поручить расследование деятельности И. В. Сталина. Естественно, что бывшие верные соратники Молотов, Ворошилов, Каганович бурно воспротивились этой идее. Лишь благодаря активной поддержке «молодых» членов Президиума, в том числе Суслова и Кириченко, комиссия была сформирована, руководство ею поручено «заслуженному» идеологу и аппаратчику П. Н. Поспелову. Как и следовало ожидать, уже первые результаты работы были ошеломляющими. Однако идея выступить с «разоблачением» Сталина на съезде, «родившаяся» у Никиты Сергеевича, поддержки не получила. Доклад «О культуре личности и его последствиях» был прочитан 24—25 февраля. По одной из версий, те же «молодые» сторонники уже в ходе съезда высказались за выступление, по другой — все это было личной инициативой Хрущева. Существенно следующее: М. А. Суслов не только поддержал публичное осуждение «культы личности», но и «откровенно» раскритиковал его «последствия» в ближайших для него сферах — идеологии и общественных науках. При знакомстве с его речью, полной справедливой критики, поражает один момент: по сути все, что представлялось тогда Суслову устаревшим, безжизненным, вредным для «творческого развития марксизма-ленинизма», как нельзя более полно характеризует именно его, Суслова, стиль политического руководства, мышления, именно его манеру выступать с громкими обличениями, пряча собственное мнение и личную ответственность за неоспоримые авторитеты. Но собственные ошибки и недостатки

остались здесь вне критики, без упоминаний. Объективная и «принципиальная» позиция «справедливой критики», обрушившейся на безымянных «других», не касается персональной вины Суслова в происходившем. И весь пафос его выступления на XX съезде убеждает: сам Суслов свободен от «обветшалого» наследия, он все отчетливо видит и не менее принципиально оценивает. В дальнейшем мы не раз убедимся, что подобная гибкая тактика будет часто приносить Суслову ощутимую политическую выгоду.

Но вернемся к XX съезду. Осудив «заседательскую суетню и бумажную писанину», «поглощающие основное время и силы» в ряде партийных организаций, Михаил Андреевич остроумно заключил: «Ну а секретарские папки вовсе не дали молока», очевидно, вспомнив собственные горькие мытарства в Ставрополье.

Основная часть выступления была посвящена проишедшему в годы культа отрыву идеологической работы от жизни: «В отчетном докладе ЦК тов. Н. С. Хрущев дал всестороннюю характеристику идеологической работы партийных организаций, показал, что главный недостаток ее в настоящее время состоит в отрыве в значительной мере от жизни, в неумении обобщать и распространять в массах передовые, проверенные жизнью образцы коммунистического строительства, а также в слабой активности ее в деле борьбы с отрицательными явлениями, тормозящими наше движение вперед». Далее Суслов перешел к собственным замечаниям: «В результате прежде всего отрыва от практики части экономистов и философов получили широкое распространение начетничество и догматизм. Суть дурной болезни, называемой начетничеством, состоит не просто в том, что зараженные ею к делу и не к делу приводят цитаты, а в том, что верховным критерием своей правоты они считают не практику, а на-

личие по тому или иному вопросу высказывания авторитетов. У них теряется вкус к изучению конкретной действительности. Все подменяется подбором цитат и искусством манипуляции ими. Всякое малейшее отступление от цитаты считается ревизией основ... Не подлежит сомнению, что распространению догматизма и начетничества сильно способствовал культ личности. Поклонники культа личности (здесь Суслов из их числа себя исключает.— *Прим. авт.*) приписывали развитие марксистской теории только отдельным личностям и целиком полагались на них (любопытный поворот в рассуждениях. И кого же имел в виду Суслов: Маркса, Энгельса, Ленина, может быть, Сталина или еще кого-нибудь? — *Прим. авт.*). Все же остальные смертные должны якобы лишь усваивать и популяризировать то, что создают эти отдельные личности (наверное, здесь Суслов исходит из собственного трудного опыта пропаганды «Краткого курса»? — *Прим. авт.*). Таким образом, игнорировались роль коллективной мысли нашей партии и роль братских партий в развитии революционной теории, роль коллективного опыта народных масс. Партия никогда не мирилась с догматизмом (?!), но в настоящее время борьба с ним приобрела особую остроту. Переживаемое нами время делает задачу творческого развития марксизма как нельзя более актуальной». Но, видимо, или упомянутая «дурная болезнь» оказалась слишком заразной, либо давали себя знать рецидивы приобретенного в былые годы хронического недуга — М. А. Суслов, словно позабыв, что говорил выше, подкрепил собственные размышления авторитетной (используемой во все времена) цитатой: «В. И. Ленин, отмечая творческий характер марксизма, подчеркивал, что «мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую

социалисты **должны** двигать дальше во всех направлениях...» * Впрочем, В. И. Ленин был не единственным источником для ссылок. Гораздо чаще в своем докладе (вот она, сила привычки!) Сулов упоминал высказывания Н. С. Хрущева, сопровождая их одобрительными оценками вроде: «Не меньшее значение имеют положения...» — или: «Тов. Хрущев дал совершенно правильный, марксистский ответ...» и т. п.

Однако внимательный анализ выступления Михаила Андреевича убеждает в неожиданном: многие идеи Хрущева им скрыто не разделялись и не поддерживались. По ходу изложения и публичного «осмысления» некоторых положений доклада Хрущева Сулов все время искусно смещает акценты, неявно полемизирует с ними. Вот характерный пример: «Как показал тов. Н. С. Хрущев, в современной исторической обстановке по-новому должен ставиться вопрос о неизбежности войн... Сейчас соотношение сил на мировой арене изменилось коренным образом в пользу сторонников мира, а не войны... Теперь, при новых исторических условиях, имеются мощные силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они все же попытаются ее начать, — сокрушить агрессоров и вместе с войной похоронить навсегда капиталистический строй, тот общественный строй, который не только обрекает подавляющее большинство населения — трудящихся на жестокую эксплуатацию, фактическое бесправие и страдания от нищеты и недоедания, но и ввергает периодически их в чудовищные, кровопролитные войны» **.

В этом своеобразном комментарии к принципу мирного сосуществования двух систем за привычной

* XX съезд КПСС. 14—25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. I. С. 284—285.

** Там же. С. 271—272.

для делегатов политической фразеологией слышится все та же угроза и классовая непримиримость в духе прежней, сталинской идеологии, в сторону которой оратор все время смещает «изложение». Суслов тайно и явно продолжает отстаивать прежние догмы и ценности, осторожно выступая с конца 50-х годов против внутренней и внешней политики Хрущева, всячески противодействуя дальнейшим разоблачениям Сталина, углублению критики.

Что касается внешней политики, то важную роль Суслов сыграл в развитии венгерских событий 1956 года. Обратимся к воспоминаниям участника той будапештской осени В. Фомина. Венгерская молодежь находилась под сильным впечатлением известий из Польши: летом 56-го в Гданьске была расстреляна мирная демонстрация, страну лихорадили непрекращающиеся забастовки. Под лозунгами демократических реформ состоялась манифестация венгерских студентов. В ходе ее произошел штурм радиоцентра, который охраняли сотрудники госбезопасности. Пролилась кровь, появились первые жертвы. Вечером посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов передал в Москву просьбу венгерского правительства о вводе советских войск в Будапешт для «поддержания порядка». Первые части Особого корпуса вошли в столицу ночью 24 октября. Они были встречены выстрелами. Советские воинские части несли потери (число которых до сих пор неизвестно). После 28 ноября правительство Имре Надя объявило происходившие волнения «народным движением» и одновременно настаивало на полном выводе советских войск из страны. Но это не остановило насилия, лишь усугубив ситуацию (в момент начавшегося вывода советских войск экстремисты захватили горком партии в Будапеште, расстреляв его защитников). Далее В. Фомин рассказывает следующее: «Что же касается переговоров о выводе наших войск из Вен-

грии, на которых я присутствовал в качестве переводчика, то им, как выяснилось позже, отводилась другая роль. Они стали частью операции советских войск, которую и осуществили в ночь на 4 ноября 1956 года. 3 ноября 1956 года наша военная делегация во главе с заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР генералом армии М. С. Малининым прибыла в Будапешт. Переговоры проходили в парламенте. В конце их договорились, что окончательное решение будет принято на встрече в расположении наших войск... Когда все вопросы были решены, венгерская делегация ждала машин, чтобы ехать обратно в Будапешт, и мы даже предложили им по бокалу вина, в комнате появилась группа сотрудников КГБ во главе с председателем комитета генералом армии И. А. Серовым. Члены венгерской делегации были арестованы. Судьба их сложилась по-разному: двое провели в заключении несколько лет, а министра обороны генерала Пала Малетера судили и повесили»*.

2 ноября 1956 года был получен приказ «ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште». К 10 ноября сопротивление было фактически сломлено. Естественно, что «вторичный» ввод войск и арест венгерской делегации на переговорах не были инициативой военачальников или руководителей КГБ. Решение было принято высшим руководством во главе с Н. С. Хрущевым. Об атмосфере и обстоятельствах, в которых оно было утверждено, можно судить по одному весьма интересному эпизоду.

В конце октября (предположительно в ночь на 29—30-е) в Будапешт прибыла особая советская «делегация», состоявшая из А. И. Микояна и М. А. Суслова. Ее задачей были непосредственные переговоры

* Мы им наш новый мир построим. Интервью с В. И. Фоминым // Комсомольская правда. 1990. 5 декабря.

с венгерским руководством, выяснение обстановки и предварительные выводы по выходу из сложившегося кризиса. Как вспоминает сопровождавший «высоких» руководителей Ю. Соболев, Сулова и Микояна под усиленным конвоем каждого в отдельном танке доставили с аэродрома прямо к зданию парламента Венгрии. Судя по всему, переговоры были недолгими. О характере беседы с Имре Надем и о существовании принятых решений (или возникших разногласий) за отсутствием точных документальных данных остается только догадываться. Но думается, именно этот визит внес «окончательную ясность» в позицию советского руководства. Любопытен и следующий факт: в своих мемуарах Н. С. Хрущев утверждает, что Микоян был яростным противником ввода и использования войск в венгерских событиях. Видимо, его мнение не стало определяющим. Жесткая же позиция, отстаиваемая Суловым, нашла поддержку у большинства членов Президиума ЦК и в конечном счете у Н. С. Хрущева.

Впрочем, об узости и ортодоксальности взглядов Сулова на международные проблемы указывал и сам Хрущев. Так, острая полемика развернулась в ЦК по вопросу об изменении политического курса в отношении Югославии. Известно, что Хрущев много сделал для нормализации отношений между нашими странами, снижения напряженности, установления нормальных экономических и культурных связей. Сулова же не переставала раздражать «самостоятельность» югославов, о чем говорил Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях: «Как мы можем восстанавливать отношения с югославами, возражали некоторые, когда они уже скатились к капитализму? Их экономика поглощена американским монополистическим капиталом; восстановлена частная собственность; созданы частные банки. Особенно возражал против попытки ослабить

напряженность в отношениях между нами и югославами Михаил Суслов. Он настойчиво утверждал, что Югославия перестала быть социалистической страной»*.

Выработанная партийной карьерой привычка Суслова к догматизму и пустопорожней прямолинейности мысли с годами только крепла: он по-прежнему считал «сталинскую», авторитарную модель социализма единственно верной и возможной, отвергая свой, самобытный путь в социализме. И он использовал любой случай обострения отношений с Югославией, любые разногласия, чтобы вновь подчеркнуть свою убежденность. Прочитируем его инвективы на XXI съезде партии: «Теоретически несостоятельны и практически вредны взгляды ревизионистской руководящей группы Союза коммунистов Югославии, пытающейся принизить значение государства и государственных органов, тем самым идейно разоружить рабочий класс в борьбе за победу социализма»**.

Не менее ортодоксальным и негибким было отношение Суслова к современной западной социал-демократии. В начале 60-х годов социал-демократическое движение Европы достигло определенных успехов, в изменившейся исторической обстановке были приняты новые программы. Они и вызвали ожесточенное неприятие Суслова, публично «заклеймившего» подобные документы за «оппортунизм» и «ревизионизм». Для Михаила Андреевича, воспитанного в «обожествовании» «классовой борьбы» (усиленном вульгарным сталинским духом), самым «тяжким грехом» социал-демократов стал отказ от этого устаревшего понятия. «Оппортунистами» была отброшена и идея социалистической революции, ликвидации буржуазного госу-

* Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 359.

** Внеочередной XXI съезд КПСС: Стенографический отчет, Т. I. С. 362.

дарства. А как западные социал-демократы обошлись с излюбленным лозунгом всех партийных демагогов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Он был объявлен «зловещим порождением эпохи первой промышленной революции» и заменен всякого рода «космополитическими межгосударственными комбинациями», вроде объединения Европы. Все это для Суслова, верившего в незыблемость теории вопреки живой, меняющейся действительности, было лишь «средством для «западной демократии» (то есть для капитализма) выстоять в соревновании с социализмом»*. Впрочем, последующие десятилетия столь же мало изменили систему взглядов и ценностей Суслова. Их полный отголосок прозвучал в конце 70-х в так называемой дискуссии вокруг «еврокоммунизма».

Оценивая противодействие Суслова Хрущеву, необходимо отметить и несомненное совпадение их позиций в некоторых вопросах. Эту объективную почву для сотрудничества Суслов нередко искусно эксплуатировал, особенно в критических для себя ситуациях. Отчетливо это проявилось в формировании партийной политики по отношению к развитию культуры и к творческой интеллигенции. Взгляды и вкусы (если здесь уместны эти слова) Н. С. Хрущева, сложившиеся в 30-е годы, были авторитарны и весьма примитивны. Увы, сказывалось отсутствие знаний и культуры. Отсюда непосредственная вера в естественность и необходимость директивных указаний и жесткого партийного контроля за развитием искусства. Отсюда же подозрительное отношение ко всему необычному, сложному и непонятному. Правда, в отличие от Суслова здравый смысл Хрущева иногда брал верх (как, например, в истории с публикацией повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»).

* XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 523.

Но все-таки чаще Хрущев, как и Суслов, был непреклонен и догматичен, не желая ни разбираться в особенностях природы художественного таланта, ни вникать в творческие поиски и заботы художников. Он искал прямых и предельно «ясных путей»: литература и искусство оставались для него лишь «служанками» идеологии.

Любопытный факт «сотрудничества» Хрущева и Суслова зафиксировал в своих мемуарах В. Е. Семичастный. История касалась разгрома романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Накануне пленума к Хрущеву в Кремль пригласили Семичастного и Аджубея. Там был и Суслов. «Он (Хрущев.— *Прим. авт.*) меня пригласил, наговорил текст и говорит — включите это в доклад. Хрущев сам диктовал, а мы потом с Аджубеем пригладили как могли, а если бы я произнес все, что он наговорил, это было бы еще сильнее... Там была фраза: правительство СССР не будет возражать, если Пастернак окажется на Западе. Я говорю: «Я же не правительство». А Хрущев отвечает: «Вы произнесите, а мы вам из президиума поплодируем». Так и было»*.

Как один из руководителей идеологического аппарата, М. А. Суслов нередко в своих выступлениях эпохи «оттепели» «размышлял» о «видном месте в общественной жизни печати, литературы и искусства». Отметив на XXI съезде партии «несомненную важность» и плодотворность встреч и бесед в ЦК КПСС с писателями, композиторами и художниками, он взял на себя смелость сформулировать условия, необходимые для «роста искусства», будто это горох на грядке. Вот они: «Важным условием, обеспечивающим рост нашего искусства, является решительная и непримиримая борьба против чуждых идейных влияний. Только при

* *Караулов А.* Вокруг Кремля: Книга политических диалогов. М., 1990. С. 43.

полной ясности идейных позиций художник может создавать произведения, нужные народу. Вот почему наши враги и их прислужники — ревизионисты приложили столько усилий для того, чтобы посеять сомнения, породить неясность в умах неустойчивых людей в среде работников искусства и тем самым увести их с единственно правильного пути. Нападки ревизионистов отбиты, и они вынуждены были отступить с позором, но идейные бои на этом не прекращаются* . Все это выискивание идейных «диверсантов» и «сомневающихся» по духу мало чем отличается, скажем, от пресловутых «космополитов», «терзавших» в конце 40-х советское искусство.

Суслов оставался верен себе. Его выступление на следующем, «историческом» XXII съезде было столь же по-военному красноречиво и беспощадно. Вначале оратор коснулся общих задач: «Необходимо всемерно развивать и приумножать славные традиции искусства социалистического реализма, воспитывая у советских людей, особенно у молодежи, готовность к подвигу, героизму, чувство революционной непримиримости к проискам врагов». Далее Михаил Андреевич раскритиковал художников за конкретные ошибки и идейные просчеты. Речь шла в первую очередь о фильме Эльдара Рязанова «Человек ниоткуда» — довольно безобидной фантастической сатирической комедии. Впрочем, судя по всему, Суслов сам ее не видел, а видел только большую афишу кинотеатра «Художественный», мимо которого волею судьбы пролегал маршрут «правительственной трассы». Придирчивому взгляду Суслова, видимо, привычному к безупречным цветущим фигурам сталинских атлетов, явно не понравилось изображение человека, одетого в шкуру. В этом было

* Внеочередной XXI съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 365.

что-то тревожное. На самом деле артист С. Юрский играл в комедии дикаря, оказавшегося в непривычных условиях советской цивилизации. Но этого взгляда оказалось вполне достаточно для того, чтобы снять картину из проката. Фильм вышел на экраны страны лишь в 1989 году. Итак, на XXII съезде М. А. Суслов сказал: «К сожалению, нередко еще появляются у нас бессодержательные и никчемные книжки, безыдейные и малохудожественные картины и фильмы, которые не отвечают высокому призванию советского искусства. А на их выпуск в свет расходуются большие государственные средства. Хотя некоторые из этих произведений появляются под таинственным названием, как «Человек ниоткуда» (*оживление в зале*), однако в идейном и художественном отношении этот фильм явно **не оттуда** (*оживление в зале. Аплодисменты*). Известно также, **откуда** взяты, **сколько** (немало) и **куда** пошли средства, напрасно затраченные на производство фильма. Не пора ли прекратить субсидирование брака в области искусства?»* Вот такой уровень анализа, снабженный некоторой долей официального юмора.

В 60-е годы М. А. Суслов все чаще начинает «вплотную» заниматься вопросами культуры. На одной из официальных встреч партийного руководства с деятелями литературы и искусства произошло его знакомство с А. И. Солженицыным. Александр Исаевич приводит интересный эпизод в книге «Бодался теленок с дубом»: «Когда в декабре 1962 года на кремлевской встрече Твардовский... водил меня по фойе и знакомил с писателями, кинематографистами, художниками по своему выбору,— в кинозале подошел к нам высокий, худощавый, с весьма неглупым лицом человек — и уверенно протянул мне руку, очень энер-

* XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 528.

гично стал ее трясти и говорить что-то о своем крайнем удовольствии от «Ивана Денисовича», так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет. Все другие себя называли, а этот не назвал. Я осведомился: «С кем же...» — незнакомец и тут себя не назвал, а Твардовский мне укоризненно вполголоса: «Михаил Андреевич...» Я плечами: «Какой Михаил Андреевич?...» Твардовский с двойной укоризной: «Да Сулов!!»... И даже как будто не обиделся Сулов, что я его не узнал. Но вот загадка: отчего так горячо он меня приветствовал? Ведь при этом и близко не было Хрущева, никто из Политбюро его не видел — значит, не подхалимство. Для чего же? Выражение искренних чувств? законсервированный в Политбюро свободолюбец? — главный идеолог партии!.. Неужели?» *

Позднее, в конце 60 — начале 70-х годов «законсервированное» свободолюбие «главного идеолога» станет для А. И. Солженицына куда более явным и ощутимым. Именно с ведома Сулова был запрещен к печати практически набранный, готовый «Раковый корпус». Именно Сулов станет безмолвным и безответным адресатом многих главных критических обращений и писем писателя. И наконец, именно Сулов будет могущественным организатором беспрецедентной травли Солженицына после публикации «Архипелага ГУЛАГ», а позднее санкционирует его насильственную высылку за пределы СССР.

То, что в декабре 1962 года так удивило Солженицына, было отчасти проявлением привычной для Сулова вежливости, которая иногда даже походила на угодливость, если бы не громадная власть и высокие посты, которыми располагал Михаил Андреевич. Он был предельно корректен со всеми, кого приглашал

* Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 326—327.

в свой кабинет. Крайне любезен был, например, с Василием Гроссманом, с которым встретился в 1961 году. А между тем речь тогда шла совсем не о похвалах.

Встрече предшествовали драматические обстоятельства. Рукопись романа «Жизнь и судьба» (первые появившаяся на страницах журнала «Октябрь» только в 1988 году) в феврале 1961 года была неожиданно арестована: органы КГБ изъяли в разных квартирах и редакциях все копии и черновики. Гроссман обратился с письмом к Хрущеву с просьбой «вернуть свободу» его книге: «...я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета государственной безопасности. Нет смысла, нет правды в нынешнем положении, в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее». Через некоторое время Гроссмана вызвали к Сулову.

С. Липкин так передает подробности той продолжительной беседы: «Сулов похвалил Гроссмана за то, что он обратился к Первому секретарю ЦК. Сказал, что партия и страна ценят такие произведения, как «Народ бессмертен», «Степан Кольчугин», военные рассказы и очерки. «Что же касается «Жизни и судьбы», — сказал Сулов, — то я этой книги не читал (обстоятельство, весьма напоминающее эпизод с картиной Рязанова, да и вообще манеру «идеологического» руководства. — *Прим. авт.*), читали два моих референта, товарищи, хорошо разбирающиеся в художественной литературе, которым я доверяю, и оба, не сговариваясь, пришли к единому выводу — публикация этого произведения нанесет вред коммунизму, Советской власти, советскому народу». Сулов спросил, на что Гроссман теперь живет, узнав, что он собирается переводить армянский роман по русскому подстрочнику, посочувствовал, трудно, мол, такая двухступенчатая

работа, обещал дать указание Гослитиздату — выпустить пятитомное собрание сочинений Гроссмана, разумеется, без «Жизни и судьбы». Гроссман вернулся к вопросу о возвращении ему арестованной рукописи. Суслов сказал: «Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник, а об этом романе и не думайте. Может быть, он будет издан через двести — триста лет»*.

Впрочем, благожелательность и участие Суслова в судьбе писателя оказались фальшивыми. Пятитомник так и не был издан, а вскоре Гроссмана практически совсем перестали печатать.

В конце 50-х состоялось знакомство академика А. Д. Сахарова с М. А. Суловым. Вот как Андрей Дмитриевич передает подробности затянувшейся до ночи беседы: «В конце 1957 года ко мне пришел с просьбой о помощи Г. И. Баренблат, молодой теоретик-механик... Произошла беда с его отцом, известным эндокринологом Исааком Григорьевичем Баренблатом... Исаак Григорьевич был арестован; обвинение — рассказывал своим пациентам анекдоты о Хрущеве и Фурцевой...

Было очевидно, что кто-то донес. В дальнейшем оказалось, что это был даже не пациент, а один из старых сослуживцев, которого Исаак Григорьевич считал своим другом. Я решил написать письмо самому Н. С. Хрущеву и с помощью Григория Исааковича осуществил это; в тот же день я отвез письмо в отдел писем ЦК и стал ждать ответа. Примерно через две недели (уже в начале января) меня вызвал начальник общего отдела ЦК и после разных маневров и вопросов о моих отношениях с Баренблатом и долгих вздохов: «Так говорить о таких уважаемых людях!» сказал мне, что Хрущев поручил разобраться с моим письмом

* Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 7. С. 101.

М. А. Суслову. Через два дня меня действительно вызвал Сулов. Было уже поздно, часов 8 вечера, когда я вошел в его огромный кабинет в Кремле. У окна стоял какой-то странный столик резной работы; на нем был накрыт чай на двоих. Мы уселись друг против друга; рядом был письменный стол, на котором лежала папка с делом Баренблата и блокнот, в котором Сулов делал иногда пометки. Сулов, разговаривая, пил чай и прикусывал печенье. Я сделал несколько глотков из своего стакана. «Мне очень приятно с вами познакомиться, Андрей Дмитриевич. Вы просите за этого, как его фамилия..?» «За доктора Баренблата. Я убежден, Михаил Андреевич, что он не сделал ничего, что могло бы требовать уголовного наказания. Он честный человек, очень хороший врач». «Я ознакомился с его делом. Он говорил недопустимые вещи. Он не наш человек. У него нашли 300 тысяч рублей, а питался он макаронами в студенческой столовой».

Я совершенно не нашелся, что возразить по поводу макарон, но я почувствовал тогда и убежден сейчас, что за этим скрывался какой-то глубокий психологический подтекст, быть может (я фантазирую сейчас), ненависть к бессребреникам эпохи партмаксимума или просто «классовая» ненависть к скопидомам? Я сказал только, что 300 тысяч вполне могут быть честно накопленными популярным врачом (по новому курсу это было всего 30 тысяч). Я сказал потом, что анекдоты — это не то, чего может опасаться великое государство, что Баренблат доказал на войне, что он честно принимает и защищает наш строй. Слова не могут ничего значить рядом с делами. Сулов слушал меня со слегка снисходительным видом. Он несколько раз повторил свою фразу о недопустимости высказываний Баренблата (не конкретизируя, каких именно). Я же в ответ повторял свое: что слова — не более чем слова. Это «заклинивание» начинало приоб-

ретать опасный характер. Наконец Суслов сказал: «Я еще раз ознакомлюсь с этим делом. Давайте перейдем к другому вопросу. Знакомы ли вы с этим решением?» И он положил передо мной листок с решением Политбюро об объявлении об одностороннем прекращении СССР ядерных испытаний. Эта была обрезанная ножницами часть страницы машинописного текста, с обычным красным штампом на полях, предупреждающим о недопустимости выписок. «Мы объявим об этом на предстоящей сессии Верховного Совета в марте. Как вы относитесь к этому решению?» Я, крайне взволнованный, ответил: «Я ничего не знал об этом решении. Мне кажется, что никто у нас на объекте, включая научного руководителя объекта Юлия Борисовича Харитона, ничего об этом не знает. Я считаю очень важным прекратить ядерные испытания. Они наносят огромный генетический вред, но мне кажется, что о решении такого масштаба было бы необходимо предупредить нас заранее, мы бы «подчистили» все «хвосты».

Суслов не стал уточнять смысл моей последней фразы; это, вероятно, вывело бы беседу за пределы его желаний и полномочий. Вместо этого он опять изменил тему беседы. «Вы употребили слова «генетические последствия». Что вы думаете о генетике? Вот Курчатов сейчас организует генетическую лабораторию, что это — нужное дело, или можно обойтись?»

Я ответил целой «лекцией». Я сказал, что генетика — это наука огромного теоретического и практического значения и ее отрицание в нашей стране в прошлом нанесло колоссальный вред. Первоначально генетика возникла из наблюдений над наследственностью и изменчивостью, так сказать, чисто логическим, умозрительным путем. Но сейчас она получает новое глубокое теоретическое обоснование в виде молекулярной биологии (я рассказал о ДНК). Именно молекулярной

биологией и будут заниматься в новой лаборатории у Курчатова. Я считаю, что это важное, необходимое начинание. Организовать такую лабораторию в ВАСХНИЛ невозможно, пока там заправляют авантюристы и интриганы.

Суслов очень внимательно выслушал меня, задавал вопросы и делал пометки в своем блокноте. Я не помню, произносилось ли имя Лысенко явно, но во всяком случае косвенно оно подразумевалось в самом неодобрительном аспекте. Мне неизвестно, предпринимал ли Суслов какие-либо шаги, касающиеся спора лысенковцев с генетиками, до октября 1964 года — до падения Хрущева. Но зато я думаю, что, когда настал этот момент, Суслов мог вспомнить полученные от меня за шесть лет до этого теоретические сведения, быть может, он даже заглянул в свой блокнотик.

Что касается того дела, по которому я пришел, то тут не было непосредственных результатов. Исаака Григорьевича Баренблата осудили, и он был приговорен к 2 (или к 2,5) годам заключения. Однако через год Баренблата освободили досрочно. Хотелось бы думать, что мое вмешательство этому способствовало»*.

В 1962 году в отношениях Хрущева и Суслова обозначился давно вызревавший кризис. Первым шагом к ослаблению влияния Суслова стало решение Никиты Сергеевича назначить Л. Ф. Ильичева председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. Суслов был постепенно отстранен и от составления докладов и выступлений. Ему понадобилось все его влияние в аппарате, все умение «плести интриги», использовать «скрытые рычаги» воздействия, чтобы остановить начавшийся процесс и попытаться вернуть прежнюю власть и авторитет. Способ был избран надежный

* Сахаров А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 62—64.

и испытанный — отвлечь внимание и отличиться в какой-нибудь масштабной идеологической акции или кампании.

Поэтому М. А. Суслов принял посильное участие в ставшем позднее легендарным посещении Н. С. Хрущевым выставки «художников-новаторов» в московском Манеже 1 декабря 1962 года. По специальной просьбе Отдела культуры ЦК КПСС на выставке были представлены работы около 60 авторов из студии Э. М. Белютина. Всего же в студию входило почти 600 человек (большинство из которых — члены Союза художников), работавших в графике, книжной иллюстрации, архитектуре. Последствия этой встречи для многих оказались роковыми. Конечно, были уже не сталинские времена, когда, скажем, большинство уличенных в «безродном космополитизме» ожидали аресты. Но над людьми продолжали устраивать разборательства: их лишали возможности работать, печататься, преподавать...

Многие справедливо считают, что визиту Хрущева в Манеж предшествовала тщательная подготовка. И в сценарии этого драматического фарса, несомненно, чувствуется опытная рука Суслова, стремившегося использовать или создать любую критическую ситуацию для укрепления собственных, заметно пошатнувшихся позиций. О его действительной роли в развернувшихся событиях свидетельствуют многие очевидцы. Попробуем проследить поведение Суслова в тот памятный день глазами одного из них — Элия Михайловича Белютина.

«Где тут главный, где господин Белютин?» — спросил Хрущев. Головы Косыгина, Полянского, Кириленко, Суслова, Шелепина, Ильичева, Аджубея повернулись в мою сторону. Этой фразой кончилось наше «подпольное» существование. То, что мы сделали с моими учениками, становилось фактом, для признания кото-

рого съехались черные машины к подъезду бывшей царской конюшни... Черная масса людей вышла из-за последнего щита в зале первого этажа и стала подниматься по лестнице. Было тихо. Мы стояли группой. Нас было тридцать мужчин и одна женщина. Возраст — от 25 до 35 лет. Многие с бородами, длинными волосами, мрачные и молчаливые. На последнем марше мы стали аплодировать. Хрущев прошел несколько ступенек. «Спасибо,— сказал он,— за приветствие. Куда?» Я вышел вперед и рукой показал на наш зал. «Спасибо,— снова сказал Хрущев.— Но вот они (он махнул рукой за спину) говорят, что у вас там мазня. Я еще не видел, но им верю». Я пожал плечами и открыл дверь нашей Голгофы. Хрущев остановился. Комната была пуста. Электрический свет заливал стены, на которых висели яркие пейзажи, портреты, картины. Они были экспрессивны по цвету и рисунку. Я не спал больше двух суток, отбирая их, чтобы сделать выставку «понятнее». Абстракции висели только в углах и в другой комнате.

В дверях задержалась свита Хрущева. Надо всеми поднималась худая злобная голова Суслова. Хрущев оглядывал стены. Картины чем-то ему, наверное, нравились, и это задерживало его. Он явно не мог к чему-то намеченному приступить и начинал злиться. Менялся на глазах, мрачнел, бледнел. Эта эмоциональность была удивительна для руководителя государства. И, глядя на его опустошенное, недовольное лицо, я почти физически услышал, как заскрипело колесо Фортуны. Действие спектакля началось еще внизу. Мы были его лишенными права голоса свидетелями...

Это эмоциональное колебание еще явно можно было остановить, если бы Ильичев, будучи председателем Идеологической комиссии, того захотел. Но он был всего лишь услужливым газетчиком, и где ему было сравниться с Сусловым, который тут же начал

развивать тему «мазни», «уродов, которых нарочно рисуют художники», того, что нужно и что не нужно советскому народу. И снова цифры, затраченные на закупку всего этого «возмутительного, так называемого искусства». Очевидно, посещение нашей экспозиции вообще было необязательным, но существовал какой-то сценарий... Хрущев в окружении плотной толпы бросился в обход вдоль стен... Он ругался почти у всех картин, тыкая пальцем и произнося уже привычный, бесконечно повторяющийся набор ругательств. Потом сделал третий круг и остановился у картины Л. Мечникова, изображавшей вариант Голгофы. «Что это такое?» — Хрущев опять повышал голос. Все время стоя в стороне от табуна облепивших его людей, я начинал понимать театральное действие, которое «наш родной Никита Сергеевич» устраивал для своих, в общем, многочисленных зрителей. Ему явно живопись чем-то нравилась, за исключением нескольких картин, и он никак не мог подвести ее под тот разнос, на который толкал его Суслов. «Вы что — мужики или педерасты проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть? Кто автор?» Леонид Мечников, капитан-лейтенант Военно-Морского Флота в отставке, был более спокоен, чем рядовые пехотинцы Люциан Грибков и Владимир Шорц. На вопрос об отце (Хрущев всех пытал в тот день этим вопросом. — *Прим. авт.*) он ответил, что его помнит и тот еще жив. «И вы его уважаете?» — «Естественно», — ответил Мечников. «Ну а как он относится к тому, что вы так пишете?» — «А ему это нравится», — сказал Леонид. Хрущев несколько остолбенело посмотрел на красивое лицо морского офицера, а в это время другой Леонид — Рабичев, обращаясь к Хрущеву, сказал: «Никита Сергеевич, мы все художники — ведь очень разные люди и по-разному видим мир. И мы много работаем в издательствах, а Элий Михайлович нам очень помогает это свое вос-

приятие перевести в картину, и мы ему очень благодарны...» Хрущев спокойно выслушал эти слова и, посмотрев несколько секунд в лицо Рабичева, направился дальше. Но всем стало очевидно, что перелом какой-то произошел и что Хрущеву теперь будет трудно взвинтить себя до недавней ругани... «Ну, ладно,— сказал Хрущев,— а теперь рассказывайте, в чем тут дело». Это был уже какой-то шанс, и я увидел, как поразному насторожились Суслов, Шелепин, Аджубей... Я говорил обычными словами, которыми стало принято объяснять живопись. Хрущев слушал молча, наклонив голову. Он, похоже, успокаивался. Никто нас не прерывал, и чувствовалось, пройдет еще пять — десять минут, и вся история кончится. Но этих минут не случилось. Посередине моего достаточно долгого объяснения сухая шея Сулова наклонилась к Хрущеву, и тот, посмотрев на мое спокойное лицо, неожиданно взорвался: «Да что вы говорите, какой это Кремль! Это издевательство! Где тут зубцы на стенах — почему их не видно?» И тут же ему стало не по себе, и он добавил вежливо: «Очень общо и непонятно. Вот что, Бельютин, я вам говорю как Председатель Совета Министров: все это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!»... Наступившая пауза действовала на всех. А то, что я, не выдержав, после слов «это не нужно советскому народу» повернулся к Хрущеву спиной, еще больше накалило обстановку. И Сулов, откровенно заинтересованный в дальнейшем ее обострении, решил снова сыграть на мне. Его голос был мягок и хрипловат: «Вы не могли бы продолжить объяснения?» — «Пожалуйста», — сказал я, глядя в его умные холодные глаза, загоревшиеся, как у прирожденного игрока. «Эта группа считает, что эмоциональная приподнятость цветового решения картины усиливает образ и тем самым создает возможность для более активного воздействия искусства на зрителя». — «Ну а

как насчет правдивости изображения?» — спросил Суслов. «А разве исторические картины Сурикова, полные неточностей, образно не правдивы?» Возникла дискуссия, где недостаточные знания ставили Суслова в слишком неудачное положение ученика, и он круто повернул. «А что это изображает?» — спросил он, показывая на жутковатый пейзаж Вольска Виктора Миронова. «Вольск, — сказал я. — Город цементных заводов, где все затянуто тонкой серой пылью и где люди умеют работать, будто не замечая этого». Хрущев стоял рядом, глядя то на одного, то на другого, словно слова были теннисными мячами и он следил за силой ударов. «Как вы можете говорить о пыли! Да вы были когда-нибудь в Вольске?» — почему-то почти закричал Суслов. В голосе его была неожиданная страстность, и я даже подумал, не был ли он там первым секретарем городского комитета партии. «Это не фантазия, а пейзаж с натуры, — сказал я. — Вы можете проверить». — «Да там все в белых халатах работают! Вот какая там чистота!» — продолжал кричать Суслов... Белые халаты... Я вспомнил этот город, серый, с чахлыми деревьями. Пыль, которая была видна за много километров. «Да что это за завод? Тут изображен «Красный пролетарий», да? Так почему же у него столько труб? У него их только четыре», — не унимался Суслов. Его уже явно наигранное возмущение должно было показать, что он полностью согласен с Хрущевым в том, что «мазня» еще к тому же компрометирует советскую промышленность. «При чем здесь трубы? Художник, создавая образ города, имел право для усиления впечатления написать несколько лишних труб», — сказал я. «Это вы так думаете, а мы думаем, что он не имел права так писать», — продолжал Суслов. Я пожал плечами и молча улыбнулся. Люди вдруг начали двигаться. Хрущев, которому, вероятно, надоел неубедительный диалог Суслова, повернулся, чтобы

пройти в соседнюю комнату, где стояли скульптуры Неизвестного...» *

И далее Хрушев со свитой проследовал в зал Эрнста Неизвестного. Последний так описывал завязавшееся тогда знакомство: «Хрушев обрушился на меня с криком, что я проедаю народные деньги, а производжу дерьмо. Я же утверждал, что он ничего не понимает в искусстве. Разговор был долгий, но в принципе он сводился к следующему: я доказывал, что его спровоцировали и что он предстает в смешном виде, поскольку не профессионал, не критик и даже эстетически безграмотен. Он же утверждал обратное... И я ему говорил, что это провокация, направленная не только против интеллигенции и против либерализации, но и против него. Как мне казалось, это находило в его сердце некоторый отклик, хотя не мешало ему по-прежнему нападать на меня» **.

Неизвестный не упоминает о репликах или реакции Сулова в течение этой длительной беседы. Но об этом совсем нетрудно догадаться. Тем более что Михаил Андреевич оказался злопамятен. И позднее сыграл в судьбе Неизвестного важную роль. Вот что об этом рассказывал сам скульптор: «Международный отдел ЦК... стал моим другом. У них были свои задачи, и я им был очень нужен. А внутренний отдел по-прежнему оставался моим врагом, он и в 1976 году, так же как и четырнадцать лет назад, не хотел, чтобы я ездил за границу. Андропов вроде бы что-то обещал, потом мне говорят: нет, не получилось, против Сулов, он вообще тебя сгноить хочет. Кончилось тем, что один знакомый чекист (довольно крупный чин) мне так и сказал: «Эрнст, тикай, пока не поздно, тикай!»

* Белютин Э. Хрушев и Манеж // Дружба народов. 1990. № 1. С. 136—142.

** Время и мы. Нью-Йорк — Тель-Авив — Париж, 1977. № 41, С. 176.

Лучше — по «еврейской линии». А то вместо Запада поедешь на Восток». Вот так все и началось»*.

Но вернемся в Манеж декабря 1962 года. Тот же Белютин подробно описывает «пейзаж после битвы» в зале Неизвестного: «Хрущев уже спускался по лестнице, размахивая руками, весь в красных пятнах. Рядом с ним шел, не скрывая торжества, Суслов и явно обеспокоенный Косыгин. У всех, даже у фотокорреспондентов, на лицах застыло изумление. И вдруг в полутьме комнаты, соединяющей верхние залы, раздался ликующий голос Серова (президент Академии художеств СССР.— *Прим. авт.*). Он почти кричал, потный, толстый, в свои пятьдесят лет готовый скакать, прыгать от восторга. Он кричал, обращаясь к скульптору и одному из руководителей официального Союза художников Белашовой: «Случилось невероятное, понимаете, невероятное: мы выиграли!» ...Все было конечно. Комедия обернулась трагедией»**.

Итак, результат «встречи» в Манеже должен был удовлетворить М. А. Суслова. Тем не менее ощутимых выгод этот политический спектакль Суслову не дал — ситуация еще оставалась неясной и весьма зыбкой. Участь художников, принесенных в «жертву» зимой 62-го, была решена. А приход к власти Л. И. Брежнева и «долгожданное» укрепление идеологических позиций Суслова еще более усугубили трагизм положения.

В 1974 году многие участники группы Белютина решились на мужественный гражданский поступок — они написали Суслову письмо с требованием о его отставке. Во многом это был беспрецедентный по тем временам шаг. Думается, документ заслуживает того, чтобы привести его текст полностью: «Мы, художники,

* Караулов А. Вокруг Кремля. С. 399.

** Белютин Э. Хрущев и Манеж // Дружба народов. 1990. № 1. С. 143—144.

подвергшиеся остракизму более десяти лет назад в результате безобразного скандала, учиненного Н. С. Хрущевым в Манеже, и все эти годы наперекор травле Министерства культуры и жестокой неприязни с Вашей стороны, т. Суслов, продолжавшие творчески работать и верить в будущее советского искусства, отказываемся дальше молчать.

К этому вынуждает нас не наше положение — быть творчески заживо погребенными, наверное, наш удел, — а та удивительная настойчивость, с которой Вы, человек, руководящий идеологической работой, проводите в жизнь курс своей политики.

Достаточно включить телевизор, чтобы понять, какое преимущество предоставляется певцам и актерам сталинских лет в праве олицетворять советскую культуру. А рядом с ними фильмы 1930—1950-х годов, возобновленные постановкой балеты столетней давности, этнографические ансамбли с частушками и чечетками, которые должны представлять нашу сельскую молодежь, имеющую законченное среднее образование и составляющую 40% поступающих в наши вузы студентов. Все это должно символизировать расцвет нашей сегодняшней культуры.

О живописи нечего и говорить. Для Вас социалистический реализм — это некое среднее арифметическое, некая сумма канонизированных и Вами дозволенных приемов, за которыми нет поисков и, значит, нет стремления художника найти свой собственный голос в искусстве.

И это еще не самое страшное в искусстве. Искусство ведь, как река, — его не остановят ни Ваши плотины, ни железобетонное русло запретов и разрушений, по которому Вы с завидным упорством пытаетесь направить его вспять. Самое страшное, что все это делается Вами сознательно, с единственной целью — лишить русского человека духовной жизни, превратить

его в работа, способного выполнять самое нелепое и жестокое Ваше желание. Ваша установка — на примитивизацию советской культуры, на пропаганду убогих идеалов и отрицание сложности духовных интересов советского человека. Ваш основной идеологический принцип — принцип оглубления народов СССР, позволяющий Вам создавать почву для нарушения всех законов нормальной жизни человеческого общества.

Вы прекрасно знаете, что не так просто заставить деятелей культуры творить во вред своему народу, и поэтому Вы самими методами своего руководства прививаете советскому народу неверие в свои творческие силы, нигилизм, а для такого рода работы Вы создали на практике некую финансовую элиту, которая одна, как идеальная исполнительница Ваших указаний, имеет право распределять заказы, главенствовать в творческих союзах, получая за свою деятельность невиданные в истории мирового искусства и Запада денежные гонорары.

Неужели Вы, занимаясь вопросами идеологии, не сознаете этой чудовищной моральной карикатуры на советскую культуру, когда санкционируете Вучетичу за памятник героям Великой Отечественной войны гонорар в размере двух с половиной миллионов рублей! Для того чтобы поддержать свою концепцию неотрывного от XIX века и оранжерейного для наших дней искусства, Вы прибегаете к методу прямой подтасовки фактов, используя созданный Вами, в обход всех, аппарат информации и воздействия. Еще до Манежа по Вашей санкции была создана видимость некоей художественной оппозиции с нарочитым антисоветским уклоном. В эту сеть «подпольных» художников были включены так называемые «лианозовцы» (Рабин и Кропивницкий с семьями), А. Глезер и еще целый ряд имен. Все они, согласно Вашей программе, получили

право и обязанность постоянно общаться с иностранцами, показывать им и продавать за любую валюту «ради хлеба насущного» свои работы.

Приставленный к этим «подпольным» художникам Ваш же сотрудник Г. Костаки руководил многими художественными диссидентами на зарплате. Зачем Вам нужна эта провокация, т. Суслов?

Вы хотели бы убедить всех, что каждый ищущий художник прежде всего политический диссидент и что именно поэтому советская культура должна опираться на налбандянов, вучетичей, томских, превращенных с Вашей помощью в советских миллионеров? Зачем Вы порочите таким образом советское общество, деятелей культуры, зачем создаете почву для необоснованных обвинений и ничем не оправданных подозрений?

Но Вы это хорошо понимаете, и отсюда Ваши попытки теоретического обоснования собственной позиции и администрирования, попытки доказательства необходимости «сдерживания развития культуры», «возврата к классике», соблюдения спасительного, с Вашей точки зрения, статус-кво. Только жизнь идет вперед — как бы Вы ни хотели ее остановить, это не в Ваших и не в чьих иных руках. Формально Вы руководите идеологией. Но для того, чтобы руководить, надо быть во главе движения. В тех же теоретически оправдываемых задних рядах, которые Вы для себя выбрали, его остается или комментировать или оплевывать.

Никакие лозунги Ваших непосредственных помощников о гармонии и взаимопонимании не могут ни скрыть, ни залатать той пропасти, которую Вы год от года углубляете в нашей культурной жизни. Все передовое, честное, советское Вы провозглашаете плохим и антисоветским. Кто дал Вам право расставлять подобные оценки? Партия? Народ? Но в представле-

нии народа Вы связаны прежде всего с оправданием и проведением в жизнь культа личности в худших его проявлениях. Наука? Но Вы бесконечно далеки от нее. Демагогические фразы, подтасовки, волюнтаристские обобщения, не имеющие ничего общего ни с теорией исторического материализма, ни с действительной жизнью советского общества,— вот весь Ваш «научный» багаж, а с ним сейчас занимать такой пост, товарищ Суслов, нельзя.

С 1939 года Вы находитесь у кормила руководства идеологией. Именно Вы являетесь автором идеологической версии культа личности, вызвавшего злейшие нарушения закона и права. Именно Вы послужили основным мотором ждановщины, и Вы в 1962—1963 годах стали человеком, остановившим развитие советской живописи. Неужели Вы не видите всего того вреда, который причинили и продолжаете причинять Советскому государству?

Если у Вас не хватает сейчас, в 70 с лишним лет, силы воли покинуть свой пост и Ваши слова о верности Ленину только пустой звук, мы, художники, говорим Вам: хватит издеваться над советским народом! Он заслужил право на доверие. Он своими руками сделал все замечательное, что есть в нашей стране, превратил отсталую неграмотную страну в величайшую державу мира, и ему принадлежит право иметь свое, советское, а не Ваше, товарищ Суслов, сусловское искусство, свою советскую музыку, свой советский театр, свою советскую, а не сусловскую культуру!

МЫ ТРЕБУЕМ, ЧТОБЫ ВЫ УШЛИ В ОТСТАВКУ!

Э. Белютин, Е. Радкевич, Р. Голышко, Н. Левянт, И. Шмелева, А. Крюков... (всего 100 человек)»*.

* *Белютин Э.* Хрушев и Манеж // Дружба народов. 1990. № 1. С. 159—161.

Естественно, после подобного выступления участницы этой смелой акции были обречены на «безмолвие» и фактическое подпольное творчество и существование. Лишь спустя 28 лет, опять-таки в декабре, но уже 1990 года, в том же здании бывших царских конюшен прошла отчетная выставка художников из студии Э. М. Белютина. Забвение не состоялось.

Но вернемся в 60-е... Власть по-прежнему уходила из рук Суслова, сфера его влияния все больше ограничивалась. А конфронтация с Хрущевым, внутренне тлея, грозила перерасти в открытый конфликт. Ни разного рода идеологические кампании, ни страстные речи в поддержку курса Хрущева уже ощутимых результатов не приносили.

Существенным свидетельством изменившейся ситуации стал июньский (созван 18 июня 1963 г.) Пленум ЦК КПСС. На нем с «фундаментальной» речью выступил «сомнительный соперник» Суслова Л. Ф. Ильичев. Доклад «Очередные задачи идеологической работы партии» обсуждали обстоятельно несколько дней. М. А. Суслов, удаленный от общего руководства идеологией, в прениях не выступал. Ему был поручен весьма важный, сложный и трудоемкий участок — связи с компартиями других стран, и в первую очередь с китайской компартией. От него здесь требовались не только особая осторожность, выдержанность, но и принципиальность в отстаивании идей XX съезда, многие из которых он не разделял и подчас с большим трудом скрывал свое несогласие. Опытный «докладчик и демагог», он был вынужден покорно и настойчиво произносить «чужие», чуждые для него слова и мысли.

А ситуация в отношениях с Китаем в начале 60-х с каждым месяцем все обострялась. На том же июньском Пленуме ЦК Суслов, Андропов, Пономарев изложили участникам пленума суть разногласий с КПК

и обрисовали сложившуюся политическую обстановку. Таким образом, ЦК был вынужден нарушить принятые обязательства не вступать в открытую полемику с Китаем. Это был ответный шаг на опубликованное и разосланное китайской компартией письмо с резкой критикой и осуждением линии КПСС.

Согласно договоренности, стороны еще попытались урегулировать конфликт путем переговоров, состоявшихся между представителями КПК и КПСС с 5 по 20 июля 1963 года в Москве. В советскую делегацию вошли М. А. Сулов (руководитель), В. В. Гришин, Ю. В. Андропов, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев и П. А. Сатюков (тогдашний главный редактор «Правды»). В ходе напряженного, порой неллицеприятного обсуждения острых, конфликтных вопросов какого-либо согласия достичь не удалось. 14 июля к тому же было обнародовано Открытое письмо ЦК КПСС о возникших расхождениях с КПК. Документ был подготовлен не без участия Сулова. 21 июля поступило официальное сообщение об обеде, устроенном в честь отъезда китайской делегации (Н. С. Хрущев в переговорах участия не принимал). С китайской стороны присутствовали Дэн Сяопин (член Политбюро, Генеральный секретарь КПК, глава делегации), Пын Чжэнь, Кан Шэн и другие. Замирение не состоялось, встреча осталась незавершенной. По предложению китайцев она была прервана. Правда, договорились о ее продолжении, чему не суждено было сбыться. Известно, что в ходе переговоров «завязался» интересный догматический спор между Дэн Сяопином и Суловым, своего рода теоретический диспут в толковании некоторых положений марксизма-ленинизма, соревнование цитат. Увы, успех в этом изнурительном состязании не сопутствовал Михаилу Андреевичу.

Китайско-советские отношения продолжали ухудшаться (пока, правда, все ограничивалось разногла-

сиями в идеологии). С конца июля М. А. Суслов уже фактически не участвует в многочисленных официальных мероприятиях, его имя исчезает из принятого списка. Многие увидели в этом знак близкой отставки. Михаил Андреевич появился лишь на торжественной встрече Нового, 1964 года — года, ставшего переломным в судьбе государства.

В феврале 1964 года прошел очередной пленум ЦК, посвященный интенсификации сельского хозяйства. О выступлении Суслова ничего не сообщалось. Тем не менее он прочел там огромный многочасовой доклад о советско-китайских отношениях. Известие об этом появилось в «Правде» лишь 3 апреля. Текст был полностью опубликован большинством печатных органов. Подобная задержка произошла по тем же тактическим соображениям — не усугублять и без того напряженную обстановку.

Доклад Суслова — документ во многом примечательный. Во-первых, это было наиболее глубокое, аналитичное и цельное выступление за всю его предшествующую и последующую политическую карьеру (в чем несомненная заслуга помощников и отдела ЦК, возглавляемого Ю. В. Андроповым). Во-вторых, доклад отмечен совсем не характерной для Суслова резкостью и принципиальностью, четкостью расстановки акцентов. Михаил Андреевич опять-таки был вынужден выступать в не свойственной для себя манере, высказывать противоречащие собственной позиции оценки (Маяковский называл это — «наступать собственной песне на горло»). Попытаемся подробнее обрисовать это парадоксальное в биографии Суслова событие.

Во вступительной части Михаил Андреевич начал с обозрения общей картины все углублявшегося кризиса во взаимоотношениях КПСС и КПК: «Если проанализировать эволюцию взглядов и действия руководства КПК, начиная с Московского совещания 1960 года,

то можно увидеть, что все эти годы китайские руководители вели дело не к устранению, а к обострению возникших разногласий. Начав с ревизии некоторых тактических установок мирового коммунистического движения, они шаг за шагом углубляли свои расхождения с КПСС...» * В чем же заключалась суть разногласий? «Новые оценки и выводы, сделанные в результате коллективных усилий братских партий на основе творческого применения принципов марксизма-ленинизма к условиям нашей эпохи,— о роли мировой социалистической системы, о путях строительства социализма и коммунизма, о возможности предотвращения мировой войны, о мирном сосуществовании стран с различным социальным строем, о необходимости борьбы против идеологии и практики культа личности, о формах перехода к социализму в развитых капиталистических странах и освободившихся от колониализма странах — все это извращается и, по существу, отбрасывается китайским руководством» **. Мы не станем подробно останавливаться на всех проблемах, затронутых Суловым в своем обширном и обстоятельном критическом разборе. Отметим лишь два момента, относящихся к отмеченному выше несовпадению позиций и идей. Сулов занял и отстаивал необычную для себя позицию по отношению к Югославии, высказавшись за возможность, уместность и жизнеспособность различных «моделей» социалистического общества: КПК изменила свое отношение к Югославии. Теперь Югославия называется «контрреволюционным отрядом особого назначения американского империализма... Если исходить не из субъективных взглядов, а из объективных законов, из учения марксизма-ленинизма, невозможно отрицать, что Югославия является социалистической страной и при этом позиции социализма в Югославии

* Правда. 1964. 3 апреля.

** Там же.

крепнут... Но мы исходим из того, что наличие разногласий ни в коем случае не является основанием для «отлучения» Югославии от социализма».

Другим ярким местом в рассуждениях Суслова стала защита и обоснование правильности линии, избранной XX съездом КПСС. Докладчик осудил практику культа личности и провозгласил необходимость дальнейшей борьбы против сталинизма. Любопытно, что это было последнее публичное критическое выступление Суслова о Сталине. Если после 1964 года Михаил Андреевич и затрагивал эту тему, то говорил о ней осторожно, в полутонах, соблюдая «объективность» «заслуг и ошибок», последние же с годами выглядели все незначительнее.

Возмущаясь тем, что китайские руководители проявляют демонстративные симпатии к людям, которые «выброшены из рядов нашей партии», Суслов отметил: «Уже известны факты расправы, учиненной Сталиным и разоблаченными впоследствии участниками антипартийной группы, над видными деятелями Коммунистической партии и Советского государства. Но мало этого, как выяснилось, Молотов вместе со Сталиным дал санкцию на осуждение к высшей мере также и жен этих деятелей по так называемому «Списку № 4 жен врагов народа» (имеются в виду супруги Косиора, Чубаря, Дыбенко и других.— *Прим. авт.*)... Во многих случаях Молотов старался, как говорится, быть «бóльшим католиком, чем сам папа»*.

Как уже говорилось, это было последнее, самое резкое и жесткое обличение сталинизма Сусловым. Его личная неискренность одновременно стала и серьезным испытанием для Михаила Андреевича, а может быть, и унижением. Думается, этого Хрущеву Суслов простить не мог.

* Правда. 1964. 3 апреля.

Это подтверждают и воспоминания Ф. М. Бурлацкого, размышлявшего о феномене долгого и загадочного сосуществования Хрущева и Суслова: «Почему Хрущев так долго терпел в своем руководстве Суслова, в то время как убрал очень многих оппонентов? Трудно сказать — то ли он хотел сохранить преемственность со сталинским руководством, то ли испытывал странное почтение к мнимой марксистско-ленинской учености Михаила Андреевича, но любить он его не любил. Я присутствовал на одном заседании, на котором Хрущев обрушился с резкими и даже непримиримыми нападками на Суслова. «Вот пишут за рубежом, сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов и только ждет момента скovyрнуть меня. Как считаете, Михаил Андреевич, правильно пишут?» А Суслов сидел, опустив худое, аскетическое, болезненное, бледно-желтое лицо, не шевелясь, не произнося ни слова и не поднимая глаз».

И далее Бурлацкий подробно воссоздает предысторию выступления Суслова по «китайскому вопросу»: «На февральском Пленуме ЦК партии 1964 года Хрущев обязал Суслова выступить с речью о культуре личности Сталина. Это поручение было передано мне и... Белякову... Вначале пытались диктовать стенографисткам, но ничего не получалось. А не получалось потому, что не знали, как писать для Суслова. Позиция его была известна — осторожненькая такая позиция, взвешенная, всесторонненькая, сбалансированная, лишенная крайностей и резких красок. А поручение Хрущева было недвусмысленное: решительно осудить уст а м и С у с л о в а (разрядка наша.— *Авт.*) культ личности»*.

* *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 180—181.

В ходе массового и повсеместного (в союзных республиках, компартиях других стран) обсуждения доклада Суслова и принятого по нему постановления ЦК КПСС не раз отмечалась «глубина и принципиальность анализа» документа, проявленная «забота о коренных интересах мировой системы социализма...». Несмотря на успех, М. А. Суслов продолжал отодвигаться на вторые и третьи роли в партийно-государственной иерархии. Он не сопровождал Хрущева во время его визитов на ведущие — с точки зрения политической конъюнктуры — совещания и съезды зарубежных компартий. В мае 1964 года Суслов возглавил делегацию КПСС (в нее вошли П. Е. Шелест и Б. Н. Пономарев) на XVII съезде компартии Франции. А затем, уже в июле 64-го, участвовал в похоронах Председателя ФКП Мориса Тореза, выступив на траурном митинге в Париже. Летом того года Н. С. Хрущев отдыхал в Крыму. Казалось, ничто в тот момент не предвещало будущих стремительных перемен.

Подойдя к драматическому финалу истории взаимоотношений Суслова и Хрущева, несколько слов необходимо сказать о других взглядах на этот сюжет. Своеобычную, если не сказать экстравагантную точку зрения обосновывает в своих трудах западный историк А. Авторханов (см. его публикацию в журнале «Огонек», № 27 за 1990 г.). По его мнению, Суслов и именно он был подлинным вдохновителем и режиссером XX съезда, генератором его новаторских идей. Хрущев же выглядит непоследовательным и роковым оппонентом этого мятежного, «скрытого свободолюбца». Думается, приведенные и рассмотренные нами факты придают этой версии оттенок легенды или исторического анекдота.

Выступая с разъяснением итогов июньского Пленума ЦК, XXII съезда, Суслов не раз восклицал: «Мы

не дадим в обиду нашего дорогого Никиту Сергеевича!» Однако весной 1964 года (а вероятно, и ранее) именно Суслов стал вести конфиденциальные беседы с некоторыми членами Президиума и влиятельными членами ЦК об отстранении Н. С. Хрущева от руководства партией и страной. Главными союзниками Суслова были А. Н. Шелепин, не так давно назначенный председателем Комитета партийно-государственного контроля, и Н. Г. Игнатов, не избранный на XXII съезде в Президиум ЦК, но входивший в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Активную роль в подготовке октябрьского (1964 г.) Пленума, принявшего решение об освобождении Хрущева, играл и председатель КГБ В. Е. Семичастный.

Вокруг октябрьского Пленума и его главных организаторов и «героев» существуют весьма и весьма противоречивые, даже взаимоисключающие точки зрения. Одну из оригинальных версий отстаивает, например, бывший первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест: «При Хрущеве Суслов не считался вторым человеком в руководстве, как это стало при Брежневе. Доклад, с которым Суслов выступил, готовили другие товарищи. По идее с ним должен был выступать Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Брежнев просто сдрейфил, а Подгорный категорически отказался. Тогда поручили сделать это Суслову. Если Шелепин, как утверждает Медведев, и принимал какое-то участие в подготовке материалов к пленуму, то Суслов до последнего времени не знал о предстоящих событиях. Когда ему сказали об этом, у него посинели губы, передернуло рот. Он еле вымолвил: «Да что вы?! Будет гражданская война»*.

Думается, в подобной интерпретации слишком много неувязок и противоречий. Как такой осторож-

* О Хрущеве, Брежневе и других. Интервью с П. Е. Шелестом // Аргументы и факты. 1989. № 2.

ный, да еще и боившийся «гражданской войны» Суслов вдруг решился? Что побудило преодолеть мучивший его страх? Как он взял на себя, по существу, всю полноту ответственности после отказов Брежнева и Подгорного? Слишком все перечисленное не вяжется с обычным стилем его поведения. Впрочем, в этом видится другое. Победа Хрущева или дальнейшее его руководство не сулили Михаилу Андреевичу ничего хорошего. Поэтому он должен был контролировать ситуацию. Как блестящий тактик аппаратной, скрытой борьбы он до определенного момента держался на втором плане, предпочитая, чтобы всю тяжесть подготовки пленума на себя взяли другие. Он же проявил инициативу на конечном этапе.

Итак, именно М. А. Суслов сделал на пленуме доклад, продолжавшийся всего один час. И с политической, и с теоретической точек зрения доклад был крайне поверхностным, начисто лишенным даже попытки как-то проанализировать сложившуюся ситуацию.

Главное место в нем отводилось перечислению личных недостатков или «грехов» Хрущева, и все это хаотично, без разбора. Но в этом и заключался расчет: как и на переломном XX съезде, обличая и критикуя других, Суслов как бы незаметно «уходил» от собственной вины. Позиция этакого «третьего судьи», выразителя «коллективной воли партии» как бы снимала с него личную ответственность за происшедшее.

Что же было поставлено в упрек Хрущеву? Суслов сказал, что Никита Сергеевич допустил крупные ошибки в своей работе, в руководстве партией и правительством, принимал необдуманные, торопливые решения. В последние два-три года Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти и стал ею злоупотреблять. Все достижения и успехи в стране он относил к своим личным заслугам, совершенно перестал счи-

таться с членами Президиума, не прислушивался к их мнению, постоянно всех поучал.

В основном эти замечания были справедливы. Нужно, однако, отметить, что Хрущев сосредоточил в своих руках всю полноту власти не два-три, а пять-шесть лет назад и что члены Президиума слишком редко делали ему критические замечания, гораздо чаще поддакивали. Большая часть непродуманных и поспешных решений Хрущева проводилась им через Президиум и пленумы ЦК КПСС, и сам Сулов ни разу не попытался хоть как-то противодействовать.

Весьма критически оценил Сулов в своем выступлении на пленуме разделение партийного руководства по производственному принципу. Эта работа представлялась ему началом создания как бы двух самостоятельных партий: рабочей и крестьянской. Тем не менее, проводимая в конце 1962 года, эта реформа не встретила возражений на пленуме ЦК и лично Сулов тогда ее одобрил.

Справедливо было подмечено и зарождение нового культа: Сулов говорил о том, что в последние годы в печати все больше и больше писалось о заслугах Хрущева. Конечно, и в идеологических органах партии, и в прессе недостатка в подхалимах не ощущалось. Но ведь и сам Михаил Андреевич сыграл в этой кампании не последнюю роль.

Если на XX съезде КПСС, оценивая положения доклада Хрущева, Сулов проявлял сдержанную солидарность: «Тов. Н. С. Хрущев дал совершенно правильный, марксистский ответ на этот важнейший вопрос (о формах перехода к социализму в разных странах.— *Прим. авт.*)»; «Тов. Н. С. Хрущев дал убедительные ответы на самые жизненные вопросы»*, то тон речи на XXII съезде неузнаваемо преобразился —

* XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 273, 271.

здесь и дифирамбы, и восхищение, и откровенная лесть: «К XXII съезду Коммунистическая партия пришла еще более могучей и несокрушимой когортой, еще более близкой и родной советскому народу, тесно сплоченной вокруг своего ленинского Центрального Комитета во главе с выдающимся ленинцем, крупнейшим деятелем нашей партии Никитой Сергеевичем Хрущевым»*.

Резко критически отозвался Сулов на пленуме о предложениях Хрущева по созданию специализированных управлений в сельском хозяйстве. Записку Никиты Сергеевича по этому вопросу Президиум ЦК отозвал и обсуждение ее отложил. Хрущев, сказал Сулов, возомнил себя специалистом во всех областях: в сельском хозяйстве, дипломатии, науке, искусстве — и всех поучал. В ГДР он держался как в одной из областей СССР, учил немцев вести сельское хозяйство. Многие материалы, подготовленные аппаратом ЦК, Хрущев публиковал под своим именем.

В первой части этих упреков Сулов безусловно прав. Хрущев не страдал от избытка скромности и даже американскому кукурузоводу Р. Гарсту при посещении фермы сделал ряд «ценных» замечаний, с которыми тот не мог согласиться. Но второй упрек несправедлив и на фоне складывавшихся в аппарате ЦК традиций просто смехотворен. Многие послания и заявления Хрущева действительно готовил аппарат, но это и входило в его обязанности. Да и мыслимо ли, в 1963—1964 годах Никита Сергеевич все время активно работал, разъезжал по стране, принимал многочисленные государственные и партийные делегации, выезжал в Югославию, ГДР, Африку и т. п., организовывал встречи — и везде произносил пространные и обширные речи. Впрочем, другие руководители государства

* XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. I. С. 517.

тоже часто зачитывали заранее составленные помощниками речи. Тот же Суслов, выступая на пленумах ЦК, съездах компартий Востока и Запада, произносил речи, подготовленные для него аппаратом.

Здесь гораздо существеннее другой аспект: насколько тот или иной руководитель или государственный чиновник принимал участие в подготовке собственных выступлений, насколько слова, произносимые с официальных трибун, соответствовали направлению его собственных мыслей (если, конечно, таковые имелись). Несомненно, что Н. С. Хрущев гораздо в большей мере участвовал в создании и редактировании речей, чем Суслов. Не случайно, что в 70-е годы живая мысль и живое слово звучали с высоких трибун очень редко.

По свидетельству Суслова, рассылая членам Президиума записки, Хрущев требовал письменных заключений, давая для этого иногда лишь 40—45 минут. Никто не мог составить за столь короткий срок письменных заключений, и заседания Президиума превращались в формальность.

Вероятно, подобные случаи имели место, но не как правило, а как исключение. Хрущев не мог лишить членов Президиума ЦК права голоса, хотя бывали ситуации, как, например, в дни карибского кризиса, когда он был вправе требовать от них самого быстрого ответа на те или иные предложения.

На октябрьском Пленуме Суслов упрекнул Хрущева в том, что тот так запутал управление промышленностью, создав госкомитеты, совнархозы, что сегодня крайне трудно все это распутать. Промышленность же стала работать гораздо хуже, чем при прежних методах управления.

Этот упрек был справедлив, хотя опять-таки делать одного Хрущева ответственным за малопродуктивную работу и плохое управление — значит упрощать сло-

жившуюся кризисную ситуацию (не вникать в ее глубинные экономические причины), а также обходить вину других руководителей, в том числе и свою.

Суслов также заявил, что Н. С. Хрущев проводил неправильную политику ценообразования. Повышение цен на мясо, молочные продукты, некоторые промтовары ударило по материальному благополучию рабочих. Непродуманную политику вел Хрущев и в отношении животноводства, в результате чего было вырезано много коров и сократилось поступление мяса.

Михаил Андреевич был прав, обвиняя Хрущева за ошибки в животноводстве. Но если повышение цен на мясо и молочные продукты было признано неверным, то почему новые цены сохранились и после октябрьского пленума? Почему происходило повышение цен на многие промтовары и в 60—70-е годы?

Хрущев был неосторожен в своих выступлениях и беседах, продолжал критику Суслов. Никита Сергеевич в самом деле и в частных разговорах с корреспондентами и бизнесменами, и при встречах с главами государств, и с ораторской трибуны нередко говорил не только с излишней, но подчас и с обескураживающей откровенностью, в выражениях не стеснясь. Стенограммы любых бесед Хрущева тщательно редактировались и затем одновременно публиковались в зарубежной и отечественной печати.

Докладчик напомнил членам ЦК и о некоторых ошибочных решениях в области внешней торговли. По его словам, за 10 лет работы Хрущев не только ни разу не принял министра торговли, но и ни разу ему не позвонил.

Из примеров самоуправства Хрущева Суслов привел эпизод с Тимирязевской академией. Узнав, что там есть ученые, не согласные с его сельскохозяйственными рекомендациями, Никита Сергеевич решил выселить академию из Москвы, а ее факультеты расссе-

доточить по глубинке в разных местах. При этом он говорил: «Нечего им пахать по асфальту». Суслов сообщил, что члены Президиума ЦК не поддерживали Хрущева и под разными предлогами оттягивали переселение опальной академии.

Эти обвинения справедливы. Если перевод Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР на базу совхозов «Михайловское» и «Яхрома», расположенных в 100—120 километрах от Москвы, был очевидно ошибочной мерой, то попытка разрушить Тимирязевскую академию могла служить примером нелепого самоуправства и самодурства.

Критике подверглись многие другие аспекты сельскохозяйственной политики Хрущева. Выступая против паров, Никита Сергеевич снимал с работы директоров совхозов, которые оставляли в своих хозяйствах чистые пары, не считаясь с их доводами. Он хотел освободить от должности и первого секретаря ЦК КП Казахстана Кунаева, отстаивавшего чистые пары, снял министра сельского хозяйства К. Г. Пысина, не дав никаких разъяснений членам Президиума.

В последние годы Хрущев развернул ничем не оправданное наступление против приусадебного хозяйства колхозников. Он даже распорядился уменьшать и урезать приусадебные участки, что вызвало раздражение в деревне, так как отрезанные земли обычно ничем не засеивались и зарастали бурьяном. Хрущев предложил Академии наук СССР открыть вакансию для избрания академиком сторонника Лысенко Н. Нуждина. На заседании Академии наук А. Д. Сахаров отвел эту кандидатуру. Лысенко выступил в связи с этим с грубой речью и позже «пожаловался» Хрущеву. Тот был разгневан и заявил, что если Академия наук будет заниматься политикой, то «мы такую академию разгоним, она нам не нужна». Естественно, об этом стало известно в академических кругах. Да и Т. Д. Лысенко

уже был не столь влиятелен, как в те годы, когда его «защищал» М. А. Суслов. Во многих областях Хрущев предложил ликвидировать колхозы, ссылаясь на их нерентабельность, взамен же создавать государственные хозяйства. Между тем Суслов придерживался противоположного мнения, считая колхозы более прибыльными и производительными. В результате всего этого во многих районах личное хозяйство колхозников и рабочих совхозов деградировало до уровня более низкого, чем в 1953 году.

В заключение Суслов поставил уже риторический вопрос: «Могли ли раньше призвать Хрущева к порядку?» Оказалось, «члены Президиума это делали, предупреждали Хрущева, но, кроме грубого отпора и оскорблений, они ничего от него не слышали». Завершая свой доклад, Суслов сделал вывод, что смещение Хрущева — это проявление не слабости, а смелости и силы и должно послужить уроком на будущее*.

Сегодня, с расстояния прожитого времени, очевидно, что октябрьский Пленум и те, кто победил на нем, привели страну к нравственному, политическому и экономическому кризису. Но для Суслова смена власти означала возвышение и упрочение его позиций в руководстве партии. Необычная для него, решительная линия поведения и зачитанный на пленуме доклад были хорошо продуманными тактическими шагами. В глазах многих создавался ореол (пусть и весьма призрачный) принципиального, верного идеям «ленинского коллективизма» коммуниста, принципиального «борца за чистоту идеен». Это гарантировало Михаилу Андреевичу при начавшемся «распределении портфелей» одно из главных мест в высшем эшелоне власти.

* См.: Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии, М., 1989. С. 196—201.

БЕГ НА МЕСТЕ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ

Идеология в 70-е годы

После вынужденной отставки Н. С. Хрущева «обновленное» руководство партии уже не в первый раз провозгласило необходимость «коллективного руководства» и недопустимость возникновения какого-либо нового культа личности (было даже утверждено решение о запрещении совмещать важные посты в государстве: до этого Н. С. Хрущев помимо Первого секретаря ЦК КПСС был «по совместительству» и премьер-министром). Хотя Л. И. Брежнев и стал Первым, а с 1966 года — Генеральным (XXIII съезд партии единодушно «откликнулся» на выдвинутое Егорычевым предложение ввести или восстановить утраченный с «ленинских времен» титул) секретарем ЦК КПСС, он еще не пользовался на первых порах такой властью и влиянием, как в 70-е годы. Несмотря на прочность позиций, «отвоеванных» на октябрьском Пленуме, отношения Суслова с другими членами Президиума (а затем Политбюро) основывались на хорошо маскируемом соперничестве, на глубоком противостоянии. Но Михаил Андреевич на избранном тернистом пути был готов к борьбе.

Не меньшим, чем Суслов, влиянием пользовался в партийно-государственном аппарате А. Н. Шелепин. Именно между ними и развернулась острая закулисная борьба за положение в партии. К концу 1965 года казалось, что верх в этой борьбе берет молодой и более энергичный Шелепин, прозванный в партийном обиходе «железным Шуриком». Многие из личных друзей Шелепина похвалялись, что скоро именно он станет Первым секретарем ЦК. Однако опытный и осторожный Суслов, опираясь на поддержку Брежнева, сумел потеснить Шелепина, который стал не первым, а треть-

им секретарем. Это было началом краха его столь многообещающей карьеры. М. А. Суслов между тем добился и удаления из Секретариата ЦК своего бывшего конкурента — Л. Ф. Ильичева, функции которого были переданы П. Н. Демичеву. Специалист по химическому машиностроению, Демичев, может быть, удовлетворительно справлялся с обязанностями первого секретаря Московского горкома партии, но как секретарь по идеологии он оказался слабым, некомпетентным и безынициативным. Зато был исполнителен и гибок, доверительно прислушиваясь к мнению Суслова, проводил и отстаивал его линию. На XXIII съезде КПСС весной 1966 года многие наблюдательные делегаты сумели заметить, что именно Суслов и есть главный режиссер съезда.

Нелегким оказалось «приспособление» Суслова к новому лидеру партии — Л. И. Брежневу, тот был поначалу весьма самостоятелен и строптив. Михаилу Андреевичу пришлось столкнуться и с некоторыми протезе Брежнева. Его новым противником в ЦК оказался выдвиженец Леонида Ильича С. П. Трапезников, назначенный заведующим Отделом науки и учебных заведений. Трапезников возглавил не только этот важнейший отдел ЦК, но и кампанию за реабилитацию Сталина, которая все интенсивнее проводилась в 1965—1966 годах. Суслов сумел использовать это чрезмерное рвение в собственных интересах. Тогда он был против резкого изменения курса, осознавая, что общественное мнение к нему не подготовлено. Как искусственный идеолог, он был сторонником постепенного, медленного процесса реабилитации. Так и случилось в дальнейшем.

Итак, не считая в середине 60-х подобную реабилитацию целесообразной или, во всяком случае, своевременной, Суслов не стал поддерживать сторонников Трапезникова. Напротив, сдерживал их.

В 1966 году пять докторов исторических наук, среди которых был и А. М. Некрич, направили Суслову письмо с подробным и обоснованным протестом против попыток «воскрешения» Сталина. Помощник Суслова В. Воронцов сообщил авторам послания, что с его содержанием Михаил Андреевич согласен и что ответ на него будет дан на XXIII съезде КПСС. Однако на съезде Суслов не выступал, так же как и многие другие члены Президиума ЦК. Вообще аудитория XXIII съезда стала последней, слышавшей идеологические рассуждения Суслова. После 1964 года ему не было особой надобности в публичном утверждении своих взглядов. Он предпочитал скрытое, опосредованное влияние через чужие голоса и чужие руки. Поэтому на последующих партийных форумах, неизменно занимая место в президиуме, Суслов лишь иногда вел собрание, выполнял ритуальные, представительские функции (зачитывал поздравления и приветствия, как, например, на XXVI съезде).

Когда в следующем после XXIII съезда, 1967 году в Комитете партийного контроля решался вопрос об исключении А. М. Некрича из партии, Суслов отказал историку в личной аудиенции и демонстративно не стал вмешиваться в дела КПК. Как победа набравших силу сталинистов над более умеренными кругами партийного руководства была воспринята и замена главного редактора «Правды» А. М. Румянцева, вокруг которого еще раньше образовалась группа талантливых публицистов и журналистов.

В том же году Суслов настоял на смещении председателя КГБ В. Е. Семичастного, близкого друга Шелепина. Поводом для этого послужил побег в США дочери Сталина С. Аллилуевой и неудачные попытки КГБ вернуть ее в СССР. Председателем КГБ был назначен Ю. В. Андропов, который до этого работал под руководством Суслова, возглавляя один из междуна-

родных отделов ЦК КПСС. Думается, что это назначение не случайно. Это подтверждает и Ф. Бурлацкий, много лет проработавший с Ю. В. Андроповым: «Андропова Суслов не любил и опасался, подозревая, что тот метит на его место»*.

Суслова очень испугали события в Чехословакии 1967—1968 годов. Ему казалось, что в этой стране происходит то же самое, что в Венгрии в 1956 году. Суслов не мог понять и смириться с возможностью каких-либо демократических преобразований в устоявшейся единой авторитарно-бюрократической модели социализма (провозглашение существования различных вариантов социалистического развития оказалось лишь пустой фразеологией). Принесенный «пражской весной» лозунг «социализма с человеческим лицом» был расценен Сусловым как влияние буржуазных, оппортунистических теорий. А отказ руководства Чехословакии от диктата компартии и коммунистической идеологии, стремление к расширению гражданских и общественных прав, к экономическим преобразованиям воспринимались как попытка реставрации капитализма.

Принятие решения сопровождалось пропагандистской кампанией, твердившей о возраставшем экстремизме, готовящихся расправах над коммунистами и т. п. В этом узкодогматическом пространстве и был разрешен вопрос о вводе войск Варшавского Договора на территорию Чехословакии. Суслову и его сторонникам пришлось столкнуться с незначительным сопротивлением на Политбюро. Большинство было «за». В оправдание этой насильственной, осужденной сегодня акции была разработана (не без участия Суслова) теория так называемого «общего пространства и общих интересов» социалистической системы, соглас-

* Бурлацкий Ф. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... С. 179.

но которой национальные интересы отдельного государства не могли быть выше интересов всего социалистического лагеря. Это означало, что возникновение «угрозы» социализму в одной из стран оправдывало вмешательство извне для защиты имевшихся «завоеваний».

Мы уже не раз ссылались на «глубокое» знание «главным идеологом» страны марксистских первоисточников. Суслов любил цитировать, используя тщательно подобранные к каждому конкретному случаю полновесные цитаты. В годы культа личности в ряду авторитетных высказываний первое место занимали, естественно, ссылки на Сталина, щедро сопровождавшиеся восторженными эпитетами, но при случае Михаил Андреевич мог «щегольнуть» (правда, в более скромной «аранжировке») цитатой из Кагановича, Берии, Калинина. В 60-е годы в ход пошли ссылки на Хрущева, но особенно возрос авторитет ленинского слова. Ф. Бурлацкий вспоминает характерный случай: он с коллегой представил Суслову предназначенную для его выступления статью. Михаил Андреевич счел нужным «оснастить» ее подходящими цитатами из Ленина: выдвинул ящик обширной личной картотеки с тщательно подобранными и расписанными на все случаи жизни изречениями Владимира Ильича. После недолгих поисков нужные «мысли» были найдены.

Но начитанность и осведомленность Сулова в трудах классиков марксизма-ленинизма были поверхностными, отражали тот общий схоластический и догматический подход к Марксу и Ленину, который доминировал в советской идеологии, исключая всякое творческое отношение к их наследию. В 1969 году произошел «скандальный» случай, весьма типичный.

С конца года началась подготовка к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Как извест-

но, большая часть интенсивной идеологической работы в 60—70-е годы сосредоточивалась вокруг подобных юбилеев и праздничных дат. Нередко это был повод к очередному пересмотру или поправкам к отечественной истории. Естественно, что Ленинский юбилей предполагалось отметить особенно торжественно. Большая группа работников аппарата ЦК КПСС и несколько научно-исследовательских институтов задолго начали подготовку большого доклада, который собирался произнести «верный ленинец» Л. И. Брежнев. Этот доклад должен был и сам по себе стать важнейшим и определяющим на ближайшее время событием в жизни партии и страны. Почти весь предъюбилейный год Институт марксизма-ленинизма трудился и над другим документом — Тезисами ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина (таково было полное официальное название). Эта работа намечала общее направление пропагандистской подготовки юбилея. Изучение сформулированных там идей предполагалось сделать главным предметом обсуждения для всей разветвленной сети партийного просвещения: в документе содержались итоговые оценки основных этапов развития Советского государства, КПСС и международного рабочего движения.

Работа над тезисами была завершена к концу 1969 года, и 23 декабря в газете «Правда», других центральных органах печати они были опубликованы. В сущности, готовил этот документ не только Институт марксизма-ленинизма. Уже после завершения «черновой» работы большая группа сотрудников разных отделов ЦК КПСС в течение двух-трех месяцев дорабатывала текст. Совершенствование тезисов происходило не в помещении ЦК, а на специально отведенной государственной даче в Подмоскovie. В этом затворничестве прорабатывался и тщательно обсуждался и

каждый тезис в отдельности, и каждая фраза этого довольно пространныго документа.

Как раз, по стечению обстоятельств, в архиве Института марксизма-ленинизма был обнаружен листок, написанный рукой Ленина и содержащий крайне важные, по мнению работников института, теоретические положения. Конечно, об этой любопытной многообещающей находке было немедленно доложено не только заведующему Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникову, но и непосредственно самому Сулову. Последний всегда одобрял своевременные «сюрпризы». Отметив несомненную важность обретенного ленинского документа, «главный идеолог» распорядился положить его в основу одного из готовившихся юбилейных тезисов. Это и было выполнено при составлении тезиса под номером 14, посвященного задачам пролетариата развитых капиталистических стран. В публикации «Правды» от 23 декабря этот тезис можно было прочесть в следующей редакции: «Основную революционную силу в развитых капиталистических странах составляет рабочий класс, борющийся против империализма в его цитаделях. Ленин высоко оценивал пролетариат индустриальных государств, отмечая, что это «наша главная надежда, наш главный устой» (Т. 37. С. 363)...

В наброске плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна Ленин отметил пять «социальных факторов силы» рабочего класса: 1) число, 2) организованность, 3) место в процессе производства и распределения, 4) активность, 5) образование. С тех пор как Ленин (разрядка наша.— Авт.) высказал эту мысль, численность рабочего класса резко увеличилась, неизмеримо повысилась его организованность и политическая активность, общеобразовательная и профессиональная подготовка. Под воздействием самой капиталистической действи-

тельности все большее число рабочих новых профессий и интеллигенции, связанных с обслуживанием передовой техники, осознают свою полную зависимость от государственно-монополистической системы, убеждаются в необходимости замены капитализма новым общественным строем, вливаются в антиимпериалистический поток».

При обсуждении тезисов перечисленные выше «пять социальных факторов силы» рабочего класса ни у кого не вызвали возражений, не породили никаких сомнений. Наоборот, некоторые из академиков (в области общественных наук), принимавшие участие в обсуждении документа, предлагали «расширить», «развернуть» эти «факторы». А между тем для всякого, кто знаком с произведениями Ленина не по отдельным цитатам, должно было бы показаться странным (если не абсурдным) приписывание Ленину слов, ему никогда не принадлежавших и тем более не характерных для его политической линии. Дело в том, что Владимир Ильич всегда решительно возражал против попыток меньшевиков связать вопрос о революционных возможностях пролетариата в системе капиталистического производства с его численностью или образованием. Ленин считал, что само положение пролетариата в капиталистическом обществе дает ему решительное преимущество и перевес над другими социальными силами. Поэтому даже сравнительно малочисленный российский пролетариат может победить буржуазию, объединив вокруг себя беднейшее крестьянство. Капитализм и капиталисты, говорил также Ленин, будут всегда стараться оставить рабочий класс необразованным. Поэтому партия пролетариата должна вначале взять власть в свои руки и наряду с другими задачами позаботиться о подлинном образовании всех трудящихся, и рабочего класса в особенности. (Мы здесь не обсуждаем верность ленинских оценок и выводов.)

Конечно, социальная обстановка в развитых капиталистических странах в 60—70-х годах XX века существенно отличалась от той ситуации, которая складывалась до 1917 года в царской России и Западной Европе. Притупилась поэтому бывшая острота некоторых споров и дискуссий. И вовсе не вопрос о численности и образовании рабочего класса как факторах социалистической революции разделял в 1969-м, да и в 1989 году коммунистов и социал-демократов Западной Европы. Но в 1920-м проблемы, вошедшие в злополучный 14-й тезис, были одним из главных предметов споров и разногласий между коммунистами и социал-демократами. И людям, знакомым с дискуссиями тех лет, было бы просто невозможно представить, чтобы Ленин сказал что-либо в поддержку или защиту вышеперечисленных «социальных факторов силы».

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина не было ранее опубликовано упомянутого в Тезисах ЦК «наброска плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна», что и позволило руководству Института марксизма-ленинизма заявить о важной для теории находке. Было объявлено, что набросок вместе с другими прежде не публиковавшимися ленинскими документами будет включен в готовящийся очередной Ленинский сборник, издание которого также было приурочено к апрелю 1970 года. Никто из составителей Ленинского сборника не выразил по поводу публикаций никаких сомнений — ведь памятная, хотя и нехарактерная для ленинских взглядов и стиля фраза о «пяти социальных факторах силы» была действительно написана рукой Ленина.

Однако специалистам по ленинскому наследию было ведь хорошо известно, что Владимир Ильич, особенно после Великой Октябрьской революции, никогда не писал полного текста своих речей и докладов, даже на очень важных и ответственных форумах партии.

Обычно он набрасывал схематичный план, излагая в нем собственные мысли и идеи в сокращении, впрочем, как и мнения оппонентов по конкретному вопросу. Можно было поэтому предположить, что неожиданно вновь обнаруженная ленинская запись касательно «факторов силы» была обыкновенной выпиской или цитатой какого-либо другого выступления или работы. Проверить это было вовсе не затруднительно. Нужно было лишь повнимательнее прочесть застенографированный и выправленный полный текст доклада Ленина на II конгрессе Коминтерна, который был опубликован в 31-м томе 4-го издания его Собрания сочинений. Однако по совершенно непонятным причинам эта элементарная мысль не посетила никого из многочисленных «доверчивых» составителей и «сочинителей» Тезисов ЦК. Никто не провел обыкновенной для всякого автора или редактора сверки.

В ленинский том заглянули гораздо позже, когда Тезисы ЦК КПСС были широко опубликованы 23 декабря в большинстве советских газет, а через сутки — в большинстве центральных газет социалистических стран. По нашим данным, первый запрос или недоуменный протест пришел из бывшей ГДР, где, как оказалось, знают хорошо не только тексты самого Ленина, но и немецких теоретиков социал-демократического направления. Составители Тезисов ЦК КПСС, пережив неприятный конфуз, заглянули наконец в ленинский том и с глубоким изумлением и тревожным смятением обнаружили, что слова о «социальных факторах силы» принадлежат вовсе не «вождю мировой революции», а его часто критикуемому оппоненту — австрийскому социал-демократу Отто Бауэру. Это оказалась всего лишь цитата из книги О. Бауэра «Большевизм или социал-демократия?», само название которой говорило о позиции автора. Ленин сделал необходимую выписку из Бауэра, чтобы категорически и

решительно возразить оппоненту, причем с такой резкостью, которая была присуща Владимиру Ильичу. Вот что в действительности сказал Ленин в своем докладе: «Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажите, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма... такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно бы предлагать на «экзаменах» для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задачи решить не можете, вы еще не коммунист и вам лучше не входить в коммунистическую партию.

Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую, — если бы мы свободно распоряжались в Вене, — мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. Применение насилия в классовой борьбе современных демократий — изрек О. Бауэр — было бы «насилом над социальными факторами силы».

Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно? Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров *можно* довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мещанства, и вы получите «теорию», что «социальные факторы силы», это — число, организованность, место в процессе производства и распределения, образование»*.

Наверное, у многих от ленинского подлинника засосало под ложечкой или защемило в левом боку, а кто-то с надеждой вспомнил, что 30-е уже миновали. И было отчего: рассуждения Отто Бауэра, которые

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 230; его же. Сочинения. 4-е изд. Т. 31. С. 204—205.

Ленин полагал выражением сути современного ему оппортунизма, которые он считал опошлением марксизма и продуктом немецкой разновидности мещанства, составители Тезисов ЦК КПСС приписали самому Ленину.

Что было делать? Никто, конечно, не подумал открыто признать вопиющую ошибку. Ведь это бросало тень не только непосредственно на «виновника», отвечавшего за формулировку 14-го тезиса, — Эрика Пантелеевича Плетнева, работавшего консультантом в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС. Э. П. Плетнев был только «стрелочником». А как быть со всеми другими составителями юбилейного документа? Ведь тезисы неоднократно и обстоятельно обсуждались. Как быть с Трапезниковым, который мнил себя знатоком ленинизма? А главное — как должен был вести себя «ведущий идеолог» страны, славившийся с давних пор «отменным знанием» высказываний классиков, бдительно хранивший чистоту марксистской мысли и обладавший повышенной чуткостью ко всяким разновидностям оппортунизма? Как объясняться на Политбюро?

Решили никого не наказывать и исправить ошибку без всякой огласки и лишнего шума. Газеты опубликовали обновленные Тезисы ЦК КПСС. Без всяких «социальных факторов силы» они появились в журнале «Коммунист», а позднее были выпущены отдельной брошюрой. И все участники истории постарались побыстрее забыть этот неприглядный, но поучительный эпизод.

Как мы отмечали выше, с тезисами было связано не только курьезное происшествие; это был документ, многие положения которого делали еще один шаг (согласно тактике, избранной Сусловым) в прошлое сталинизма. Как была воспринята публикация тезисов, красноречиво свидетельствует в своем дневнике

А. И. Кондратович (в 1969 году — заместитель А. Т. Твардовского по журналу «Новый мир»): «Опубликованы Тезисы ЦК к столетию Ленина. Удручающе длинный, пустословный документ, отличающийся, впрочем, одной характерной для нашего времени особенностью. Кажется, что писали его две разных руки (вот пресловутая объективность Суслова.— *Прим. авт.*). Одна — одно, другая — совершенно иное. Как две струи: одна вода горячая, другая столь же холодная. А. Т. (Твардовский.— *Авт.*): «И струи эти никак не соприкасаются...» Я прочитал А. Т. фразу: «Партия отвергает любые попытки направить критику культуры личности и субъективизма против интересов народа и социализма, в целях очернения истории социалистического строительства, дискредитации революционных завоеваний, пересмотра принципов марксизма-ленинизма». А. Т. даже потемнел, услышав это, и я сразу подумал, что он думает о своей поэме (имеется в виду «По праву памяти», увидевшая свет в СССР лишь в 1987 г.— *Прим. авт.*). Теперь ей полная крышка. «Любые попытки,— сказал, покачивая головой.— Так это значит — ничего нельзя»*.

Проводя линию постепенной, осторожной реабилитации, Суслов в конце 1969 года не поддержал уже почти полностью подготовленный проект реабилитации Сталина в связи с его 90-летием. Однако тот же Суслов фактически руководил разгоном тогдашней редакции «Нового мира» — журнала, который выражал настроения наиболее прогрессивной части советской творческой интеллигенции, упорно отстаивал линию XX съезда. Когда главный редактор журнала А. Т. Твардовский сумел связаться с Сусловым по телефону и выразил ему свой протест, Суслов спокойно

* Кондратович А. Последний год // Новый мир. 1990. № 2, С. 222.

ответил: «Не нервничайте, товарищ Твардовский. Делайте так, как советует вам Центральный Комитет». Впрочем, у этого отчаянного поступка была своя предыстория, на которой следует остановиться подробнее.

Александр Трифонович Твардовский сталкивался с Суловым не однажды. О многих из этих памятных встреч он рассказал в воспоминаниях. Одна из них произошла в 1958 году, еще во времена Хрущева. Была развернута кампания против Комитета по Ленинским премиям, куда входил Твардовский, не присудившего высокой награды в области литературы никому. Это возмутило Сулова. Как принято, организовали письмо работников завода «Серп и Молот» с протестом; оно появилось в «Правде» 24 апреля под заголовком «Достойно оценить достижения литературы и искусства». Выдвигалось требование пересмотреть решение. Вот отрывки из «рабочих тетрадей» Твардовского 1958 года: «28. IV. Новости: кампания в газетах против Ленинского Комитета. Дело представляется фокусом нынешних обстоятельств в искусстве. Комитету предлагают, по существу, «передумать», признать ошибкой свое решение. Если так произойдет, это будет зловещим делом, и я всерьез думаю, что тогда я должен буду уклониться от журнала, тогда это будет делом безнадежным начисто... 6.V. ...Третьего дня на Комитете — изготовление письма. Вчера у Сулова — победа правого дела, похвалы «мужеству и стойкости» Комитета, чувство удовлетворения (выступал первым после Тихонова, обошедшего как-то всю остроту положения и приумолкнувшего после слов Сулова: «А может быть, учесть замечания общественности?»). Сулов при прощании: — Я не мог сказать вам при всех (почему?), но теперь скажу, что мне очень нравится все, что вы делаете последнее время. Вы, оказывается, и в прозе... и т. п. Да, у вас идет накопление на

Ленинскую, — сказал он еще при Фурцевой (министр культуры СССР в те годы. — *Прим. авт.*), полагая, что больше всего этим меня осчастливит»*.

После 1964 года Сулов становится самым могущественным противником «Нового мира», нравственной и литературной позиции, отстаиваемой журналом. Проследим это обострявшееся с годами противостояние глазами очевидца — А. Кондратовича. Уже близко к «развязке» событий, в 1969 году, он писал: «Мы вроде смертника. Нам терять нечего. И в этом наше великое преимущество: мы можем разговаривать так, как мы думаем. Это удивляет, обескураживает начальство и заставляет их побанваться нас. Стань мы немножко другими, начни подлаживаться — и нас тут же растопчут. А нас боятся растоптать, хотя очень хотят и скорее всего когда-нибудь сметут. Но тоже со страхом и опаской...»** Нараставшее с годами противостояние принимало различные формы: рукописи, публиковавшиеся в журнале, подвергались жесточайшей и нелепой цензуре, а некоторые, несмотря на все усилия редакции, натыкались на глухую стену безразличия (так было, например, с «Раковым корпусом» А. Солженицына и с поэмой «По праву памяти» А. Твардовского). Избранная журналом линия подвергалась нападкам — помимо критических выступлений, вроде «письма одиннадцати», опубликованного в «Огоньке», позиции «Нового мира» единодушно отвергались «трудящимися»: организовывались письма таксистов, рабочих, осуждавших Твардовского. Несомненно, журнал, сложился как коллектив единомышленников, и поэтому, не затрагивая непосредственно слишком заметную и независимую фигуру

* *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953—1960) // *Знамя*. 1989. № 8. С. 175—176.

** *Кондратович А.* Последний год // *Новый мир*. 1990. № 2. С. 197.

Твардовского, борьбу вели с редакцией, настаивая на необходимости кадровых перестановок. Первый организационный кризис возник еще в 1966 году, когда были освобождены от должностей Закс и Дементьев. Тогда вопрос об отставке Твардовского еще остро не стоял, и Кондратович вспоминает, как «А. Т. минут 20 пререкался с Сусловым, отказываясь работать, когда без его ведома и согласия убирают работников (Дементьева и Закса), и тот угрожал партийной дисциплиной, которая обяжет А. Т. остаться на посту».

В начале 1969 года еще сохранялось видимое хрупкое равновесие: «А. Т. рассказал, со слов Симонова, что недавно в Ленинграде выступал Демичев (секретарь ЦК.— *Прим. авт.*). И ему в ряду других были заданы два вопроса: «Что вы думаете делать с Солженицыным?» Ответ: «Мы с ним боремся, противодействуем его влиянию». Вопрос: «Собираетесь ли вы что-то делать с «Новым миром»?» (Разгонять — подразумевалось.) «Это дело сложное,— ответил Демичев.— Во-первых, в редколлегия этого журнала входит выдающийся писатель, первый секретарь Союза писателей Федин. Во-вторых, у этого журнала есть одна особенность: они умеют находить новые таланты». «И в-третьих,— добавил, смеясь, А. Т.,— я понял так, что пусть они выявят нам несколько талантов, а то еще маловато, и тогда-то мы их и прикроем»*.

Помимо Демичева, исполнявшего волю Суслова, были задействованы влияние и возможности Союза писателей, именно там в конце 69 — начале 70-го встал вопрос о кадровых изменениях в «Новом мире». Продолжая отстаивать журнал, Твардовский понимал всю безвыходность положения. После разговора с К. В. Воронковым (оргсекретарем СП СССР), в кру-

* Кондратович А. Последний год // Новый мир. 1990. № 2. С. 196.

гу друзей «А. Т. доказывал им, что сопротивляться бесполезно. «Все согласовано. Воронков не будет говорить, ссылаясь на Петра Нилыча (Демичев.— *Прим. авт.*). Он — чиновник, и он знает, что такие ссылки нельзя делать. А Демичев тоже трусит и тоже согласовал. Что в таком случае делать? Идти против силы?.. Дальше оставаться нельзя, да я и не останусь, если меня оставят: журнал мы все равно не сможем делать. Это ясно. То, что происходит сейчас,— всерьез и надолго...»*

Итак, в феврале 70-го на секретариате Союза писателей СССР в отсутствие Твардовского было принято решение об укреплении редколлегии и аппарата журнала: были освобождены Кондратович, Лакшин, Виноградов, Марьямов, Сац. Твардовский подал давно уже заготовленное прошение об отставке, может быть, в глубине души еще надеясь на этот последний прозрачный шанс. После некоторого молчания отставка была принята. А Суслов, как известно, посоветовал Твардовскому не нервничать и довериться ЦК.

В те годы нередко запрещалась продажа книг, весь тираж которых уже был отпечатан. Обращаясь к Сулову, издательские работники ссылались на большую проделанную работу и значительные затраты. «На идеологии не экономят», — лаконично отвечал в таких ситуациях Суслов. И вместе с тем в идеологических вопросах он был не только догматичен, но часто крайне мелочен, упрям. Именно Суслов через своего помощника В. В. Воронцова решал вопрос о том, где именно нужно создать музей Маяковского (?) и «кого больше любил» поэт в конце 20-х годов: Лилю Брик, которая была еврейкой, или русскую Татьяну Яковлеву, жившую в Париже. В 16-м номере «Огонька» за 1968 год появилась статья В. Воронцова и А. Колос-

* *Кондратович А.* Последний год // Новый мир. 1990. № 2. С. 207.

кова «Любовь поэта», посвященная личной жизни Маяковского. Многие события, факты, цитаты были тенденциозно, намеренно искажены. Статья вызвала справедливое возмущение. С. Кирсанов обратился в секретариат Союза писателей с просьбой осудить публикацию. К. Симонов направил письмо в «Литературную газету». За этим последовали новые статьи в «том же духе» А. Колоскова уже без подписи В. Воронцова, которая по понятным причинам была снята. По исходящим из аппарата Суслова (а возможно, и лично от «главного идеолога») указаниям запрещены были публикации возмущенных писем читателей и фильмы С. Юткевича о Маяковском, где в кадрах появлялась Л. Брик*.

Суслов был ярким противником публикации мемуаров Г. К. Жукова, и из-за этого работа над ними продвигалась крайне медленно, что стоило Жукову по крайней мере одного инфаркта. В рукопись книги вносились произвольные изменения, порой вставлялись не только фразы, но и целые страницы, написанные отнюдь не рукой прославленного маршала. С другой стороны, многие куски из рукописи изымались. Вот что вспоминает о существовавшей «редактуре» Д. Волкогонов: «Было время, когда в отделе печати Главпура в соответствии с высокими указаниями Суслова и его аппарата просматривались все мемуары. Мне приходилось говорить с людьми, которые в 50-е, 60-е годы и позже знакомились с воспоминаниями военачальников. Рукописи долго ходили «по кругу» в высоких инстанциях, и авторам было хорошо известно, что можно писать, а что нельзя. Прежде всего благодаря фильтру в книги не попадали факты, выводы, события, статистика, наблюдения, размышления,

* См. подробнее: Катанян В. «Операция «Огонек» // Книжное обозрение. 1989. № 43. С. 6, 8—9.

оценки, которые могли «очернить» нашу историю. И история выглядела вполне благополучной» *.

И это касалось не только войны. Еще на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС в вину Хрущеву, в частности, вменялась поддержка Лысенко, без которой тот был бы бессилен. В дальнейшем, однако, Политиздат выпустил (и переиздал) книгу Н. П. Дубинина «Вечное движение», в которой трагические события, происходившие в генетике в 40—50-е годы, объяснялись «искренними заблуждениями» «народного академика». Такой нейтральный, сглаживающий острые проблемы подход к недавнему прошлому был поддержан Сусловым, для которого это было и его собственным прошлым. В этом плане весьма характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях И. Шатуновский. После октябрьского Пленума Суслов распек и снял главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова за то, что тот поместил в газете за последний год 283 снимка Хрущева, в то время как в последний год жизни Сталина было напечатано лишь девять его изображений **.

Мы не знаем, думал ли Суслов о том, что он может возглавить со временем партию? Однако усиление личной власти Брежнева и расширение его аппарата, независимость многих его действий и выступлений вызывали раздражение Суслова. В конце 1969 года на пленуме ЦК Брежнев произнес речь, в которой подверг резкой критике многие недостатки в хозяйственном руководстве и в экономической политике. Эта речь была подготовлена его помощниками и референтами и не обсуждалась предварительно на Политбюро. Здесь не было никакого нарушения норм «коллективного руководства», поскольку основным докладчи-

* Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 1. С. 345.

** См.: Шатуновский И. Человек в футляре // Огонек. 1989, № 4. С. 28.

ком на пленуме был не Брежнев, он выступал лишь в прениях по докладу. Тем не менее эта речь была воспринята как директивная. Суслов усмотрел в этом угрозу собственной власти. После пленума Суслов, Шелепин и Мазуров направили в ЦК КПСС письмо, в котором критиковали некоторые положения речи Брежнева. Предполагалось, что возникший спор будет обсужден на весеннем пленуме ЦК. Слухи о зреющем конфликте «просочились» в зарубежную печать. МИД был вынужден выступить с официальным опровержением. Пленум так и не состоялся. Брежнев заранее заручился поддержкой наиболее влиятельных членов ЦК, и Суслов, Шелепин и Мазуров сняли свои возражения. Шелепин еще продолжал по ряду вопросов выступать против Брежнева, пытаясь усилить свое влияние в руководстве. В результате он был вначале перемещен на руководство профсоюзами, а затем и вовсе удален из Политбюро. Суслов, всегда избегавший открытой конфронтации, перестал выступать с какими-либо новыми претензиями. Он избрал путь медленного, постепенного усиления своего влияния, в чем и добился к середине 70-х годов значительного успеха.

Ввод войск Варшавского Договора в Чехословакию и расправа с «пражской весной» в 68-м, разгон «Нового мира» в 1970-м — два важных рубежа, две разграничительные вехи, за которыми уже отчетливо проявилось масштабное наступление сил, до тех пор действовавших скрыто и разрозненно. Начинается явный, ничем не стесненный процесс реакции и «загнивания». Вся идеологическая жизнь в стране все жестче контролировалась Сусловым и его аппаратом. Конечно, при желании, непредвзято можно отметить некоторые успехи в разных областях науки и культуры в 70-е годы. Но это были отдельные живые ростки на засоряемом, разоренном и неплодоносящем поле куль-

туры. В целом наблюдался не столько рост и развитие общественной мысли и искусства, сколько их архаизация, стремительное движение вспять, в «эпические» 30-е. Если 60-е были временем надежды, временем многих перспективных начинаний во всех областях культуры, искусства, общественных наук, то уже к концу десятилетия «живой пульс» стал затихать и еле был слышен в 70-е, заглушенный шумом парадных речей, пустых славословий и фальшивых монументальных книг.

Этим мы во многом обязаны руководству Суслова. Для интеллигенции, для всех, кто причастен к творчеству, это было глухое десятилетие испытаний и гражданских поступков. Подлинная творческая индивидуальность опять пробивалась сквозь толщу догм, стереотипов и бдительных охранительных окриков. Так было с фильмами и рассказами В. Шукшина, с романами Ю. Трифонова, с «Канунами» В. Белова, с песнями В. Высоцкого и музыкой А. Шнитке. Опять все истинно художественное развивалось вопреки системе, а не благодаря ей.

Собственный творческий потенциал Суслова оказался поразительно ничтожен. И хотя при жизни и в некрологе его именовали «крупным теоретиком», на самом деле он не внес в марксистскую теорию ничего нового, не сказал здесь ни одного оригинального слова. За свою 35-летнюю деятельность на ответственных постах в ЦК партии Суслов не написал ни одной книги, и все его «сочинения» уместились в трех не слишком больших по объему томах. Но что это за труды? Читать их подряд невыносимо скучно, одни и те же выражения и идеологические штампы «кочуют» из одной речи в другую. Суслов как будто сознательно избегает ярких мыслей и сравнений, он не употребляет шуток, и его выступления почти никогда не сопровождаются ремарками вроде: «смех», «громкий

смех», «движение в зале», «оживление» и т. п. * Да и что мы найдем в собрании его сочинений из трех томов, выпущенных в 1982 году?

Его речи как секретаря Ростовского обкома и Ставропольского крайкома — это обычные выступления рядового работника: о воспитании молодежи комсомолом, о долге народного учителя нести в народ свет знаний, о важности своевременной и хорошей обработки земли, о необходимости добровольно работать для фронта и храбро сражаться против фашистов. К тому же все это речи-близнецы, из них напрочь убран колорит эпохи, они выхолощены и «оскоплены» современной «объективистской» правкой. Об истинных мыслях и словах Суслова «сталлинской эпохи» они общат мало достоверного.

Сделавшись ответственным работником ЦК КПСС, Суслов не сказал ничего глубокого и значительного. Добрых два десятка речей были произнесены им при вручении орденов Саратовской, Черновицкой, Павлодарской, Ульяновской, Ленинградской, Новгородской, Тамбовской областям, городам Одессе, Брянску, Ставрополю и другим. Все это были так называемые речи «на случай», готовившиеся сотрудниками аппарата ЦК и соответствующего обкома. Множество таких же заранее подготовленных аппаратчиками речей Суслов произнес на съездах зарубежных компартий. Не отличались оригинальностью и его традиционные речи перед избирателями различных округов, от которых он баллотировался в Верховный Совет СССР и РСФСР. Большое место в «творческом наследии» Сус-

* Любопытно, что один из главных помощников Суслова — В. Воронцов был собирателем поговорок и афоризмов. Но при подготовке речей Суслова ему практически не удавалось вставить в тексты что-нибудь интересное из своей коллекции. Вообще составители речей Суслова отмечают, что он очень редко вносил какие-либо существенные изменения, разве что исключал некоторые фразы и абзацы.

лова занимают юбилейные доклады — в годовщины смерти или рождения Ленина, в годовщины Октябрьской революции, к 70-летию II съезда РСДРП и 40-летию VII конгресса Коминтерна, к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. Если основную речь к тому или иному юбилею произносил Брежнев, то Суслов обычно публиковал по этому поводу статью в журнале «Коммунист». Неинтересны и доклады, которые Суслов регулярно делал на Всесоюзных совещаниях идеологических работников или преподавателей общественных дисциплин. Как правило, он всегда обходил наиболее интересные и злободневные вопросы, избегал самостоятельных оценок. К тому же, готовя свои выступления для публикации в сборниках, Михаил Андреевич тщательно их редактировал. Он полностью убирал как порицания, так и критику и Сталина и Хрущева, исключал примеры «подрывной деятельности» участников «антипартийной группировки», в частности Молотова.

Неудивительно, что сборники речей и статей Суслова почти не пользовались спросом в книжных магазинах. Первый тираж в 100 тысяч экземпляров не расхотелся более двух лет, хотя эти книги продавались в любом книжном киоске. Для нашей страны это очень небольшой тираж, так как в Советском Союзе тогда имелось не менее миллиона работников, профессионально занимавшихся проблемами идеологии и общественными науками. Вероятно, не более 20—30 тысяч преподавателей и пропагандистов истратили 2 рубля для приобретения в свои личные библиотеки томов Суслова. Не слишком впечатляющий результат многолетней деятельности «главного идеолога» партии!

Вместе с тем и в урезанном виде эти «сочинения» несут отпечаток, «слепок» личности автора (даже факт их редактуры говорит о многом).

Несмотря на скудность теоретического багажа, издание избранных сочинений Суслова не прошло незамеченным для читателя. В «Правде» 11 мая, 1977 года появилась статья «Верной ленинской дорогой» с подзаголовком «К выходу в свет двухтомника речей и статей М. А. Суслова «На путях строительства коммунизма». Безымянный обозреватель отмечал парадоксальную вещь: доклады и речи Суслова, относящиеся к различным этапам деятельности партии, собранные вместе, представляли собой единое целое. А смысл этого «целого» состоял в следующем: «В произведениях, включенных в двухтомник, раскрываются последовательность и целеустремленность теоретической и политической, организаторской и идейно-воспитательной деятельности КПСС, опирающейся на незыблемые принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма».

В рецензии (если убогий дифирамб можно отнести к этому жанру) Суслов предстал вдохновенным и глубокомысленным теоретиком. Особенно был отмечен его вклад в развитие теории «развитого социалистического» общества: «...важное значение ныне имеет творческая разработка нашей партией актуальных теоретических и практических проблем развитого социалистического общества, составляющего... закономерный этап в становлении коммунистической формации. В статьях, докладах и выступлениях М. А. Суслова проблемы зрелого социализма занимают центральное место. Для развитого социалистического общества характерны «могучий взлет... экономики и систематическое повышение материального и культурного благосостояния советских людей». Вступление советского общества в этап развитого социализма означает «начало непосредственного созидания материально-технической базы коммунизма», «динамичное развитие общественных отношений, укрепление спло-

ченности всех классов и социальных групп, братской дружбы и сотрудничества всех наций и народностей великой Советской Родины». Думается, сегодняшний читатель за лавиной обрушившейся на него современной фразеологии уже поотвык от этого «сладостного» фарисейства. Тем не менее действительно Михаил Андреевич был одним из родоначальников понятий «развитой» и «реальный социализм», служащих образцом уклончивости и неопределенности в теории. Впрочем, различие между «реальным» и «развитым» и в те годы под силу было объяснить лишь самым изощренным схоластам; теперь же оно и вовсе утратило всякую актуальность.

Еще одним весомым теоретическим новшеством Суслова стало внедрение в общественное сознание понятия «советский народ». Впрочем, помимо новаторских идей, Михаил Андреевич отстаивал и «развивал» уже сложившиеся, традиционные положения марксистско-ленинского учения. Как свидетельство его зрелой и принципиальной мысли автором рецензии был выделен подход к вопросу «о роли партии в современных условиях»: «Руководящая роль КПСС, партии рабочего класса, ставшей авангардом всего советского народа, выражающей его коренные интересы, является важнейшим гарантом наших дальнейших успехов в деле коммунистического преобразования мира. Эта научная истина, многократно проверенная исторической практикой, получила в двухтомнике трудов товарища М. А. Суслова разностороннее освещение».

У Суслова, как у всякого руководителя, существовавшего в особом, «выдуманном» пространстве, были свои представления, планы и мечты. Особое место в современном ему советском обществе Михаил Андреевич отводил политработникам, людям с ясными, четкими позициями, не сомневающимся и преданным

делу. Эта «когорта комиссаров» представлялась ему реальной и весьма эффективной силой государственного управления. «Мы должны во всеоружии передовой революционной теории неустанно бороться против всех классовых противников в идеологической области, завоевывать умы и сердца миллионов и миллионов людей на всех континентах силой вдохновляющего примера нового общественного строя и страстностью пропаганды... Ведь современные партийные работники — это преемники ленинской гвардии профессиональных революционеров»*, — делился сокровенным М. А. Суслов со слушателями специально реорганизованной по его проекту Академии общественных наук при ЦК КПСС 1 сентября 1978 года.

Взгляды или, точнее, иллюзии Суслова, по природе своей утопически-просветительские, воплощаясь, оборачивались своей неприглядной противоположностью. Если он искренне полагал, что «устная политическая агитация» должна была заинтересовать людей, «нацелить их на повышение производительности труда», «возбудить их творческую энергию», то в действительности это приводило к апатии, цинизму или полному равнодушию. Ибо слишком велик был разрыв между идеальной действительностью речей, лозунгов и постановлений и правдой быденной жизни.

Наверное, одной из составляющих основ «реального социализма» был незыблемый авторитет личной власти. Суслов всячески способствовал прославлению заслуг Генерального секретаря перед советским народом, созданию мифа о ярком мыслителе, писателе и полководце. Раздуваемый им же культ Брежнева Суслов использовал в своих интересах. Вообще характер взаимоотношений между Сусловым и Брежневым к

* Правда. 1978. 2 сентября.

середине 70-х годов существенно изменился: ушли в прошлое прежние недоверие, подозрительность и некоторое соперничество. Отношения достигли полной гармонии. Леонид Ильич полностью доверял Суслову, а порой и просто не мог обойтись без его мудрого, взвешенного совета. Чем немощнее и безынициативнее становился Брежнев, тем больше он искал опоры и помощи в узком кругу «соратников». Показательны в этом смысле высказывания бывшего помощника К. У. Черненко В. А. Печенева: «Брежнев отнюдь не являлся человеком, которым кто-то вертел как хотел. Положение было куда более сложным и драматичным. Особое влияние на него как будто оказывали три человека: М. А. Суслов, которого лично я знал едва-едва, Ю. В. Андропов, на которого я немного работал, и К. У. Черненко, в тот период я знаком с ним еще не был. Причем мнение Суслова, а также Андропова, имевшего, кстати, всегда особый вкус к теории, для него, как мне показалось, было решающим. «А что по этому поводу Миша считает?» — обычно спрашивал он при обсуждении спорных вопросов, имея в виду Суслова»*.

А Михаил Андреевич, прекрасно изучив психологию Брежнева, его излишнее добродушие, склонность к льстивым речам и подношениям и т. п., успешно это «эксплуатировал». Не случайно, что на всех торжественных церемониях, с каждым годом умножавших заслуги и ордена Леонида Ильича, именно Суслов произносил приветствия «от имени и по поручению» и вручал награды.

К знаменательной дате — 70-летию Л. И. Брежнева — Суслов «продумал» и предложил на Политбюро ряд мер по укреплению авторитета Леонида Ильича.

* Кремлевские тайны: Вверх по лестнице, ведущей вниз. Интервью с В. А. Печеныным // Литературная газета. 1991. № 4. С. 3.

Среди них важная роль отводилась сочинению подробной, обширной биографии Брежнева, которая поэтапно отразила бы «славный путь» «верного ленинца», но, увы, даже привлечение к работе большого числа сотрудников Института марксизма-ленинизма ощутимых результатов не дало. Вместо внушительного и поучительного в воспитательном смысле труда появилась весьма тощая и малоубедительная брошюра. Впрочем, некоторых она «глубоко перепахала». К ним принадлежал академик П. Н. Федосеев, выступивший в «Правде» с призывом глубже «вчитываться в лаконичные строки биографии» «этой кипучей и целеустремленной» натуры.

В 1977 году, после опубликования проекта новой Конституции СССР (под непосредственным контролем Суслова), произошли существенные изменения в высшем эшелоне власти. Некоторые связывали смещение с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР «пострадавшего» Н. В. Подгорного с его неуживчивым и властным характером. Но бытовало и другое объяснение. Тщеславный до мелочей и капризов, Леонид Ильич не мог оставаться равнодушным к тем почестям, которые обычно сопутствовали высокой должности главы государства. Ему хотелось эскорта истребителей в небе, салюта в честь прибытия, прохождения войск и т. п. Так или иначе, 16 июня в 10 часов утра на 6-й сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва М. А. Суслов выступил с предложением: избрать на освободившийся пост главы государства (Н. В. Подгорный подал заявление об отставке в связи с уходом на заслуженный отдых) Леонида Ильича Брежнева. Мотивировал он выдвижение кандидатуры следующим образом: «Вся наша партия и весь советский народ знают Леонида Ильича Брежнева как выдающегося деятеля нашей партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего

движения... Леонид Ильич пользуется безграничным доверием и любовью нашей партии и советского народа... Уже в течение многих лет товарищ Брежнев фактически выступает и перед лицом нашего народа, и перед лицом всего мира как самый авторитетный представитель Коммунистической партии и Советского социалистического государства» *. После утверждения в новой роли Брежнев отправился с официальным визитом во Францию.

Неудача с кратким биографическим очерком не обескуражила Суслова. Но эта одна из первых попыток была лишь началом последующего сотворения легенды, целого цикла мифов из истории страны «эпохи Брежнева». Он поддержал необычную и довольно изящную идею создания подробной автобиографии, тем более что помимо интересных и поучительных фактов из пережитого личность Брежнева «открылась» бы согражданам еще одной неизведанной гранью — литературным талантом. Были подобраны авторский и редакторский коллектив. Думается, не имеет смысла излагать подробную историю подготовки, публикации и всенародного обсуждения нашумевшей некогда мемуарной трилогии. Гораздо важнее выделить роль Суслова в этой кампании, объединившего разрозненные усилия в мощный пропагандистский поток.

После «Малой земли», неожиданно прояснившей роль полковника Брежнева в сражениях Великой Отечественной, последовало невиданное событие: не успев освоиться с радостью от повышения в чине (в мае 1976 года Леониду Ильичу было присвоено звание Маршала Советского Союза), Брежнев удостоился высшей военной награды СССР — ордена «Победа». 20 февраля 1978 года М. А. Суслов вновь выпол-

* Правда. 1977. 17 июня.

нял почетное поручение. Обратившись к Брежневу, одетому в новый маршалский мундир и устремившему умиленный, растроганный взгляд куда-то вдаль, Суслов произнес: «Дорогие товарищи! Мне выпала очень приятная миссия — выполнить поручение Президиума Верховного Совета СССР и вручить Генеральному секретарю... Маршалу Советского Союза, нашему товарищу и другу Леониду Ильичу Брежневу высшую военную награду — орден «Победа»... Этой высокой наградой отмечается ваш большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне... Награждение вас, Леонид Ильич, высшим военным орденом в преддверии 60-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота глубоко символично и закономерно... В их рядах вы, как боевой армейский политработник, прошли фронтовыми дорогами Великой Отечественной войны весь ее огненный путь — от трудного начала и до победного конца. Вы — участник кровопролитных сражений на легендарной Малой земле, боев за Украину и Кавказ, за освобождение Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии. Находясь всегда на передовой, в гуще воинов, показывая пример негибаемой стойкости и отваги, вы вдохновляли их на героические дела во славу Советской Родины».

Тем временем переназначение истории разворачивалось полным ходом: к каждому дню рождения личность Брежнева представляла все более героической, легендарной и... смехотворной. И здесь возникает закономерный вопрос: насколько искренен был Суслов, выступая инициатором этих мероприятий? Да, это усиливало его позиции при беспомощном и больном Генсеке. Но представляется, что все это не было дьявольским, коварным замыслом. Отдавая должное хитрости и практическому уму Суслова, следует отметить, что он сам настолько сросся с этим выдуманым,

оторванным от реальности миром, что непритворно верил в его существование.

В конце 1978 года тон речи Суслова при вручении очередной Звезды Героя Советского Союза приобрел задушевный, интимный оттенок: «Дорогой Леонид Ильич, мы... работая вместе с Вами, повседневно ощущаем Ваше глубокое человеческое обаяние, видим в Вас замечательный пример человека, отдающего свои силы служению партии и народу, образец коммуниста-ленинца, внимательного и принципиального, чуткого и заботливого к людям»*. Этот поток лицемерия и лести несколько поутих спустя два года. В 1980-м, вручая имениннику орден Октябрьской Революции, Михаил Андреевич был краток и лаконичен.

Мы уже говорили, что к официальным почестям сам Суслов был равнодушен, главным для него оставалось ощущение власти. В личной жизни он был аскетичен, не стремился к постройке роскошных особняков, не устраивал богатых приемов, никогда не злоупотреблял напитками. Не особенно заботился и о карьере своих детей: его дочь Майя и сын Революй никогда не занимали видных постов. Суслов не имел научных степеней и званий и никогда не домогался их, как это делали Л. Ф. Ильичев, получивший звание академика, или С. П. Трапезников, который после нескольких скандальных провалов стал все же членом-корреспондентом Академии наук СССР. Напротив, именно Суслов провел в ЦК решение, запрещавшее работникам, занимающим видные посты в аппарате, добиваться каких-либо академических званий. Он пытался остаться в стороне от вакханалии бесконечных награждений, охватившей высших партийных

* Правда. 1978. 20 декабря.

чиновников по примеру Генсека*. Лишь в 1978 году, сознавая необходимость происходящего для укрепления интернациональных связей, он принял от Генерального секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР Густава Гусака высшую государственную награду Чехословакии — орден Клемента Готвальда «за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы и развития братского сотрудничества между советским и чехословацким народами, за его творческий вклад в развитие марксизма-ленинизма». Два дня спустя (23 ноября) уже Т. Живков вручил Суслову орден Георгия Димитрова, особо отметив заслуги Михаила Андреевича «как крупного теоретика и страстного борца за чистоту марксизма-ленинизма».

Последним актом разворачивавшегося на глазах страны горького фарса стало празднование 75-летия Брежнева — последнего юбилея, организованного Сусловым. По размаху мероприятий, потоку поздравлений и славословий оно превзошло, пожалуй, даже сталинское 70-летие. Вручая Л. И. Брежневу последнюю в его жизни (четвертую по счету и третью за 5 лет) Звезду Героя Советского Союза, уже разбитый болезнью и недомоганием Суслов произнес выпрепенную и витиеватую речь: «Искренние, идущие от сердца слова уважения и глубокой признательности Вам — выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, верному продолжателю бессмертного дела Ленина, пламенному борцу за мир и социальный прогресс на земле — высказывают миллионы людей планеты»**. Суслов не испытывал стыда или угрызений совести, выступая от имени миллио-

* Справедливости ради надо сказать, что и у Суслова наград хватало: две Звезды Героя Социалистического Труда, пять орденов Ленина, другие ордена и медали. *Ред.*

** Правда. 1981. 20 декабря.

нов. Дряхлеющий и плохо соображавший Брежнев был во многом удобной, обеспечивающей стабильность для Суслова политической фигурой. Власть, сосредоточившаяся в руках «главного идеолога», становилась все более масштабной и неконтролируемой. Безусловно, наступил пик его политической карьеры.

Но вернемся от периферии идеологической жизни к ее средоточию — культуре. Здесь Суслову не нравилось все, что хоть как-то выходило за средний уровень. Известно, например, что ему не очень понравился роман Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Слишком откровенный сталинизм шокировал Михаила Андреевича. Когда же Кочетов покончил жизнь самоубийством, по настоятельному требованию Суслова в печати появилось сообщение только о его скоропостижной смерти. «Не будем увеличивать число самоубийц в русской литературе», — заключил Суслов (ранее, в 50-х, он был одним из инициаторов сокрытия трагического завещания Александра Фадеева).

Но больше, чем беспомощная проза Кочетова, Суслова крайне раздражали песни Высоцкого, спектакли на Таганке в постановке Юрия Любимова. Он долго не разрешал к прокату фильм Шукшина «Калина красная». Проекту же снять картину о Степане Разине вовсе не суждено было осуществиться. Участь малого экрана (демонстрации на окраинах страны, в клубах и т. п.) разделили и фильмы А. Тарковского, и острый сатирический памфлет Э. Рязанова «Гараж». В области киноискусства у Суслова были иные приоритеты. Особый интерес он проявил к съемкам фильма «Солдаты свободы», где на экране появлялся молодой будущий маршал Брежнев в исполнении Е. Матвеева. Вот как актер вспоминает особенности и последствия той «ответственной роли»: «...когда я играл Емельяна Пугачева, никто не мог проверить, так ли в точности выглядел мой герой. А Генсека

каждый день видели на экране телевизора. Как решить, например, такой вопрос. Брежнев всю жизнь мягко, по-южному произносил букву «г». Показывать ли это на экране? Я взял один из своих текстов и убрал все слова с этой буквой. Заменял их синонимами. Но следующий текст был документальным. Тут уже нельзя было исказить ни слова. Как мне рассказывали, по этому поводу были консультации с Сусловым. Суслов, вникнув в проблему, подумал и сказал: «Про меня говорят, что я окаю. А я считаю, что я совсем не окаю». Это восприняли как руководящее указание. В фильме наш герой говорил нормально. Особое отношение к моей роли еще яснее почувствовалось, после того как картина вышла на экран. Я сыграл всего лишь два маленьких эпизода в огромной киноэпопее. Но где бы ни писали о фильме, их непременно упоминали. Кадры со мной в роли Брежнева можно было увидеть во всех газетах и журналах» *.

Видимо, когда-то воплощенный на киноэкране образ будущего Генсека не дает покоя актеру, не «отпускает» его и сегодня. В другом своем интервью история с памятной ролью так интерпретирована Е. Матвеевым: «...что касается фильма!.. Я был утвержден Сусловым: «Вы коммунист. Это вам партийное задание!» Попробуйте отказаться после этого. Что, мне теперь не жить, если я коммунист?» **

М. А. Сулов внимательно следил и за общественными, литературно-критическими дискуссиями, разворачивавшимися в конце 60 — начале 70-х годов. Он явно не одобрял и набиравшее силу в конце 60-х годов русское «почвенничество», выразителем идей которого стали некоторые публикации, в частности

* Как я играл Брежнева. Интервью с Е. Матвеевым // Советская культура. 1990. 27 января.

** Я старался... Интервью с Е. Матвеевым // Огонек. 1990. № 19. С. 9—10.

в журнале «Молодая гвардия». Однако когда один из ответственных работников аппарата ЦК КПСС, А. Н. Яковлев, опубликовал 15 ноября 1972 года в «Литературной газете» большую статью «Против антиисторизма», где критиковал различного рода проявления «социальной патриархальщины и национализма», она тоже не понравилась Михаилу Андреевичу определенностью и самостоятельностью суждений. Хорошо зная практику, при которой для ответственных работников статьи и речи составляются сотрудниками «менее ответственными», Суслов попросил помощника выяснить, кто же готовил для Яковлева нашумевшую статью. Помощник вскоре доложил, что статью написал сам Яковлев. «Что он, Ленин, что ли», — с раздражением заметил Суслов.

Очень жесткому и всеохватному контролю Сулова подлежали и средства массовой информации. Он часто становился решающей инстанцией, определявшей судьбу той или иной публикации или передачи. Пристальное внимание «главного идеолога» было приковано и к телевидению практически с первых его шагов. Бывший председатель Гостелерадио М. А. Харламов вспоминает: «Весной 1962-го, когда я пришел в комитет, было принято высокое решение, чтобы руководящие деятели систематически выступали перед народом. Микоян с группой депутатов Верховного Совета только что вернулся из Японии. Где же найти лучшую трибуну, чем телевидение? Предлагаю Микояну выступить. Думаю: «Пусть заодно увидит, в каких условиях работаем». Он отнекивается: «Я не против, но вы сначала согласуйте». По совету секретаря ЦК Ильичева звоню Сулову. «Вот, говорю, Михаил Андреевич, был Микоян в Японии, видел там много интересного и полезного, хорошо бы народу об этом рассказать. Тем более есть решение ЦК по этому вопросу... И Косыгин вот в Афганистан ездил, тоже

бы мог выступить». После паузы длиной в Атлантический океан слышу скрипучий голос: «Я своего согласия на это не даю. Если настаиваете, звоните Брежневу»... Брежнев, как известно, все вопросы любил решать половинчато. «Что касается депутата Микояна — пусть выступает, а в отношении Косыгина... здесь свои сложности...» * Достижения технического прогресса значительно облегчили Михаилу Андреевичу в 70-е решение проблем «объективности» телевидения. Появилась запись программы, а с ней и возможность тщательной предварительной подготовки идеологически выдержанных передач. Живая мысль и живое слово (не говоря уже о гласности в современном понимании) крайне редко звучали с экранов. По идее Сулова, в цикл политических передач был включен и «Ленинский университет миллионов» — скучнейшая еженедельная программа, посвященная актуальным проблемам теории и практики марксизма-ленинизма.

Интересовала Сулова и строгость идеологической подачи радиопередач. Он долго сопротивлялся появлению на радио новой программы — «Маяк», ибо не склонен был доверять инициативе и дикторскому голосу в прямом эфире: программа создавалась как оперативная, сам комментатор обрабатывал полученный материал и выступал с ним.

Привыкший к медленному, размеренному ритму общественной жизни 70-х, Сулов настороженно относился ко всякому новому начинанию, тем более если оно хоть как-то поднималось над общим серым уровнем. Он препятствовал созданию нового интересного журнала «Радио и телевидение». Причем замечание, сделанное им Н. Н. Месяцеву, председателю Гостеле-

* Эфир времен Хрущева. Интервью с М. А. Харламовым // Журналист. 1989. № 6. С. 35.

радио, носило скорее формальный характер: «Не бержете бумагу», «воздуха много». Но дело было не в воздухе, а в содержании статей. В «РТ» собрались хорошие журналисты. Работали Л. Лиходеев, В. Моев, А. Васинский, И. Саркисян. Даже сейчас те старые номера журнала выглядят достойно и на фоне перестройки. Перечитайте материалы о демократии, о важной роли телевидения и радио для создания общественного мнения. Публикации В. Хлебникова, И. Бабеля, да мало ли... Перестарались. Поступило указание ограничить творчество аннотациями к передачам. А один номер просто не выпустили в продажу. Там были размышления А. Стреляного по поводу книги «Что такое колхоз?»*.

Здесь описан лишь единичный случай работы средств массовой информации в 70-е годы. Для печатных органов были выработаны определенные стереотипы в подаче (и даже расположении) публикуемых материалов. Все это делало газеты похожими одна на другую; естественно, везде присутствовала одна — официальная позиция и оценка. Для того чтобы уловить оттенки подхода, надо было быть внимательным читателем и неплохим стилистом: известно, например, что сообщения о «встрече в дружеской обстановке» и «в теплой дружеской обстановке» обозначали совершенно разный уровень взаимоотношений между странами или партиями.

На 70-е годы приходится новый этап расцвета жанра эпопей и многотомных семейных хроник. Эту официальную сторону литературы представляли романы Г. Маркова, А. Иванова, А. Чаковского. В них не было ни подлинной борьбы страстей, ни самобытных характеров, язык их был откровенно «деланный».

* В годы «культпросвета». Интервью с Н. Н. Месяцевым // Журналист. 1989. № 1. С. 39.

псевдонародный и скудный. Вместо сюжета господствовала схема (вспомним «кулаков», «вредителей» у А. Иванова в «Вечном зове» или «мудрого Сталина» у Чаковского в «Блокаде»), вместо людей изображался какой-то набор черт, а то и просто маска. Сложные духовные искания, конфликты с совестью или жесткостью обстоятельств, подлинный трагизм прошлого и настоящего в «большом стиле» социалистического реализма заменялся суррогатом, надуманными столкновениями и противоречиями.

Подлинная проблемность или даже сомнения не допускались ни по отношению к настоящему, ни по отношению к прошлому. Характерен эпизод с выходом в СССР одного из лучших романов Э. Хемингуэя — «По ком звонит колокол». Автор не мог не сказать всей правды о гражданской войне в Испании, изобразив хаос и штабную неразбериху интербригад, поведав о кровавых зверствах «комиссара» Марти, расстреливавшего своих, республиканцев. Попытки опубликовать роман наталкивались на противодействие М. А. Сулова (к нему обратилась Д. Ибаррури, указав на искажение образов коммунистов у американского писателя). Роман увидел свет лишь в 1968 году (в 3-м томе Собрания сочинений) опять-таки со значительными купюрами*.

Сюжет с выходом книги Хемингуэя — лишь типичнейший случай в ряду сотен и сотен других. Для украшения, примитивизации истории или сокрытия истины купировались, сокращались произведения Толстого, Достоевского (публикация писем и «Дневника писателя» в академическом собрании сочинений долгое время была под вопросом), Горького, Булгакова и других зарубежных и отечественных авторов. Многие

* См.: Орлова Р. Русская судьба Хемингуэя // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 97—102.

из них находились в опале или просто подлежали забвению. С каким трудом, например, вышло первое сильно сокращенное издание «Философии общего дела» Н. Федорова или книга А. Лосева о Вл. Соловьеве (тираж последней вообще полностью разослали по провинции). И эти примеры можно множить и множить. Конечно, не обязательно в каждом конкретном случае запрет исходил непосредственно от Михаила Андреевича. Созданная и поддерживаемая им разветвленная система цензуры, маленькие и большие чиновники были не только хорошими исполнителями, но и весьма инициативными работниками.

«И В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ...»

Последние годы жизни

Суслов был не слишком крепок здоровьем. В молодости он перенес туберкулез, в более зрелом возрасте у него развился сахарный диабет. Когда он работал в Ставрополе и Литве, то после бурных объяснений с тем или иным работником у него случались припадки, сходные с эпилептическими. В 1976 году Суслов перенес инфаркт миокарда. Он уже не выносил больших нагрузок и не мог много работать. По требованию врачей занимался делами не более трех-четырёх часов в день. Правда, по необходимости режим часто нарушался.

Обычно большинство правительственных машин двигалось по отведенной для них полосе на стремительной скорости — около 120 километров в час. Но Суслов не позволял своему шоферу делать более 60 километров в час. Так «тихоходом» он достигал Кремля, иногда останавливая машину возле Исторического музея. От Вечного огня через Александровский сад медленно шел в Кремль. Более продолжи-

тельных прогулок позволить себе не мог. Когда у Суслова побаливало сердце, он не возвращался домой, а оставался на ночь в специальной палате правительственной больницы на улице Грановского.

В последние годы дел не убавлялось. Все основные решения о «диссидентах» — высылка А. И. Солженицына, ссылка А. Д. Сахарова, «обмен» Л. Корвалана (руководителя Компартии Чили) на В. Буковского, арест активистов «хельсинкских групп» — принимались при участии Суслова. Среди разбиравшихся дел «диссидентов и антисоветчиков» было и дело А. Зиновьева, опубликовавшего в 1976 году на Западе книгу «Зияющие высоты» — глубокий социологический анализ современного советского общества. Возмущенный Суслов вначале настаивал на аресте, но затем Зиновьева только уволили с работы, лишили званий и наград (за участие в Великой Отечественной войне). Когда же в 1978 году за рубежом появился новый антиутопический роман Зиновьева «Светлое будущее», в котором открыто критиковался Л. И. Брежнев, официальному терпению наступил предел. Во избежание судебного процесса автору вместе с семьей было предложено покинуть страну в течение пяти дней.

На исходе 70-х у Суслова сложились хорошие отношения с художником Ильей Глазуновым, долгое время считавшимся чуть ли не опальным живописцем. Тот получил разрешение устроить огромную персональную выставку в Московском Манеже, что считалось большой честью. Успех был шумным и превзошел все ожидания. И. Глазунов написал портрет Суслова (до этого по фотографиям он изобразил Леонида Ильича на фоне Кремля и собора Василия Блаженного). Суслову собственный портрет понравился. Конечно, сближение вовсе не означало поддержки Сусловым пестрой и разноидейной группы русофилов,

у них были другие могущественные покровители в еоветских верхах.

Немало хлопот в начале 80-х возникло у Суслова с театральными делами. Разгорелся спор между Институтом марксизма-ленинизма и МХАТом по поводу постановки пьесы М. Шатрова «Так победим!» — о последних годах жизни Ленина. В этой полемике за решением Секретариата ЦК о запрете стояло «авторитетное мнение» Суслова. В духе времени автор пьесы ожидал скорых оргвыводов — лишения партбилета*. Чтобы спасти спектакль, Шатров и главный режиссер театра О. Ефремов решили обратиться в Политбюро к Черненко, так как Брежнев был болен и уже плохо ориентировался в реальной жизни. Для Черненко неожиданно оказалось выгодным защитить пьесу и театр. Авторам была предоставлена возможность «улучшить свое произведение». Немало неприятностей Суслову по-прежнему доставлял и Театр на Таганке.

Кроме этого, ему пришлось заниматься и некоторыми щепетильными делами о хищениях и коррупции, в которых оказались замешаны крупные партийные работники и люди с достаточно громкими фамилиями. У Андропова был собран огромный разоблачительный материал. К таким перегрузкам Суслов уже оказался не способен. Он сильно постарел, у него были поражены атеросклерозом сосуды сердца и мозга, ему нельзя было не только много работать, но и волноваться. Но высокий пост обязывал: творившееся кругом наваливалось, принося неприятные известия и конфликты. После одного внешне спокойного, но крайне резкого по существу разговора у Суслова возникло острое нарушение кровообращения в сосудах мозга.

* См.: *Михаил Шатров: У политика всегда есть выбор*. Интервью с М. Ф. Шатровым // *Международная жизнь*. 1989. № 4. С. 14.

Он потерял сознание и через несколько дней скончался.

Последние годы его жизни за обыденной, текущей суетой ознаменовались и важными событиями. Сулов был активным участником обсуждения и разрешения важнейших вопросов: 100-летия со дня рождения Иосифа Сталина, ввода советских войск в Афганистан и широкомасштабного кризиса государственной власти в социалистической Польше. Этим, по сути, увенчались многолетние усилия Михаила Андреевича на поприще идеологии. Остановимся подробнее на каждом из событий.

Мы уже рассказывали о том, что с середины 60-х годов вначале подспудно, а затем и в открытую под предлогом исторической объективности или защиты социализма от нападков буржуазной идеологии происходила медленная, но неуклонная реабилитация Сталина. В литературе (издаваемой в СССР) правда о той эпохе «пробивалась» намеками. Зато широко распространялась иная версия «заслуг»: Сталин — организатор побед в Отечественной войне, «мудрый полководец», коллективизация — это решительный шаг вперед в сельском хозяйстве, сопровождавшийся кулацким саботажем, и т. п. Все это так или иначе воспроизводилось в массовых тиражах романов Стаднюка, Маркова, Чаковского, А. Иванова. Тот же миф усиленно пропагандировался кино (эпопея «Освобождение» Ю. Озерова). Историческая наука и вовсе была зажата в узкие рамки допустимого.

Итак, 100-летний юбилей Сталина, по сути, завершил и оформил документально все предшествующие усилия, весь «накопленный опыт». Была сделана попытка навсегда «закрыть» вопрос о сталинизме, сформулировав окончательные подходы и оценки: «Исполнилось 100 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) — видного дея-

теля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения» — так начиналась редакционная статья «Правды» от 21 декабря 1979 года. Попробуем разобраться в предложенной в ней М. А. Суловым «концепции» исторических событий. «Объективность» (это поистине символичное для мышления и поведения Сулова слово) утверждалась уже с первых характеристик «сложной и противоречивой исторической фигуры» Сталина. Задним числом выхолащивался и критический заряд первых разоблачительных документов — они были сведены к довольно банальному и отстраненному выводу: «Партия дала исчерпывающую (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Авт.) оценку деятельности Сталина в решениях своих съездов, в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». В этих документах отмечено, что деятельность Сталина необходимо рассматривать в связи с конкретной исторической обстановкой, объективно оценивая как положительные, так и отрицательные стороны его деятельности».

В чем же заключалась декларируемая под предлогом юбилея объективность? Анализ сосредоточился не на социально-политических, экономических корнях и истоках сталинизма, а ушел в сторону описания часто надуманных и гипертрофированных в пользу суловской версии «исторических обстоятельств». Это был первый опыт строительства социализма, а непроторенная дорога чревата ошибками и заблуждениями, да и движение было затруднено ожесточенной классовой борьбой, которая сделала вопрос «кто кого?» главным и однозначным; и партию подрывали враждебные течения — троцкисты, бухаринцы, националисты... Все это вызвало «временные ограничения демократии», то есть и жесткий курс (а следовательно,

масштабное насилие), избранный Сталиным. В этой
годами, десятилетиями разрабатываемой Сусловым
(вслед вульгарному марксизму) детерминистской схе-
ме «личность — обстоятельства» последние, когда
нужно, играют поистине фатальную роль. Отсюда по-
литика Сталина представляла единственно необходи-
мой, что косвенно оправдывало преступления стали-
низма: «В борьбе за победу социализма огромную
роль сыграли руководящие кадры Коммунистической
партии и Советского государства. В их числе был и
И. В. Сталин. Он активно отстаивал принципы
марксизма-ленинизма, дело партии. Он реши-
тельно выступал против троцкистов, правых оппорту-
нистов, против происков империализма. В этой поли-
тической и идейной борьбе Сталин приобрел больш-
шой авторитет и популярность». Итак, все вернулось
на круги своя. Когда-то предложенная «Кратким кур-
сом» история партии вновь почти через сорок лет была
реанимирована Сусловым.

Очевидно, что из сегодняшних дней мы, «искушен-
ные» знанием — горьким и ужасающим, — видим это
настойчивое стремление «переписать» историю и обе-
лить сталинизм. Ведь ни слова не сказано о миллио-
нах жертв насильственной коллективизации и спрово-
цированного голода, о цене социалистической индуст-
риализации, о лжи и фальсификации процессов над
«идейными врагами», о многом другом. Здесь крити-
ческим возмущенным комментарием не будет конца.

Но помимо имевшегося «диктата обстоятельств»
природа и корни сталинизма истолковывались и далее
примитивно и убого — как следствие личных недостат-
ков самого Сталина, невольным заложником которых
стал он сам, подталкиваемый льстецами, а вместе с
ним и вся многострадальная страна: «В первые годы
без В. И. Ленина Сталин считался с его критичес-
кими замечаниями. Но в дальнейшем он стал пере-

оценивать свои заслуги, уверовал в собственную непогрешимость. Некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в обстановке ожесточенной борьбы с классовым врагом и его агентурой, Сталин стал возводить в норму, обосновывая это своим ошибочным тезисом об обострении классовой борьбы в условиях социализма. Были допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате невинно пострадали многие видные деятели партии и государства, крупные военачальники, честные коммунисты и беспартийные советские люди». Таким образом, преступный террор против собственного народа преподносился и под расплывчатой формулировкой «невинно пострадали», и в странном (видимо, ограниченном 37-м годом) порядке перечисления, с бесконечными оговорками и объяснениями. Кроме того, перечисленные объективно отрицательные стороны затем затмевались мифом о Сталине — стратеге и военачальнике, организаторе послевоенного восстановления страны.

Вся эта неуклюжая, безнравственная реабилитация осуществлялась и с другой целью: показать неизменность и поступательность развития государства, когда отдельные ошибки Сталина никак не затронули социализм, подчеркнуть преемственность руководства.

В конце 1979 года резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка в Афганистане: борьба за власть между враждующими группировками в правящей революционной партии приняла вооруженные формы. Нестабильность усугублялась и внешним курсом Х. Амина, пришедшего к руководству после убийства Тараки, и ростом сопротивления вооруженной оппозиции. В этой катастрофической ситуации руководство Афганистана (во главе с Б. Кармалем) обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать военную

помощь и ввести войска. Как теперь известно, решение принималось приватно, узким кругом лиц в Политбюро. Сторонником вооруженной поддержки был и М. А. Суслов. О последствиях этого непродуманного шага сегодня сказано достаточно. Приведем лишь отрывок из воспоминаний А. А. Громыко (министра иностранных дел СССР): «В соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (от 5 декабря 1978 года) правительство республики Афганистан обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку Афганской народной армии. Дополнительную остроту обстановке придало убийство генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана Тараки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел потрясающее впечатление на все советское руководство. Л. И. Брежнев особенно тяжело переживал его гибель... После того как решение было принято на Политбюро (12 декабря 1979 г.), я зашел в кабинет Брежнева и сказал: «Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?» Брежнев не стал отвечать сразу. Он взял телефонную трубку: «Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть потребность посоветоваться». Появился Суслов. Брежнев проинформировал его о нашем разговоре. От себя он добавил: «В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором». Суслов сказал: «У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уже решили. А на ЦК обсудим позднее...»*

* Цит. по: *Забродин В.* Новогодний розыгрыш? // Литературная Россия. 1991. № 2. С. 18.

Реакция в мире на ввод «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан была бурной и по преимуществу негативной. Да и внутри страны отношение было далеко не однозначным. Потребовались масштабные пропагандистские усилия в средствах массовой информации. По вопросу об Афганистане высказались практически все партийные руководители на встречах с избирателями (в Верховный Совет РСФСР). В феврале 1980 года Суслов на собрании избирателей в Тольятти больше внимания посвятил не проблемам города или области, а международной обстановке: «Действия агрессивных сил империализма и реакции особенно наглядно проявились в связи с событиями в Иране и Афганистане. Империализм использует любые средства для усиления вмешательства во внутренние дела Ирана в целях обеспечения своих корыстных интересов. Напротив, наше правительство неизменно выступает за развитие добрососедских отношений с Ираном на основе равенства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга... Объединенные силы реакции развернули после освободительной революции в Афганистане активную подрывную деятельность против его народа, повели, по сути дела, необъявленную войну против этой страны с целью задушить революцию и использовать территорию Афганистана для провокаций против Советского Союза. Помощь в борьбе с внешней агрессией, оказанная Советским Союзом Афганистану по просьбе его руководства, была использована правительством США в качестве предлога для того, чтобы развернуть кампанию шантажа, клеветы и угроз в адрес нашей страны»*.

Не успело пройти и нескольких месяцев с начала боевых действий в Афганистане, как партийное

* Правда. 1980. 21 февраля.

руководство страны было поставлено еще перед одной болезненной проблемой: острый политический и социальный кризис разразился в Польше. Причем Михаил Андреевич побывал в ПНР в феврале 1980 года, где принял участие в работе VIII съезда ПОРП. Уже тогда в атмосфере чувствовалась напряженность. Озабоченность этим прозвучала и в речи Сулова, адресованной делегатам съезда: «В докладе (первого секретаря ПОРП Э. Герека.— *Прим. авт.*) и выступлениях делегатов трезво и откровенно сказано и о непростых проблемах, и о трудностях, с которыми вы сейчас сталкиваетесь... Потребуется, конечно, много сил и настойчивости, чтобы решить задачи, которые вы перед собой ставите, добиться дальнейшего упрочения позиций социализма во всех сферах жизни, построения развитого социалистического общества»*.

Гроза разразилась к осени 80-го. Начались массовые забастовки и выступления рабочих (в Гданьске, Щецине и других местах), выдвигавших наряду с экономическими и социальными еще и политические требования. Тогда же организационно оформился свободный профсоюз «Солидарность», превратившийся в главную оппозиционную силу существующей власти. Э. Герек и другие партийные руководители, замешанные в коррупции и прочих должностных преступлениях, ушли в отставку. Первым секретарем ПОРП стал С. Каня. После затянувшейся конфронтации начались переговоры правительства с бастующими и лидерами «Солидарности». Как интерпретировались социальные потрясения в Польше в советской прессе, нетрудно представить. Растерянный Сулов (как и некоторые влиятельные члены Политбюро) был сторонником «силовой» линии. Приведем краткую хронику событий: в октябре в Варшаве состоялось заседание

* Правда. 1980. 13 февраля.

Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора, 30 октября Первый секретарь ЦК ПОРП С. Кая и Председатель Совета Министров ПНР Ю. Пиньковский прибыли для переговоров в Москву, в начале ноября прошли совместные учения советских и польских войск, в начале декабря 7-й пленум ЦК ПОРП принял решение о созыве чрезвычайного IX съезда партии, 5 декабря произошла встреча руководящих деятелей государств Варшавского Договора в Москве. В советскую делегацию входили Брежнев, Сулов и Тихонов. В ходе двусторонних переговоров Сулов стремился отговорить польский ЦК от проведения чрезвычайного съезда ПОРП путем не контролируемых аппаратом прямых выборов делегатов. Но он смог добиться лишь некоторой отсрочки съезда. По инициативе Сулова было составлено письмо ЦК КПСС руководству Польской объединенной рабочей партии.

Обстановка в Польше в течение 1981 года все время ухудшалась. Ощутимой разрядки и стабилизации не принес и IX съезд ПОРП. Думается, в Москве не раз обсуждался вопрос о «военной помощи» Польше. Но восторжествовала разумная позиция. Развязка наступила 15 декабря, когда ТАСС сообщил, что в ПНР введено военное положение на территории всей страны. Во главе государства встал Военный совет национального спасения с В. Ярузельским. Это было необходимое компромиссное решение, которое, несомненно, спасло польское общество от дальнейшего раскола и возможной гражданской войны. Незадолго до смерти Сулова, в начале января 1982 года, состоялась острая дискуссия с руководством Компартии Италии о правомерности введения военного положения в Польше.

...Смерть Сулова вызвала немало толков и прогнозов, но немногие испытывали чувство искреннего горя и сожаления, проходя мимо его гроба в Колонном зале

Дома Союзов или наблюдая за торжественной процедурой похорон по телевизору. На небольшом кладбище у Кремлевской стены уже не так много свободных участков. Но для Суслова нашли место рядом с могилой Сталина.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

М. А. Суслов и судьба авторитарно-бюрократической системы

Попробуем восстановить в общих чертах хронику событий, последовавших за кончиной Суслова 25 января 1982 года. 27 января «Правда» и другие газеты напечатали некролог и медицинское заключение о смерти. В течение нескольких дней гроб с телом покойного был выставлен для прощания в Колонном зале Дома Союзов. Газеты были полны сообщений об официальной скорби. Церемония прощания была хорошо организована. 29 января состоялись похороны.

Траурный митинг на Красной площади открыл Генеральный секретарь Л. И. Брежнев, среди прочих высоких слов и восхвалений произнесший также: «Неоценим вклад Михаила Андреевича в идейно-воспитательную работу партии, в разработку ее важнейших теоретических документов, в формирование и претворение в жизнь международной политики КПСС». Далее следовали еще более «точные» характеристики: «Он (Суслов.— *Прим. авт.*) был известен коммунистам и широким кругам трудящихся многих стран как человек, беззаветно преданный великому учению Маркса — Энгельса — Ленина, твердо стоящий на страже его революционных принципов и активно помогающий его творческому развитию нашей партией на основе опыта современной эпохи».

Прошло время — и мы ясно ощутили последствия влияния «главного идеолога» на международные отношения (резко ухудшившиеся после введения советских войск в Афганистан); с трудом начали избавляться от наследия той жесткой и негибкой политики, о «неоценимом вкладе» Суслова в которую говорил Брежнев. Прошло время — и риторический образ «стоящего на страже» Суслова воспринимается буквально как синоним охранительства, а понятие «творческое развитие» в данном случае предстает как воплощение догматизма, мертвенности мысли и торжества «высокой» демагогии, демагогии лозунгов и общих мест.

Дифирамбы Брежнева подхватил секретарь Московской партийной организации В. В. Гришин: «Он (Суслов.— *Прим. авт.*) являл собой образец высокой партийности, организованности, ленинского стиля в работе... Михаил Андреевич был верным соратником Леонида Ильича Брежнева, пламенным пропагандистом и проводником ленинского курса». Прошло время — и слова о «верном соратнике» и «проводнике» (которые с равным основанием можно отнести и к эпохе сталинизма, и к годам руководства Хрущева) звучат иронически, почти как насмешка.

Затем выступил вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев. Он убежденно провозгласил: «Вся деятельность т. Суслова являла живой пример ленинской партийности в идеологии и высокой политической бдительности... Многочисленные кадры советской интеллигенции высоко ценят заботу Суслова о развитии науки и культуры, о научно-техническом и культурном прогрессе нашей социалистической Родины»... *

Прошло время — и возвращенные из небытия книги, спектакли, кинофильмы, картины и музыкальные произведения, а главное — множество искалеченных

* Все выступления см.: Правда. 1982. 30 января.

судеб художников достаточно свидетельствуют о цене этой самой «бдительности» и «заботы». Прошло время — и мы осознали (может быть, еще не в полной мере) ответственность выступавших тогда с трибуны Мавзолея ораторов за экономический и духовный застой в стране, за необыкновенно развившуюся коррупцию, взяточничество, воровство, нравственное безразличие, ложь и лицемерие.

Прошло время — и воссозданная нами сцена «проводов в последний путь» (несмотря на трагизм смерти любого человека) воспринимается скорее как трагический фарс. Следующим его актом стали мероприятия по увековечению памяти Сулова. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорилось: «Решено присвоить имя М. А. Сулова Ростовскому государственному университету и Невинномысскому оросительному каналу в Ставропольском крае, а также установить мемориальные доски в память М. А. Сулова на здании Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, в котором он учился, на здании Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где М. А. Сулов вел преподавательскую работу, и на доме № 19 по улице Большая Бронная в г. Москве, где он жил. Кроме того, поручено Мосгорисполкому, Ленгорисполкому и Ульяновскому облисполкому решить соответственно вопрос о присвоении имени М. А. Сулова одной из новых улиц в г. Москве и г. Ленинграде и одной из средних школ в Ульяновской области, а Министерству морского флота — о присвоении имени М. А. Сулова одному из пассажирских морских судов»*.

Правда, некоторые «материальные знаки» памяти оказались недолговечными. Летом 1988 года мемори-

* Правда. 1982. 16 февраля.

альная доска на здании МГУ (факультет журналистики) оказалась... залитой чернилами. Конечно, подобный способ протеста вряд ли можно одобрить. То же самое повторилось, однако, в Ставрополе — мемориальная табличка на бетонном сооружении Невинномысского канала также была облита краской. В столице события развивались стремительно. Руководство факультета журналистики обратилось в партком университета с просьбой снять доску. Испорченный мемориальный знак временно прикрыли мешковиной, но после того как она несколько раз была сорвана, заключили в основательный металлический футляр с надписью «Ремонт». Ни студенты, ни преподаватели вуза не хотели соглашаться с присутствием имени Суслова на здании первого университета страны, здании, непосредственно связанном с историей отечественной культуры (здесь преподавали В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, Н. Е. Жуковский и другие). Был проведен опрос общественного мнения, в результате которого выяснилось, что многим будущим экономистам и историкам имя бывшего «главного идеолога» вообще неизвестно, а большинство опрошенных студентов и преподавателей (86%) высказались за удаление «спорной мемориальной доски». Эту просьбу поддержали ректорат и партком МГУ. В феврале 1989 года здание было освобождено от мемориальной доски.

Видимо, ту же участь разделят и два музея Суслова, созданные после его смерти как бы по инициативе местных властей. Один был открыт в городе Хвалынске, в здании, некогда возведенном по личному распоряжению Михаила Андреевича в канун собственного 75-летнего юбилея. Наверное, о своем мемориале Суслов заботился заблаговременно. Тогда же внутри были выложены три больших панно из кварцита, изображавшие Суслова, Брежнева и Ленина. Часть экспозиции

составили документы, фотографии и личные вещи Суслова, переданные его дочерью. Другой весьма схожий по фондам музей был организован в родном селе Шаховском Ульяновской области. Теперь оба музея как давно забытые памятники. И залы пустуют без посетителей.

Правда, ситуация, складывающаяся вокруг «мемориала» Суслова на его родине, в селе Шаховском, сложная и неоднозначная. В конце зимы 1988 года здесь прошли своего рода «политические демонстрации» против... очернения и осквернения «светлой памяти» знатного и заслуженного земляка, дважды Героя Социалистического Труда, бывшего члена Политбюро, почетного пионера местной школьной дружины и т. д. и т. п.

Шаховчане в «праведном гневе» воспрепятствовали съемкам приехавшей в село группы Центрального телевидения, а позднее составили возмущенное письмо в центральные органы с требованием прекратить порочащие имя Суслова выступления в прессе и по телевидению. Впрочем, подобная самоотверженность в отстаивании «честного имени» земляка объясняется не только благородным стремлением к исторической справедливости, а имеет и обыденные, вполне «земные» причины.

К чести М. А. Суслова, он не забывал родного села, не обходил его помощью и заботой, своим покровительством и «вельможной милостью». Так, после разорительного пожара, случившегося в 1949 году, пострадавшему Шаховскому была оказана срочная необходимая помощь (Суслов, по рассказам местных старожил, тогда уже секретарь «сталинского» ЦК, откликнулся на просьбы односельчан-ходоков).

В 60—70-е годы с ростом могущества и влияния «главного идеолога» в стране его отношения с земляками становились все более теплыми и трогательными,

к несомненному удовольствию обеих сторон. Шаховское постоянно стало ощущать действенную заботу и попечение своего властного чиновного уроженца. Главный инженер областного управления коммунального хозяйства А. В. Слесарев вспоминает: «Шаховское начали штурмом благоустраивать, строить новые здания и сооружения: библиотеку, гостиницу, Дом культуры, школу, котельную... В институте Ульяновскгражданпроект открыли зеленую улицу для проектирования объектов села... Для строительства были мобилизованы... строители из Ульяновска и Димитровграда, а также коммунальщики областного центра. Село Шаховское стало в области объектом строительства № 1. Все важное и срочное отступило на второй план...» *

Впрочем, в Шаховском в долгу перед Сусловым не желали оставаться. В старой школе был восстановлен «сусловский» класс-музей, новая школа стала носить имя Михаила Андреевича (он сам торжественно перерезал алую ленточку на открытии под аплодисменты), «следопыты» обнаружили в окрестном лесу некую «сусловскую поляну», Сусллова произвели в почетные пионеры, а стараниями местных живописцев было создано монументальное полотно «В родных местах», на котором Михаил Андреевич был изображен в глубоком раздумье на берегу реки Избалык. Местное телевидение выпустило документальный фильм о пребывании Сусллова в родных местах. Чтобы «высокий гость» не испытывал неудобств и мог отдохнуть от неусыпных государственных забот, в селе выстроили небольшую, но прекрасно оборудованную по тем временам гостиницу. Но все же, несмотря на все старания, в настоящие дни обширный «персональный мемориал» пребывает в запустении.

* *Миндубаев Ж.* Бюст в центре села // Сельская молодежь. 1989. № 9. С. 16.

В последние годы общественность страны все активнее выступает за переименование объектов, носящих имя Суслова. Но пока еще существует средняя школа в Ульяновской области, еще бороздит морские просторы теплоход «Михаил Суслов» (в 1989 году он был зафрахтован бывшей ГДР, и дальнейшая судьба его неизвестна). И все же избавиться от имени Суслова на зданиях гораздо легче, чем изжить оставленное им наследство в области идеологии, политики и культуры.

Прорыв всей громоздкой и угрюмой плотины, сковавшей свободное течение общественной и духовной жизни нашей страны, начался, как известно, в апреле 1985 года. Попытка социализма обрести новый нравственный статус одновременно должна была повлечь неизбежную политическую смерть М. А. Суслова, а точнее, той авторитарной идеологической системы, творцом и слугой которой он был. Но недуг оказался более серьезным и запущенным, чем виделось поначалу; рождающееся в муках новое нередко поражено этой тяжелой наследственной болезнью.

Международная атмосфера стала чище и свободнее в результате последовательных инициатив нашего государства; мир постепенно освобождается от угнетавшего страха и недоверия, от затяжной и изнурительной конфронтации. «Холодная война», непрерывное тление которой укрепляло и поддерживало власть Суслова, оправдывая безжизненные идеологические догмы, после Парижской встречи в верхах 1990 года и объединения Германии ушла в прошлое. Отказ от узкого классового подхода, удерживавшего «железный занавес» между миром и страной, открытость и признание главенства общечеловеческих ценностей — все это возвращает международным отношениям нормальное, человеческое измерение. Политическая линия Суслова «сломлена» и внутри Восточной Европы: отказ от

силы и диктата в социалистическом лагере привел к распаду авторитарных режимов ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии.

Значительные сдвиги осуществились и во внутреннем положении страны. Не будем останавливаться подробно на позитивных переменах в политической и общественной жизни; сегодня необходимо отметить другое: в ходе перестройки «наследство» Суслова (поначалу, казалось, безнадежно устарелое и обветшалое), стиль идеологического мышления и поведение, рожденные авторитарной системой, претерпели неожиданную метаморфозу, переродились. Отсутствие политического реализма и здравого смысла, нетерпимость к чужому мнению и любому инакомыслию, нагромождение новых политических стереотипов и мифов, попытки отвлечь внимание от собственной некомпетентности и бесплодия масштабными пропагандистскими кампаниями, поисками виноватых,— весь этот «багаж» Суслова понадобился снова.

Рубежом, разделившим историческое развитие страны на две эпохи, стали три августовских дня 1991 года. Три дня испытаний. Это была, вероятно, последняя отчаянная попытка агонизировавшей авторитарно-бюрократической системы реанимировать, спасти себя, повернуть движение государства вспять. Знакомым «сусловским» духом повеяло от обращений, документов, посулов и обвинений, обнародованных ГКЧП. Но даже запущенный по традиции маховик разоблачительных кампаний (вроде борьбы с преступностью, коррупцией в новых коммерческих структурах) начал пробуксовывать. Увы, вновь разрабатывалась старая, знакомая по октябрю 1964 года, версия: за словами о благе страны, о спасении Отечества, о восстановлении чести и достоинства советского гражданина скрывались все те же партийно-государственные интриги, та же беспощадная и беспринципная борьба за власть,

искренняя вера в обветшалые и опрокинутые временем догмы, всякое отсутствие чувства реальности и здравого смысла. Вновь была продемонстрирована скудость предложенных политических средств выхода из кризиса: стремление разрешить все острые экономические, национальные проблемы силой, чрезвычайными мерами.

Удалось избежать масштабных насилия и кровопролития. По иронии судьбы путч носил почти трагифарсовый характер: слишком очевидны были цели переворота, ясна пустопорожность и беспомощность лозунгов и речей, слишком не соответствовали выбранным высоким ролям «спасителей» страны люди, захватившие власть. Общество выдержало испытание. Горький, очищающий опыт свободы, сознание собственного человеческого достоинства и права на человеческую жизнь, обретенные за короткое время перестройки, оказались сильнее страха и лжи.

В августе победила демократия. Но катастрофическое состояние в экономической, финансовой и политической областях не изменилось. Трудные, неразрешенные вопросы остались. Кризис продолжает нарастать и углубляться.

И главное. Завершился (или оборвался) курс, начатый в 1985 году,— курс эволюции общества, постепенных реформ и мирного парламентского перехода от тоталитаризма к демократии. Уникальное умение проводить среднюю линию в общественном развитии (находить компромиссы, избегать открытой борьбы и конфронтации, поиск согласия) в который раз было отвергнуто. И вина за это лежит не только на старых, цеплявшихся за власть партийно-государственных структурах. Опять востребован столь знакомый России по XX веку путь быстрой ломки, скачков и революции. А этот путь неизбежно обострил политическую борьбу за власть. Долгожданное освобождение от авторита-

ризма и тоталитаризма вновь может остаться иллюзией. Слишком многие черпают свое вдохновение в суловском стиле руководства.

После августовского путча стремительными темпами начался развал старого Союза. Фактически были подорваны выстраданные результаты ново-огаревского процесса, отброшены результаты мартовского всенародного референдума. Центробежные силы были ускорены начавшимся после переворота быстрым разрушением центральных структур власти, сказались и результаты прежней изнурительной борьбы. Несомненно, рост национального самосознания, возрождение культуры и языка, стремление к национальному самоопределению и построению собственной государственности можно только приветствовать. Это процесс естественнo-исторический. Уходит в прошлое сталинская империя, основанная на диктате силы, подавлении национального чувства и повсеместном внедрении интернационализма (ложно понятого как нечто серое и безликое). Но освобождение от наследия суловых в области национальной политики и отношений заключается не только в том, чтобы утвердить национальное достоинство и свободу, отбросив как ненужное бывшее ранее в употреблении понятие «советский народ», не только в том, чтобы провозгласить независимость, незыблемость границ, ввести собственную валюту и армию. Самое сложное — установление подлинно демократического правопорядка. А пока образовавшийся вакуум нередко заполняется все теми же жесткими структурами, близкими тоталитаризму, но с другим лицом и названием. Это, хотя и скрыто, содержится в самой сути власти некоторых бывших союзных республик. Здесь и деление населения на граждан «исконных», облеченных правами, и граждан «второго сорта» (и никакие ссылки на «насильственный брак» и заселение не могут служить этому оправданием); здесь и

отказ от очевидной логики: добившись права на самоопределение, нельзя препятствовать в этом другим народам; здесь и массовое распространение привычной «революционной» фразеологии и риторики: о врагах народа и нации, об агентах Кремля и ставленниках имперской Москвы, виноватых во всех бедах и неудачах новой власти; здесь и политические преследования инакомыслящих, контроль за прессой и другими средствами массовой информации, негласная цензура и т. п.; здесь и постоянно подогреваемая и неухающая политическая борьба, в которой одна кампания сменяется другой. И за всем этим скрывается некомпетентность, безграмотность, отсутствие практического опыта и навыков руководства, безответственность, дефицит политической культуры и реализма.

И все-таки согласие и новый союз необходимы. Иначе вполне вероятно образование на месте бывшей державы неустойчивой системы республик, разрозненных, зависимых и враждующих друг с другом. Эта угроза тем более реальна, так как процессы государственной эрозии охватывают и РСФСР. Может повториться уже пережитый опыт Февральской революции 1917 года, когда каждый уездный городишко стремился быстро объявить себя самостоятельной независимой республикой. В качестве исторического курьеза можно упомянуть о провозглашении в апреле 1917 года «Шлиссельбургской Державы», в которой каждая волость мыслилась чем-то подобным американским штатам.

В свое время о характере нарождавшихся в России республиканских, демократических движений размышлял русский философ и правовед И. А. Ильин: «Рассматривая республиканское движение в России XIX и XX века, исследователь все время изумляется тому отсутствию чувства ответственности, которое республи-

канцы обнаруживают на каждом шагу. Им и в голову не приходит, что они судят о неизвестном как о чем-то простом и ясном; — что они не знают ни веры, ни правосознания, ни хозяйства, ни истории, ни соблазнов того народа, судьбами которого они хотят распорядиться; — что все политические суждения их отвлеченны и схематичны, а по отношению к России беспочвенны и претенциозны; — что у них нет никакого политического *опыта*, а есть только заимствованная на Западе политическая *доктрина*. Отравленные бакунинской верой в то, что «дух разрушения есть созидательный дух», они ожидают «спасения» от исторического крушения России и воображают, что переход к демократической республике удастся русскому народу без особых затруднений»*.

Для утверждения демократии и полного изживания остатков авторитарно-бюрократической системы, помимо трудных экономических реформ, необходимо формирование новой политической культуры и гражданского правосознания. Современное общество болезненно политизировано. А это создает почву для воспроизводства тоталитарных привычек и порядков. Как верно писал тот же И. А. Ильин: «Политика отнюдь не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах есть своего рода «ярмарка тщеславия», азарт честолюбия, школа интриги, скачка с препятствиями, растрата народных сил и жизненных возможностей»**. Политика должна стать сферой деятельности профессионалов. Не менее существенно и другое: воспитание гражданского правосознания, независимого и не подчиняющегося идеологии и партийным

* Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 113.

** Там же. С. 123.

установкам, основанного на сочетании чувства свободы и сознательной дисциплины.

Тектонический сдвиг в последние годы произошел в обширном пространстве культуры. Отечественная история, втиснутая в жесткую мертвенную схему «Краткого курса», начинает высвобождаться от узости классового подхода, возвращаясь к правде факта и многообразию интерпретаций. Наконец-то впервые за годы Советской власти вышла к читателю «История государства Российского» Н. Карамзина, доступными стали глубокие исследования С. Соловьева и В. Ключевского. Постепенно в массовом потоке воспоминаний, документов, публикаций вырисовывается трагический образ отечественной истории XX века.

Со временем пришло понимание того, что за 70 лет марксизм не стал единственно «правильным и верным» учением, потому что все «прочие идеалистические бредни» (определение в духе Суслова) с порога отвергались; непрочитанные и неисследованные, они огульно приговаривались к забвению. Часть нашего национального богатства составляет «нравственно возыскающая» русская религиозная философия — Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, В. Соловьев, П. Флоренский. К сожалению, традиции ее оказались искусственно прерванными. В трудном, почти кризисном положении оказалась марксистская теория, да и материалистическая философия вообще. Слишком непосильной для творчества стала монополия сусловых.

Искусство постепенно раскрепощается, шаг за шагом высвобождаясь из идеологического плена. Торжество соцреализма, некогда провозглашенное с высоких трибун и зафиксированное в учебниках, при здравом рассмотрении оказалось фантомом, этаким подпоручиком Кижее, возникшим ниоткуда и исчезнувшим неизвестно куда. Сегодня соцреализм представляет со-

бой исторический интерес. Жесткий партийный диктат, рассматривавшийся Суловым как главное средство развития культуры, тоже приобретает оттенок архаики. Более того, публично признана ошибочность и неуместность директивных, в духе ждановских постановлений, методов руководства. Постепенно от идеологических стереотипов и вульгарных социологических схем движение литературы возвращается в единственно возможную систему координат: нравственно-эстетическую. Особенно это очевидно теперь, когда мы «заново» обрели, казалось, навсегда запрещенные книги А. Платонова, М. Булгакова, В. Гроссмана, В. Шаламова, А. Ахматовой, Ю. Домбровского и многих других. Положен конец и пресловутому разрыву отечественной словесности на «два потока», на две историн. Удивительно органичной частью российской культуры предстал творческий опыт деятелей послеоктябрьской эмиграции: Е. Замятина, И. Шмелева, Б. Зайцева, В. Ходасевича, В. Набокова, А. Аверченко и многих других, до недавнего времени с нелегкой руки суловых носивших тяжеловесные, «чугунные» ярлыки «белогвардейщины», «идеологически чуждых», «заблудившихся» и т. п. Многое глубже и яснее им было видно издалека, в вынужденном изгнании.

Весь этот вулканический процесс вызвал и неизбежную масштабную переоценку прежних идеалов и устоявшихся взглядов. Еще предстоит освободить зерно от плевел, создать подлинную историю советской литературы: драматичную, исполненную страстей и конфликтов вместо «пресной» и благостно прогрессивной в духе суловских представлений. Заинтересованного, непредвзятого осмысления ждет творчество бывших столпов советской литературы — М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, переживших личную трагедию, испытавших на себе и давление системы, и искушение близостью вла-

сти. Эти писатели больше всего пострадали от безжизненной односторонности оценок официальной идеологии.

Постепенно, хотя и болезненно, в сфере духовной культуры восстанавливается единственно возможный и плодотворный способ ее существования — диалог (утраченный еще после революции). Вместо нетерпимости, суррогата деления на «свое» и «чужое» с последующими оргвыводами (как было заведено у Сусллова и подчиненного ему аппарата) предполагается уважение к иной точке зрения. Необходимо заинтересованное стремление понять и причаститься к ее внутреннему личностному смыслу. И после — спорить и взаимообогащаться. Диалог потребует воспитания серьезного и свободного от идеологических предрассудков читателя, становления нового языка общения писателей, критиков. Увы, пока полемические страсти и идеологическая непримиримость усиливаются, мешая нормальному течению духовной жизни. При этом предвзятость, нежелание выслушать противоположную сторону, внутренняя несвобода, навязывание собственных, без сомнений понимаемых как единственно правильных политических убеждений отличает не только ретроградов и ревнителей старины, но и авторов, приверженных демократии и прогрессу. Слишком всеобъемлющ оказывается культурный вакуум, созданный Суслловым. Но некоторые шаги все же сделаны. Это показательно и по отношению к именам и книгам А. Галича, Н. Коржавина, В. Максимова, А. Солженицына, некогда насильно высланных или вынужденных уехать из СССР не без содействия Сусллова, и по отношению к зарубежным писателям — Д. Оруэллу, О. Хаксли, А. Кестлеру и другим.

Возрождаются не только книги, но и художественные фильмы. А. Тарковский, К. Муратова, А. Сокуров, А. Михалков-Кончаловский — вот далеко не полный

перечень режиссеров, произведения которых возвращены на экраны страны за последние годы. Более того, наконец советский зритель может самостоятельно разобраться и оценить фильмы Л. Бунюэля, Ф. Феллини, Б. Фосса, М. Феррери, М. Формана, сам может «ужаснуться» «разложению и деградации» современной западной поп- и рок-культуры. Сам может увидеть «извращенное восприятие действительности» С. Дали или «формализм и безыдейность» русского авангарда XX века. Сегодня приобщение к каждому новому имени художника или мыслителя, к его самобытному таланту, индивидуально неповторимому восприятию мира становится важным общественным актом, разрушающим ту внушительную стену между человеком и культурой, которую столь старательно вслед за Ждановым возводил и Сулов.

Творчеству (и авторскому, и читательскому) возвращен существенный его момент — свобода выбора темы, подхода, точки зрения, того или иного фильма, той или иной книги, статьи. Скучный, официально умеренный рацион канул в Лету. Но здесь рождается парадокс, грозящий остановить начавшийся процесс на полпути. Свобода столкнулась с зияющим отсутствием культуры: самовыражение и в части словесного ремесла и особенно кинопроизводства обернулось или разнузданной «чернухой», или странной одержимостью, не знающей никаких рамок морали. У всякой свободы, и художественной в том числе, есть то, что не дает ей превратиться в хаос, а делает фактом культуры. Это — ответственность. Ответственность (перед совестью или перед Богом) писателя, режиссера, с одной стороны, и читателя, зрителя — с другой. Об этом в свое время напряженно размышлял М. Бахтин: «Три области человеческой культуры: наука, искусство и жизнь — обретают единство только в личности (разрядка наша.— *Авт.*), которая приобщает их к сво-

ему единству. Но связь эта может стать механической, внешней... Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. Не только понести взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной...» *

Было бы иллюзией полагать, что авторитарную идеологическую систему с разветвленным аппаратом и «пленной мысли раздражением» легко устранить. Попытка проследить судьбу одного человека (пусть и весьма типичную), разобраться в роли, которую сыграл Суслов в истории нашей страны, — лишь незначительный шаг в этом направлении. То и дело воспроизводятся «двойники» Михаила Андреевича, «люди из бумажки», маленькие наполеоны. И среда их обитания отнюдь не ограничивается старым гос- и партаппаратом; подобием Суслова наводнены новые демократические структуры, политизированные и идеологизированные совсем в прежнем духе. Могущество системы — и в угнетающем контроле за личностью и сферами общественной жизни, в стойкости стереотипов и мифов, навязанных прежде, и новых, втолковываемых сегодня. Сила ее в осевшем страхе, несвободе, оборачивающейся нетерпимостью, в постоянной оглядке на авторитеты. И поэтому пока имя Суслова принадлежит не только прошлому...

* Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

3

О ЛИЧНОСТИ, СУДЬБЕ И ЭПОХЕ

Загадка политического долголетия

Сулова

11

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Первые тридцать лет

21

37-й И ДРУГИЕ ГОДЫ

25

«СОЛДАТ ПАРТИИ»

Ставрополье

(1939—1941)

40

В ГОДЫ ВОЙНЫ

(1941—1944)

55

ЭМИССАР СТАЛИНА

Уроки Литвы

(1944—1946)

77

СВЕРЯЯ ВРЕМЯ
ПО КРЕМЛЕВСКИМ...

(1947—1953)

99

«ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫЙ

СВОБОДОЛЮБЕЦ»

В окружении Хрущева

122

БЕГ НА МЕСТЕ

ИЛИ ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ

Идеология в 70-е годы

171

«И В ГРОБ СХОДЯ,

БЛАГОСЛОВИЛ...»

Последние годы жизни

209

ПОСЛЕ СМЕРТИ

М. А. Сулов

и судьба авторитарно-бюрократической

системы

220

Медведев Р. А., Ермаков Д. А.
М42 «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет.— Республика, 1992.— 238 с.: ил.
ISBN 5—250—01807—6

Известный советский историк и публицист Р. А. Медведев и его соавтор Д. А. Ермаков предлагают вниманию читателей книгу о М. А. Суслове — политическом деятеле, сыгравшем немаловажную роль в жизни нашего общества, особенно в его идеологии и культуре в 60—80-е годы. Имя этого творца авторитарной идеологической системы долгие годы было «на слуху», но документов о нем осталось очень мало (не считая официальных). Используя советские и зарубежные публикации, воспоминания, свидетельства современников, авторы воссоздают биографию и рисуют портрет Суслова, начавшего политическую карьеру в 1920 г. и закончившего свою почти 80-летнюю жизнь человеком, облеченным огромной властью и занимающим второе место в партийной иерархии.

Издание иллюстрировано, рассчитано на массового читателя.

Рой Александрович Медведев,
Дмитрий Артурович Ермаков

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ»

М. А. Суслов:
политический портрет

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*

Редактор *Н. Б. Чунакова*

Младший редактор *М. Ю. Мухина*

Художник *В. А. Тогобицкий*

Художественный редактор *А. Я. Гладышев*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 9235

Сдано в набор 19.09.91. Подписано в печать 17.12.91. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,20. Уч.-изд. л. 11,19. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2268.

С149

Российский государственный
информационно-издательский Центр «Республика»
Министерства печати и информации
Российской Федерации.

Издательство «Республика».

125811, ГСП, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

7-63

